

ISSN 1996-0522

СОЦІУМ И ВЛАСТЬ

№ 1 2022

Учредитель

Российская академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации

Издатель

Челябинский филиал
Российской академии народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации

Соиздатель — Южно-Уральский
государственный университет

РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА**Главный редактор**

доктор политических наук, профессор
Сергей Григорьевич Зырянов
(Челябинск, Россия)

Заместитель главного редактора

доктор философских наук, профессор
Александр Степанович Чупров
(Благовещенск, Россия)

Заведующий рубрикой философии

доктор философских наук, профессор
Сергей Валентинович Борисов
(Челябинск, Россия)

Заведующий рубрикой политологии

доктор политических наук, профессор
Сергей Григорьевич Зырянов
(Челябинск, Россия)

Заведующий рубрикой экономики и управления

доктор экономических наук, профессор
Ирина Викторовна Лаврентьева
(Челябинск, Россия)

Заведующий рубрикой социологии

доктор философских наук, профессор
Елена Викторовна Грунт
(Екатеринбург, Россия)

Заведующий рубрикой государства и права

кандидат юридических наук, доцент
Алексей Валерьевич Ильных
(Челябинск, Россия)

Заведующий рубрикой культуры

доктор исторических наук, профессор
Сергей Сергеевич Загребин
(Челябинск, Россия)

Заведующий рубрикой истории

доктор исторических наук, профессор
Дмитрий Владимирович Тимофеев
(Челябинск, Россия)

Ответственный за международные контакты

доктор философских наук, профессор
Сергей Валентинович Борисов
(Челябинск, Россия)

Ответственный секретарь

кандидат философских наук
Александра Александровна Бобрик
(Челябинск, Россия)

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС 77-48298 от 24.01.2012 г.
выдано Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций.

Дата выхода номера: 31.03.2022 г.

Формат 70×108 1/16

Усл. п. л. 9,45. Тираж 500 экз.

Заказ № 50/98.

Издание подготовлено к печати и отпечатано
в Издательском центре ЮУрГУ.
454080, г. Челябинск, пр. Ленина, 76.

16+

СОЦИУМ

**Жилина Вера Анатольевна,
Креписов Константин Михайлович**

Проблема онтологизации
нормативного бытия
в религиозной практике человека.....7

Соломко Дмитрий Витальевич

Экогуманистика как вид
научного знания и методология
понимания специфики
отношения «человек —
технично-технологизированный мир».....15

ВЛАСТЬ

Мухаметов Руслан Салихович

Парадипломатия российских регионов:
возможности и ограничения
(на примере Свердловской области)26

Кирчанов Максим Валерьевич

Иранская монархическая эмиграция
как критик политического режима
Исламской Республики Иран.....37

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Философия

- Хосе Баррьентос Растрохо* — доктор философии, профессор (г. Севилья, Испания)
С. В. Борисов — доктор философских наук, профессор (г. Челябинск, Россия)
Е. В. Грунт — доктор философских наук, профессор (г. Екатеринбург, Россия)
Ю. Г. Ершов — доктор философских наук, профессор (г. Екатеринбург, Россия)
Филип Иванович — Ph.D (г. Подгорица, Черногория)
Виктория Лезьер — доктор философских наук, профессор (г. Форкалькейре, Франция)
В. Г. Ледяев — доктор философских наук, профессор (г. Москва, Россия)
А. Н. Медушевский — доктор философских наук, профессор (г. Москва, Россия)
В. А. Нехамкин — доктор философских наук, профессор (г. Москва, Россия)
А. В. Павлов — доктор философских наук, профессор (г. Тюмень, Россия)
В. Д. Попов — доктор философских наук, профессор (г. Москва, Россия)
Г. Л. Тульчинский — доктор философских наук, профессор (г. Санкт-Петербург, Россия)
А. С. Чупров — доктор философских наук, профессор (г. Благовещенск, Россия)

Политология

- С. Г. Зырянов* — доктор политических наук, профессор (г. Челябинск, Россия)
А. В. Павраз — доктор политических наук (г. Санкт-Петербург, Россия)
А. В. Понделков — доктор политических наук, профессор (г. Ростов-на-Дону, Россия)
О. Ф. Русакова — доктор политических наук, профессор (г. Екатеринбург, Россия)
Грегори Саймонс — доктор философии, профессор (г. Упсала, Швеция)
А. Ю. Сунгуров — доктор политических наук, профессор (г. Санкт-Петербург, Россия)

Социология

- Н. Б. Костина* — доктор социологических наук, профессор (г. Екатеринбург, Россия)
Сабина Лисица — доктор, профессор (г. Ариэль, Израиль)

Юриспруденция

- В. Г. Графский* — доктор юридических наук, профессор (г. Москва, Россия)
А. В. Ковбан — кандидат юридических наук, доцент (г. Одесса, Украина)
С. В. Кодан — доктор юридических наук, профессор (г. Екатеринбург, Россия)
А. Б. Сергеев — доктор юридических наук, профессор (г. Челябинск, Россия)

Экономика и управление

- О. В. Артемова* — доктор экономических наук, профессор (г. Челябинск, Россия)
Л. М. Байтенова — доктор экономических наук (г. Алматы, Казахстан)
В. И. Бархатов — доктор экономических наук, профессор (г. Челябинск, Россия)
Л. М. Муталиева — кандидат экономических наук (г. Астана, Казахстан)
И. В. Лаверентьева — доктор экономических наук, профессор (г. Челябинск, Россия)
Т. Ю. Савченко — кандидат экономических наук, доцент (г. Челябинск, Россия)

Культурология

- С. С. Загребин* — доктор исторических наук, профессор (г. Челябинск, Россия)
А. Н. Лукин — кандидат культурологии, доцент (г. Челябинск, Россия)

История

- С. В. Нечаева* — кандидат исторических наук, доцент (г. Челябинск, Россия)
С. С. Смирнов — доктор исторических наук, профессор (г. Челябинск, Россия)
Д. В. Тимофеев — доктор исторических наук, доцент (г. Челябинск, Россия)

ЭКОНОМИКА
И УПРАВЛЕНИЕ

Коротина Наталья Юрьевна

Функциональный статус
регионов России в системе
экономических
федеративных отношений.....47

Смирнов Олег Олегович,
Безвербный Вадим Александрович

Потенциал развития
секторов экономики
малых городов России:
современные тенденции62

КУЛЬТУРА

Фам Тиен Бак

Пути влияния конфуцианской этики
на современное
вьетнамское общество75

Камалиева Ирина Ринатовна

Философские основания
медиализации культуры.....83

Богданова Вероника Олеговна

Методологические основы применения
герменевтического подхода
в преподавании
гуманитарных дисциплин.
Часть 2. Техника понимания
визуального текста на примере
анализа произведения
изобразительного искусства
(Р. Магритт «Песня любви»).....90

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ ЧИТАТЕЛЕЙ И АВТОРОВ

Научный журнал «Социум и власть»

предназначен для специалистов в области государственного и муниципального управления, философии, социологии, политологии, юриспруденции, экономики, менеджмента, истории, культурологии, а также преподавателей, аспирантов и студентов.

Тематика публикаций

должна соответствовать профилю журнала, различным аспектам состояния социума и его взаимоотношениям с властью.

Журнал «Социум и власть» включен в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук по специальностям:

- 09.00.01 — Онтология и теория познания.
- 09.00.03 — История философии.
- 09.00.04 — Эстетика.
- 09.00.05 — Этика.
- 09.00.07 — Логика.
- 09.00.08 — Философия науки и техники.
- 09.00.11 — Социальная философия.
- 09.00.13 — Философская антропология, философия культуры.
- 09.00.14 — Философия религии и религиоведение.
- 23.00.01 — Теория и философия политики, история и методология политической науки.
- 23.00.02 — Политические институты, процессы и технологии.
- 23.00.04 — Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития.
- 08.00.05 — Экономика и управление народным хозяйством.
- 08.00.10 — Финансы, денежное обращение и кредит.
- 08.00.12 — Бухгалтерский учет, статистика

Рукописи рецензируются.

Требования к рукописям научных статей, представляемым для публикации в научном журнале «Социум и власть», размещены на странице 108.

Адрес редакции, издателя:

454077, г. Челябинск, ул. Комарова, 26
Телефон редакции:
(351) 771-42-30
E-mail: siv_jurnal@mail.ru

Адрес в Интернете
<http://siv74.ru>

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов опубликованных материалов. Ответственность за аутентичность и точность цитат, имен, названий и иных сведений, а также за соблюдение законодательства об интеллектуальной собственности несут авторы публикуемых материалов.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Журнал выходит 4 раза в год, распространяется по подписке в отделениях почтовой связи.

Цена свободная

**Подписной индекс 38909
в Объединенном каталоге
«Пресса России. Том 1. Газеты и журналы»**

КРИТИКА И РЕЦЕНЗИИ

Борисов Сергей Валентинович

Философские истории

для детей и взрослых:

заметки о книгах:

Tillmanns, Maria daVenza. (2020—2021).

Why We Are in Need of Tales,

Toronto, Iguana Books, Part I. 61 p.,

Part II. 59 p. 102

Founded by
 The Russian Presidential Academy of National Economy
 and Public Administration

Published by
 Chelyabinsk branch
 of the Russian Presidential Academy
 of National Economy and Public Administration
 Copublisher — South Ural State University

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief

Doctor of Political Science, Professor
S.G. Zyrianov
 (Chelyabinsk, Russia)

Deputy Chief Editor

Doctor of Philosophy, Professor
A.S. Chuprov
 (Blagoveshchensk, Russia)

Head of Philosophy Dept

Doctor of Philosophy, Professor
S.V. Borisov
 (Chelyabinsk, Russia)

Head of Political Science Dept

Doctor of Political Science, Professor
S.G. Zyrianov
 (Chelyabinsk, Russia)

Head of Economics and management Dept

Doctor of Economic Sciences, Professor
I.V. Lavrentyeva
 (Chelyabinsk, Russia)

Head of Sociology Dept

Doctor of Philosophy, Professor
E.V. Grunt
 (Yekaterinburg, Russia)

Head of Law and State Dept

Candidate of Legal Sciences
A.V. Ylyinykh
 (Chelyabinsk, Russia)

Head of Cultural Studies Dept

Doctor of Historical Sciences, Professor
S.S. Zagrebin
 (Chelyabinsk, Russia)

Head of History Dept

Doctor of Historical Sciences, Assistant Professor
D.V. Timofeev
 (Chelyabinsk, Russia)

International Relations

Doctor of Philosophy, Professor
S.V. Borisov
 (Chelyabinsk, Russia)

Executive editor

Candidate of Philosophy Sciences
A.A. Bobrik
 (Chelyabinsk, Russia)

Certificate of Registration
 PI № FS 77-48298 of 24.01.2012
 Issued by Russian Surveillance Service
 for Mass Media and Communications.
 Passed for printing on 31.03.2022.
 Format 70×108 1/16
 Reference sheet area 9,45. Issues — 500.
 Order № 50/98.
 Designed and printed at
 454080, Chelyabinsk, Lenina prospect, 76.

SOCIUM

**Vera A. Zhilina,
 Konstantin M. Krepisov**

The problem of ontologizing
 the normative being
 in the religious context of a person 7

Dmitry V. Solomko

Ecohumanistics as a kind
 of scientific knowledge
 and methodology
 for understanding the specifics
 of the relationship
 “human — technical
 and technological world” 15

POWER

Ruslan S. Mukhametov

Paradiplomacy of Russian regions:
 features and limitations
 (as illustrated by the Sverdlovsk region)..... 26

Maksym V. Kyrchanoff

Iranian monarchic emigration
 as a critic of the political regime
 of the Islamic republic of Iran 37

BOARD OF EXPERTS

Philosophy

- José Barrientos Rastrojo* — Ph.D., full professor
(Seville, Spain)
S.V. Borisov — Ph.D., professor
(Chelyabinsk, Russia)
E.V. Grunt — Ph.D., Professor
(Yekaterinburg, Russia)
Yu.G. Ershov — Ph.D., professor
(Yekaterinburg, Russia)
Filip Ivanović — Ph.D (Podgorica, Montenegro)
Victorya Lezyer — Ph.D., professor
(Folkarkeyre, France)
V.G. Ledyaeв — Ph.D., Professor
(Moscow, Russia)
A.N. Medushevsky — Ph.D., Professor
(Moscow, Russia)
V.A. Nekhamkin — Ph.D., Professor
(Moscow, Russia)
A.V. Pavlov — Ph.D., Professor
(Tyumen, Russia)
V.D. Popov — Ph.D., Professor
(Moscow, Russia)
G.L. Tulchinskii — Ph.D., Professor
(St. Peterburg, Russia)
A.S. Chuprov — Ph.D., Professor
(Blagoveshchensk, Russia)

Political Science

- S.G. Zyrianov* — Ph.D., Professor
(Chelyabinsk, Russia)
A.V. Pavroz — Ph.D.
(St.Peterburg, Russia)
A.V. Ponedelkov — Ph.D., Professor
(Rostov-on-Don, Russia)
O.F. Rusakova — Ph.D., Professor
(Yekaterinburg, Russia)
Gregory Simons — Ph.D., professor
(Upsala, Sweden)
A.Yu. Sungurov — Ph.D., Professor
(St. Peterburg, Russia)

Sociology

- N.B. Kostina* — Ph.D., Professor
(Yekaterinburg, Russia)
Sabina Lisitza — Ph.D., professor
(Areal, Israel)

Law

- V.G. Graftskiy* — LLD, Professor
(Moscow, Russia)
A.V. Kovban — Cand. Sc. (Legal Studies),
(Odessa, Ukraine)
S.V. Kodan — LLD, Professor
(Yekaterinburg, Russia)
A.B. Sergeev — LLD, Professor
(Chelyabinsk, Russia)

Economics and Administration

- O.V. Artyomova* — Ph.D., Professor
(Chelyabinsk, Russia)
L.M. Bajtenova — Dr. Sc.
(Almaty, Kazakhstan)
V.I. Barkhatov — Ph.D., Professor
(Chelyabinsk, Russia)
L.M. Mutalievа — Cand. Sc. (Economics)
(Astana, Kazakhstan)
I.V. Lavrentyeva — Ph.D., Professor
(Chelyabinsk, Russia)
T.Yu. Savchenko — Cand. Sc. (Economics),
Assistant Professor
(Chelyabinsk, Russia)

Cultural Studies

- S.S. Zagrebin* — Ph.D., Professor
(Chelyabinsk, Russia)
A.N. Lukin — Cand. Sc. (Cultural Studies),
Assistant Professor
(Chelyabinsk, Russia)

History

- S.V. Nechaeva* — Cand. Sc. (History), Assistant Professor
(Chelyabinsk, Russia)
S.S. Smirnov — Ph.D., Professor
(Chelyabinsk, Russia)
D.V. Timofeev — Ph.D., Assistant Professor
(Chelyabinsk, Russia)

**ECONOMICS
AND MANAGEMENT**

Natalya Yu. Korotina

Functional status of Russian regions
in the system of economic
federative relations47

**Oleg O. Smirnov,
Vadim A. Bezverbny**

Potential for developing sectors
of the economy of small cities
in Russia: modern trends62

CULTURE

Pham Tien Bac

Ways of influencing Confucian ethics
in modern Vietnam society75

Irina R. Kamalievа

Philosophical foundations
of culture medicalization83

Veronika O. Bogdanova

Methodological foundations
for applying the hermeneutic approach
when teaching the humanities.
Part 2. Technique for understanding
a visual text as exemplified by analyzing
a work of fine art (R. Magritte
“Song of Love”)90

**INFORMATION
FOR READERS AND AUTHORS**

**Scientific journal
«SOCIUM AND POWER»**

is for experts in public and municipal administration, philosophy, sociology, political science, law, economics, management, as well as for teachers, graduate students and undergraduates.

Article topics

must conform to the journal's profile and be relevant to various (political, social, economic, legal etc) aspects of the society and its relations with public and municipal authorities.

According to the decision of the Presidium of the Higher Attestation committee (VAK) of the Russian Ministry of Education and Science, the «SOCIUM AND POWER» journal is included

**in the list of leading
peer-reviewed scientific journals
and publications,**

where the primary scientific results should be published for Candidate of Science and Doctor of Science theses in the following fields of science: philosophy, political science, economics.

The articles are peer-reviewed.

The requirements for scientific articles to be published in the «SOCIUM AND POWER» scientific journal are located at page 108.

Send your articles to the editor's office at:

454077, Chelyabinsk, Komarova st., 26
Editor's office phone number:
(351) 771-42-30
E-mail: siv_jurnal@mail.ru

Website:
<http://siv74.ru>

Disclaimer:
Only the authors of published articles may be held liable for authenticity and accuracy of citations, names, titles and other information as well as for respecting the intellectual property legislation.

Copyright reserved

The journal is published quarterly and distributed by subscription at the post offices.

Free price

**Subscription index
in Russia**
38909

CRITICISM AND REVIEWS

Sergey V. Borisov

Philosophical stories for children and adults: review of the books by Maria daVenza Tillmanns (2020—2021) "Why We Are in Need of Tales", Toronto, Iguana Books, Part I.
61 p., Part II. 59 p.102

Для цитирования: Жилина В. А., Креписов К. М. Проблема онтологизации нормативного бытия в религиозной практике человека // Социум и власть. 2022. № 1 (91). С. 07—14. DOI 10.22394/1996-0522-2022-1-07-14.

УДК 124.5

DOI 10.22394/1996-0522-2022-1-07-14

ПРОБЛЕМА ОНТОЛОГИЗАЦИИ НОРМАТИВНОГО БЫТИЯ В РЕЛИГИОЗНОЙ ПРАКТИКЕ ЧЕЛОВЕКА

Жилина Вера Анатольевна,
Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова, профессор кафедры философии, доктор философских наук, Магнитогорск, Россия.
E-mail: vera-zhilina@yandex.ru

Креписов Константин Михайлович,
Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова, аспирант кафедры философии, Магнитогорск, Россия.
E-mail: philosophybox34@yandex.ru

Аннотация

Данная статья посвящена проблеме нормативности социального бытия. В сравнительном анализе философии права, гуманитарных и социальных исследований доказательно обнаружены основания онтологической укорененности нормы в бытии человека. Гипотеза данного исследования состоит в том, что норма является не просто особым способом регуляции поведения, а есть основная форма человеческого существования. Раскрыта онтологическая природы нормы вне семантического аспекта ее отдельных проявлений. Для этого основанием анализа определен Декалог, где впервые осуществлена попытка закрепить «чистую» норму. Показано, что норма рождается в диалектике запрета и долженствования в рефлексивных процессах действий социального субъекта. Предпринята попытка целостного анализа нормативности социального бытия.

Ключевые слова:

норма,
субъект,
онтология,
запрет,
долг,
религия

Введение

Нормативная составляющая социального бытия всегда сохраняет свою актуальность в теоретических исследованиях общества и человека, но, вместе с тем, данное проблемное поле не имеет четких демаркационных линий в философском, гуманитарном, социально-социологическом анализе. Норма зачастую отождествляется с правилом, отсюда следует отсылка к закону, чаще в область правовых отношений, чуть реже сегодня в область морали, и, тем самым, в лучшем случае нормативность позиционируется как некая форма. Вследствие этого анализ имеющейся научной базы теоретических исследований вскрывает своеобразный разрыв: либо в работах акцентируется содержание некоторых нормативных актов, и тогда превалирует описательный подход в отношении к элементам этого содержания, либо норма рассматривается в системе регуляторов общественных отношений, где она теряет автономность и приобретает статус свойства таких устойчивых феноменов как мораль, право и т. д. [6; 13; 14] В первом случае часто говорят о правовых, моральных нормах в их исторических трансформациях, во втором — можно констатировать увлечение нормой в общей системе менеджмента. В силу предметности научного знания такое искусственное «обрезание» целостности нормы может быть даже эффективным в достижении конкретных результатов, но в философском поле данный традиционный срез нормы явно недостаточен. Это подтверждает и развитие социальной практики: чем более усиливаются коммуникационные связи социальных субъектов, тем актуальней становится проблема нормативности социального бытия. Наглядней всего недостаточность одностороннего понимания нормы проявляет себя в деструктивных тенденциях развития общественных отношений. Помимо того, что во всех проявлениях экстремизма, терроризма сразу встает вопрос о соотношении их наличия в социуме с нормой поведения и общечеловеческой моралью, что заставляет правовое, моральное поле культуры остро реагировать на случаи их проявления, любая деструкция, парадоксальным образом, в процессах рефлексии современного социального субъекта начинает претендовать на сам статус нормы. Следует предположить, что фундамент этих процессов выстраивает современная мифология, которая по законам мифа, убирая ответственность и размывая мораль, способна конструировать собственные оболочки

нормы. В этом аспекте представляется, например, что фраза «свобода есть познанная необходимость» по семантическому происхождению менее философская, но более мифологическая. Именно миф конструирует «подходящую» необходимость. А результатом становится позиционирование свободы либо как случайного свойства человеческого бытия, либо в качестве инструментария подчинения миру. Вместе с тем, именно норма с самого начала формирования человеческой культуры вбирает в себя особенности человеческого включения в мир. Будучи «выброшенным» за рамки мира, не имея изначальной морфологической приспособленности к среде, человек вынужден искать способ включения в этот мир и сразу попадает в действие двух необходимых плоскостей — естественной, природной и собственной, социальной. Точкой пересечения и становится норма. Впоследствии в этой точке и начинается складываться объективная двойственность природы нормы. Вместе с тем, норма есть явленность человека, а следовательно, затрагивает саму сущность человеческого бытия. В этом срезе норма формируется в просвете бытия, она снимает в себе и запрет, и долженствование. Так начинает складываться субъектная сторона нормативности. И объективная, и субъектная стороны образуют целостность, универсальность нормы. Но в культуре норма как целое, как автономная сущность проявляется в доминанте той или иной стороны. В частности, запрет детерминирует появление правовой реальности, долженствование рождает мораль, снятие в норме природной необходимости через объективацию провоцирует развитие науки, а грани социальной необходимости формируют суть социальных законов. Это доказательно указывает на то, что норма продуцируется и в явлениях надстройки, и в основаниях базиса социума. Помимо факта присутствия нормы в основных характеристиках социального бытия данный status quo убеждает в насущной необходимости раскрытия истинной природы нормы как отражения родовой сущности человека. В современном анализе социального, когда в силу многих причин конкретные проявления нормативности — мораль, право мозаично распадаются на некие эмпирически окрашенные картинки конкретных поступков человека раскрытие универсального основания способно проявить действительные причины происходящих процессов и, тем самым, например, минимизировать риски все тех же деструктивных явлений в обществе.

В раскрытии истинной онтологической природы нормы следует идти от форм объективированного мировоззрения в силу того, что в них наиболее сохранна целостность самого человека. Среди них наибольший интерес представляет религия, так как именно в рамках этого типа мировоззрения человек открыто позиционируется в особом статусе, в силу трансцендентности сверхъестественного абсолютизирован запрет нормы и одновременно констатируется априорность закона. Выбор такого основания анализа особо актуален в наши дни, когда религиозное поле неуклонно расширяется, религия мимикрирует даже под формы строгой рациональности и, к сожалению, именно религиозное поле чревато ростками деструктивных моментов в социуме.

Целью данной статьи является доказательное обоснование онтологической природы социальной нормативности через исследование специфики норм Декалога Ветхого Завета. Декалог в отличие от аналогичных семантических закреплений нормы в более ранних языческих источниках максимально очищен как от мифической составляющей, так и от вкраплений ритуальных элементов, которые настоятельно требуют религия как форма закрепления общественного опыта человека. Так, в первой заповеди «Я Господь, Бог твой, Который вывел тебя из земли Египетской, из дома рабства; да не будет у тебя других богов пред лицом Моим» [2, Исх., 20:2-3] онтологически закреплено время (через прошлое, настоящее и будущее), присутствие нормы в мире (через присутствие в нем Бога), содержательно отражена диалектика бытия — небытия (боги иные есть ничто, тогда как Бог есть Сущее), элиминированы все посредники между миром и человеком, ибо мир есть тварное от Сущего. Это позволяет предположить, что именно в этих фиксированных гранях отношения человека к миру и проявляет себя онтологическая укорененность нормы в бытии человека.

Методы и материалы

Ведущим методологическим основанием данного исследования является структурно-генетический подход, разрабатываемый в неклассических онтологиях социального бытия, что позволяет осуществить междисциплинарный подход в анализе реальной природы нормативности с применением методов эмпирического и теоретического уровней познания. Опора на региональные феноменологические онтологии, онтологии

человеческой культуры, диалектико-материалистические модели общественно-исторического процесса, духовной жизни общества позволяют проследить динамику человеческого бытия и конкретизировать место нормы в нем. Активно задействованы принципы феноменологической методологии — принцип интенциональности сознания и принцип беспредпосылочного описания трансформаций нормы в культуре для определения эволюции изменений ее семантики и формы. Исследование также опирается на герменевтическую методологию, применение которой позволяет уточнять характеристики религиозной трактовки нормы на примере первой заповеди Декалога Ветхого Завета через истолкование многообразия внутренних связей Я. В анализе диалогичных моментов взаимоотношения Я с Ты герменевтический опыт раскрывает предельность нормы в экзистенции как границы освоенной и постигаемой человеком реальности. Для организации материала в исследовании использованы системно-структурный, исторический подходы, метод аналогии и восхождения от абстрактного к конкретному, взятые в диалектическом аспекте, что позволяет структурировать качественную целостность нормативности вне ее конкретного содержания.

В основании исследования лежит анализ научных, философских и теологических подходов в анализе нормативности. В частности, значимым является позиция большинства библеистов в отношении Декалога в определении его сути в качестве Провидения, где заповеди являются отражением целостности триединства структуры (Бог-человек-мир), при этом трансцендентное начало не есть форма, а есть живое, действующее бытие (А. Мень) [9]. В силу специфики религии как формы объективированного мировоззрения именно в религиозных доктринах норма часто соотносится со свободой человека. Современная теологическая мысль на этом основании выдвигает концепции нормативного плюрализма как платформы бесконфликтной коммуникации (J. Giles). Нормативность как формализованный законодательством запрет традиционно рассматривается в рамках юридического анализа нормативности (А. П. Пинчук., Е. И. Тимофеев., Г. Е. Решетников). Однако следует отметить, что в современном философском анализе права правовая норма рассматривается не в традиционном противопоставлении иным формам нормы в культуре (чаще всего, морали), а в единстве с ними, что позволяет

говорить о некоторой внутренней морали самого права (Р. Силтала). В общей логике развития онтологии норма традиционно соотносится с необходимостью в рамках детерминистского подхода в дилемме свобода-несвобода. Исторически следует выделить два переломных момента этого аспекта позиционирования нормы: аристотелевское разделение, когда свобода помещена в природу, а запретные ограничения остаются в области разума и переворот эпохи Просвещения с закреплением свободы в Разуме. Выбор соответствующей позиции долгое время в истории теоретической мысли детерминирует сущностное понимание права. Однако для данного исследования наиболее значим индетерминистский подход к норме, складывающийся в XX веке (L. Huppes-Cluysenaer) [17]. В фактах смены положений общего подхода в философии права можно предположить предпосылки новой парадигмы в исследованиях права. Право, например, теперь не напрямую соотносится с законом, а через интенциональность сознания. Особенности правовой нормы исследователи анализируют в интуициях рефлексивного суждения, а не в механическом применении закона к факту (N. Smith) [19].

Научная новизна

Проведенный анализ позволяет сделать вывод об особом статусе нормативности в структуре социального бытия. Исследование построено на выявлении онтологического смысла нормативной составляющей первой заповеди Декалога Ветхого завета. Выбор религиозного поля в исследовании действительной природы нормы обусловлен спецификой данной формы объективированного мировоззрения. В частности, особую значимость представляет жесткая демаркация естественного и сверхъестественного, что в условиях доминанты Абсолюта способно проявить статус нормы в «чистом» виде. Одновременно специфика понимания в религии бытия самого Абсолюта как высшего закона, реальности и снятия всех основных характеристик мира сохраняет целостность и единство нормы и ее носителя. В этой логике доказана недопустимость сведения нормы к простому способу регуляции поведения человека. Онтологическая укоренность нормы в субъекте раскрыта в анализе допустимых пределов действия, стремления, которые являются и формой сохранности человека во взаимодействии с миром. Специфика данного исследования заключается в рассмотрении нормы в процессах

самоограничения субъекта, в качестве грани его устойчивости.

Результаты и обсуждение

Гипотеза данного исследования состоит в том, что норма является не просто особым способом регуляции поведения, а есть основная форма человеческого существования. В частности, норма — это конкретизация состояния общественных отношений, она являет себя в коммуникациях и по своей природе не исчерпывается закрепленными правилами поведенческой культуры. Нормативность есть снятая диалогичность человека, она рождается «между» [8; 11]. В этом аспекте можно увидеть некоторую аналогию нормы герменевтически понимаемому тексту. Как понимание смысла отрывка текста или фрагмента повседневно высказывания зависит от схватывания всего горизонта смысла, так и исследование нормы невозможно в отрыве от ситуации ее раскрытия или вне проблемы, где она претендует на доминирующие позиции. Представляется значимым и тезис Гадамера о формировании предрассудками некоторой первичной платформы, отталкиваясь от которой человек и способен вступать в мир. В данном случае следует рассматривать наличие таких «предрассудков» в качестве некоторой априорной данности мира человеку. В первой заповеди такая данность закреплена особой причинной связью — указанием на освобождение из рабства [12].

Человек есть тварное существо наряду с миром, как тварь неотъемлем от этого мира. Но одновременно человек выше этого мира. Я вывел тебя из дома рабства, и Я есть подлинно Сущее. Человек ДОЛЖЕН выйти из мира и остаться в этом мире. Основанием такого выбора не может остаться мир, мифология убедительно это демонстрирует: огонь Прометея не нужен людям, они поглощены этим миром, и этот внешний для человека бунт (восстание Прометея против воли Зевса) необходим, чтобы разбудить спящего человека. И при выходе из экзистенции в подлинный процесс бытия человек ощутит необходимость огня — в осознании своего родового качества: нормативности, благодаря ей он сможет стать выше ситуации [1]. Отсюда норма не есть творение субъекта, не есть и сам субъект. Норма — это событие, в которое и вовлечен субъект. «История не принадлежит нам, но мы принадлежим ей» [3, с. 63]. Косвенным доказательством может служить критика Марксом Фейербаха, где главным недостатком выделяется сведе-

ние сути религии к простой человеческой природе. «Но сущность человека не есть абстракт, присущий отдельному индивиду. В своей действительности она есть совокупность всех общественных отношений» [15, с. 126]. Нормативность снимает в себе простую принадлежность человека миру и истории. Собственно, нормативная составляющая человеческого бытия — это позитивная способность человека конструировать смысловую реальность [20].

Представляется значимым такое акцентирование места нормы в структуре человеческого бытия для теоретического анализа. Данное понимание позволит избежать заблуждений вследствие односторонности в исследовании целостности социальных феноменов. В отношении выбранного нами нормативного закрепления отношения к миру, например, в русле юридических наук содержание первой заповеди традиционно трактуется исключительно в контексте смыслов монотеизма и в последующем закреплении нормы в статье о свободе совести в конституциях развитых стран [5; 10]. Норма в таком случае становится несколько плоской и сводима к схеме социальной иерархии: Бог — властители — подвластные. В лучшем случае позиционируется наличие рефлексивных элементов в функционировании нормативного начала — в отношениях человека к Богу. Но и в этом аспекте просто проводятся аналогии с имеющимся законодательством. Отсюда норма неизбежно начинает пониматься как механизм принуждения. Вследствие теоретического заблуждения возможно обратное влияние в социальной практике: сформулированные в рамках такой нормативности законы не могут быть эффективными, так как идут в конфликт со свободой как родовым свойством человека.

В реалии смысл заповеди гораздо богаче и выходит за рамки единичного субъекта. «Я господь твой...» — обращение к каждому автоматически снимает анонимность единичных субъектов, индивидуальность обращена в ответственность и, вместе с тем, ответственность каждого типична: из плена египетского выведены все. Следует обратить внимание на косвенное доказательство невозможности сведения нормы к контенту, в частности, к морали [4]. Мораль может терпеть безличность, будучи сращена с властью как главным регулятором в обществе. Но нормативность ее будет вызывать большие сомнения. И это объективно обусловлено: намеренно сужено поле нормативности, а искусственные конструкты не жизнеспособны в области бытия.

В логическом срезе исторического неизбежно обнаруживается факт раскрытия истории в области нормы. Помимо того, что историческая практика свидетельствует о причинном статусе трансформаций нормативности, что и вызывает к жизни разные последствия в социальной жизни, само ядро исторических закономерностей нормативно. Примечательно, что превращение истории в научную дисциплину на принципах повторяемости и проверяемости исторических фактов также является следствием допущения некоторой априорной нормативности. Так, привычное и традиционное деление на эпохи согласно формационному структурированию истории есть следствие нормативного соотношения базиса и надстройки. И следует отметить, что такое нормативное соотношение не является зеркальным отражением некоторых объективных закономерностей. Это абстрактная умозрительная нормативность, которая являет себя в противоречии между реально происходящим и рефлексивным.

В реальности норма — это самоограничение субъекта. Но специфика человеческого включения в мир состоит в процедуре постоянного выхода за рамки себя [7]. Получается границы демаркации Я размыты, подвижны. Религия стремится их прояснить через границы Абсолюта — в форме категорического запрета: не будет других Богов. Но сама граница не может контактировать с границами Я: сверхъестественное трансцендентно, оно по ту сторону от человеческого бытия. В этом разрыве и возможно проследить реальный статус нормативности. Норма в деятельности отождествляется с допустимыми пределами действия, будучи формой сохранности человека как в мире естественном — в природе, так и в искусственно создаваемом — в социальном. Следовательно, человек априорно нормативен в аспекте собственной упорядоченности в мире. Но в силу общественного характера человеческого бытия (у каждого субъекта есть свой плен египетский как пересечение подчинения законам среды и законам социума) норма объективируется в культуре, отчуждается и становится чем-то внешним противоположным самой себе.

При этом сущность нормативности остается неизменной: норму можно констатировать как форму устойчивости Я. Но Я всегда находится во взаимодействии и диалоге с иным: со средой, другим Я, где и формируется социальность [21]. В пересечении смысловых рефлексий таких неизменностей рождается автономность нормы. В этом плане

норма есть некий аналог анонимного Ты. Неизменная форма Я отстоит от реального и воспринимается им как нечто внешнее. «Я Господь, Бог твой, Который вывел тебя из земли Египетской, из дома рабства; да не будет у тебя других богов пред лицом Моим» [2, Исх., 20:2-3]. Отсюда понятен смысл взятой в качестве условного фундамента построения сущности нормы заповеди: неизменное Я (как явление нормы) способно вывести человека из плена мира, но перед «лицом» Я никаких других посредников не может быть. Этим объясняется разрыв нормативности и юридического закона, когда последний имеет низкий социальный КПД.

Следует отметить, что граничное положение нормы не означает ее отрыв от субъекта, так как она остается модусом его экзистенции. Объективация нормы в культуре в виде морали, права, эстетического идеала и т. д. можно рассматривать в качестве некоторых внутренних границ существования человека. Здесь норма ближе всего к игровому аспекту бытия человека: она проявляет себя в той мере, в какой в действии явлен непосредственно запрет, а последний соотношен с содержанием долженствования, которое значимо для субъекта именно в этот момент. Именно поэтому норма не является использованием готовых алгоритмов действия, закрепленных раз и навсегда. Норма формируется каждый раз и во взаимодействии многих воле субъектов. Ты (от человеческого Я до любого феномена культуры) отталкивает Я, тем самым выводя из рабства (подчинения миру, другим), но не оставляет неопределенность: не будет других богов, то есть во многих текущих проявлениях норма сохраняет собственную сущность. Доказательство обнаруживается и в области философии права. Исследователи указывают, что вслед за историческими трансформациями человека обнаруживается и изменчивость нормативности, но при сохранении ее постоянных смыслов. Наиболее устойчивым предметным полем исследования правовой нормы в юриспруденции традиционно является теория естественного права. Исторически можно констатировать в области философии права в анализе данного феномена смену парадигм классического, схоластического, рационалистического подходов [18]. Современный научный подход интересен констатацией идеи наличия внутренней, то есть институциональной или процедурной, морали самого права, что ставит под сомнение традиционное жесткое разделение моральных и правовых норм. На место строгой демаркации приходит деление морали

долга и морали устремления, что позволяет говорить о некотором устойчивом неизменном минимальном содержании естественного права. Часто оно констатируется как проявление некоторого здравого смысла, лишённого морали, но представляющего некий синкретичный сплав ценности жизни, знаний, игры, эстетического опыта, общения (в нем особое место занимает дружба), практической разумности и «религии» [16]. В самой юридической практике это приводит к двойственной позиции: в зависимости от ценностных установок служителя закона сращивание правовой нормы с политической, религиозной или моральной может стать как высшим благом, так и предельной формой деструкции. Но эта проблема иного предметного поля: соотношения бытия права и его существования, в частности, на уровне законодательства. В аспекте рассматриваемой здесь проблемы в современном анализе естественного права обнаруживается действительное основание нормативности, которое формируется в живом взаимодействии запрета и долженствования.

Заключение

В современных условиях в силу усложнения социальных отношений не допустимо сводить норму исключительно к запретам. В условиях коммуникативного общества даже в практике регуляции поведения простой запрет уступает место запрету с обоснованием. Это доказывает, что нормативность по своей природе двойственна и обязательно включает в себя взаимодействие запрета и долженствования. С другой стороны, анализ работ в области философии права, этики, юридических и социальных наук убеждает, что при всей уникальности правовых, этических и других норм в них есть некое общее онтологическое основание, которое выступает универсальной формой бытия человека. Это позволяет предположить онтологический выход нормы за пределы свода правил поведения. При использовании герменевтического и феноменологического подходов можно констатировать, что нормативность рождается не в человеке, не заимствуется человеком из необходимости мира, источник ее развития находится между. Именно нормативность становится платформой экзистенциального бунта и позволяет человеку подняться над миром. Норма событийна в процессах бытия, что в определенном смысле позволяет человеку конструировать свой собственный мир. Религиозное

схватывание нормы наиболее близко к ее реальному существованию, так как именно религия впервые абстрактно позиционирует свободу родовым качеством человека. Свобода абсолютна, так как человек обладает особым статусом в мире, являясь связующим звеном между средой и Абсолютом. Отсюда первая заповедь Декалога способна прояснить действительный онтологический статус нормативности: упорядочивая экзистенцию, норма одновременно выводит из состояния рабства. Но она же и не допускает деструктивности — произвола, что жестко закреплено указанием на единственного Бога. Такой статус нормы включает ее в систему критериальных показателей социальности в целом. Отчасти на основаниях нормативности возможно построение модели соотношения базиса и надстройки. В процессах самоограничения субъекта норма обнаруживает собственную подвижность: она одновременно являет допустимые пределы деятельности и служит формой сохранности человека. В специфике такого взаимодействия обнаруживаются потенциальные причины отчуждения нормы в системе общественных отношений. Последнее всегда деструктивно в социальной практике. Именно в таких процессах отчуждения, например, кроется природа низкой эффективности действий юридических законов. В логике развития исторического процесса значима такая черта нормативности как векторное положение в пересечении многих воле социальных субъектов. Это не только объясняет суть социальной закономерности, но и показывает взаимосвязь всех регуляторов общественных процессов.

Статья поступила в редакцию 13.11.2021

1. Аристотель. Политика. М.: Академический проект, 2015. 318 с.

2. Библия. Русский синодальный перевод. Вторая книга Моисеева. Исход глава 20 // Библия Онлайн, 2003—2021. URL: <https://bibleonline.ru/bible/rst-jbl/ехо-20.2-17/> (дата обращения: 01.09.2021).

3. Гадамер, Х.-Г. Истина и метод: основы философской герменевтики. М.: Прогресс, 1988. 704 с.

4. Дробницкий О. Г. Моральное сознание и его структура // Вопросы философии. 1972. № 2. С. 32—42.

5. Ершов Ю. Г. Права человека как юридическая фикция и социокультурная ценность // Социум и власть. 2021. № 2 (88). С. 86—95.

6. Ефанова Л. Г. Норма как философская и семантическая категория // Вестник науки Сибири. URL: [https://cyberleninka.ru/article/n/norma-kak-](https://cyberleninka.ru/article/n/norma-kak)

filosofskaya-i-semanticheskaya-kategoriya (дата обращения: 10.11.2021).

7. Карнаух М. П. Экзистенциальный кризис как основа самопознания // Вестник Магнитогорского государственного технического университета им. Г. И. Носова. 2005. № 2 (10). С. 55—57.

8. Мамардашвили М К Сознание и цивилизация. М. : Азбука, 2018. 352 с.

9. Мень А. Исагогика. Ветхий Завет // Собр. соч. Т. 8. М. : Изд-во Московской Патриархии, 2019. 672 с.

10. Пинчук А. П., Тимофеев Е. И., Решетников Г. Е. След Моисеева Декалога в российском законодательстве. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sled-moiseeva-dekaloga-v-rossijskom-zakonodatelstve> (дата обращения: 23.09.2021).

11. Сартр Ж.-П. Бытие и ничто. М. : АСТ, 2020. 1072 с.

12. Слободнюк С. Л. Запрет в первичной правовой реальности // Вестник Самарской гуманитарной академии 2012 № 1 (11). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zapret-v-strukture-pervichnoy-pravovoy-realnosti> (дата обращения: 29.10.2021).

13. Урысон Е. В. Понятие нормы в метаязыке современной семантики // Слово в тексте и в слове : сб. ст. к 70-летию акад. Ю. Д. Апресяна. М., 2000. С. 243—252.

14. Федяева Н. Д. Норма в кругу когнитивных феноменов // Функционально-когнитивный анализ языковых единиц и его аппликативный потенциал : материалы I Междунар. науч. конф. 5—7 октября 2011 г. / под ред. И. Ю. Колесова. Барнаул, 2012. С. 362—364.

15. Энгельс Ф. Л. Фейербах и конец немецкой классической философии. М. : Букинист. 1985. 128 с.

16. Giles J. (2020) A Theological Justification for Freedom of Religion and Belief as a Universal Right. In: Bunikowski D., Puppo A. (eds) Why Religion? Towards a Critical Philosophy of Law, Peace and God. Law and Religion in a Global Context, vol 2. Springer, Cham. https://doi.org/10.1007/978-3-030-35484-8_6 (дата обращения: 10.09.2021).

17. Huppel-Cluysenaer L. (2013) Reasoning Against a Deterministic Conception of the World. In: Huppel-Cluysenaer L., Coelho N. (eds) Aristotle and The Philosophy of Law: Theory, Practice and Justice. Ius Gentium: Comparative Perspectives on Law and Justice, vol 23. Springer, Dordrecht. https://doi.org/10.1007/978-94-007-6031-8_2 (дата обращения: 01.09.2021).

18. Siltala R. (2011) Natural Law Philosophy: Law as Subordinate to Social Justice and Political Morality in Society. In: Law, Truth, and Reason. Law and Philosophy Library, vol 97. Springer, Dordrecht. <https://doi.org/10.1007/978-94-007-1872-2> (дата обращения: 10.09.2021).

19. Smith N. Introduction to the special issue on continental philosophy of law. Cont Philos Rev 42, 1—4 (2009). <https://doi.org/10.1007/s11007-009-9099-8> (дата обращения: 10.09.2021).

20. Zhilina V. A., Kuznetsova N. V., Akhmetzyanova M. P., Teplykh M. S., Zhilina E. A., Prilukova E. G., Bashirova T. A. The issues of the dialogue of a modern subject with the society // The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences EpSBS. 2019. С. 3454—3461.

21. Zhilina V. A., Kuznetsova N. V., Akhmetzyanova M. P., Zhilina E. A. Modern characteristics and mechanisms of identification of social subject // European Proceedings of Social and Behavioural Sciences EpSBS. International Scientific Conference dedicated to the 80th anniversary of Turkayev Hassan Vakhitovich. Kh. I. Ibragimov Complex Research Institute. 2020. С. 2742—2749.

References

1. Aristotel' (2015) Politika. [Politics]. Moscow, Akademicheskij proekt, 318p [in Rus].

2. Bibliya. Russkij sinodal'nyj perevod. Vtoraya kniga Moiseeva. Iskhod glava 20 // Bibliya Onlajn, 2003-2021 [The Bible], available at: <https://bibleonline.ru/bible/rst-jbl/exo-20.2-17/> (accessed 01.09.2021) [in Rus].

3. Gadamer, H.-G. (1988) Istina i metod: Osnovy filosofskoj germenевtiki. [Truth and method. Fundamentals of philosophical Hermeneutics]. Moscow, Progress, 704 p.

4. Drobnickij O. G. (1972) Voprosy filosofii, no. 2, pp. 32—42 [in Rus].

5. Ershov YU. G. (2021) *Socium i vlast'*, no. 2 (88), pp. 86—95 [in Rus].

6. Efanova L. G. Norma kak filosofskaya i semanticheskaya kategoriya. *Vestnik nauki Sibiri*, available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/norma-kak-filosofskaya-i-semanticheskaya-kategoriya> (accessed 10.11.2021) [in Rus].

7. Karnauh M.P. (2005) *Vestnik Magnitogorskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta im. G.I. Nosova*, no. 2 (10), pp. 55-57 [in Rus].

8. Mamardashvili M K (2018) Soznanie i civilizaciya [Consciousness and civilization]. Moscow, Azbuka, 352 p. [in Rus].

9. Men' A (2019) Isagogika. Vethij Zavet [Isagogics. The Old Testament]. Sobr. soch. Vol. 8. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskoj Patriarhii, 672 p. [in Rus].

10. Pinchuk A. P., Timofeev E. I., Reshetnikov G. E. Sled Moiseeva Dekaloga v rossijskom zakonodatel'stve. available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/sled-moiseeva-dekaloga-v-rossijskom-zakonodatel'stve> (accessed 23.09.2021) [in Rus].

11. Sartr Zh.-P. (2020) Bytie i nichto [Being and Nothing]. Moscow, AST 1072 p. [in Rus].

12. Slobodnyuk S.L. (2012) Zapret v pervichnoj pravovoj real'nosti. *Vestnik Samarskoj gumanitarnoj akademii*, no. 1(11), available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/zapret-v-strukture-pervichnoy-pravovoy-realnosti> (accessed 29 11 2021) [in Rus].

13. Uryson E.V. (2000) Ponyatie normy v metazyke sovremennoj semantiki [The concept of norm in the metalanguage of modern semantics]. Slovo v tekste i v slovare: sbornik statej k 70-letiyu akad. YU.D. Apresyana. Moscow, pp. 243—252 [in Rus].

14. Fedyaeva N.D. (2012) Norma v krugu kognitivnyh fenomenov [The norm in the circle of cognitive phenomena]. Funkcional'no-kognitivnyj analiz yazykovykh edinic i ego aplikativnyj potencial: materialy I Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii 5-7 oktyabrya 2011 g. / pod red. I.Yu. Kolesova. Barnaul, pp. 362—364 [in Rus].

15. Engel's F. L. (1985) Fejberbah i konec nemeckoj klassicheskoj filosofii. [L Feuerbach and the End of

German Classical Philosophy] Moscow, Bukinist, 128 p. [in Rus].

16. Giles J. (2020) A Theological Justification for Freedom of Religion and Belief as a Universal Right. In: Bunikowski D., Puppo A. (eds) Why Religion? Towards a Critical Philosophy of Law, Peace and God. Law and Religion in a Global Context, vol 2. Springer, Cham, available at: https://doi.org/10.1007/978-3-030-35484-8_6 (accessed 10.09.2021) [in Eng].

17. Huppel-Cluysenaer L. (2013) Reasoning Against a Deterministic Conception of the World. In: Huppel-Cluysenaer L., Coelho N. (eds) Aristotle and The Philosophy of Law: Theory, Practice and Justice. *Ius Gentium: Comparative Perspectives on Law and Justice*, vol 23. Springer, Dordrecht, available at: https://doi.org/10.1007/978-94-007-6031-8_2 (accessed 01.09.2021) [in Eng].

18. Siltala R. (2011) Natural Law Philosophy: Law as Subordinate to Social Justice and Political Morality in Society. In: Law, Truth, and Reason. Law and Philosophy Library, vol 97. Springer, Dordrecht, available at: <https://doi.org/10.1007/978-94-007-1872-2> (accessed 10.09.2021) [in Eng].

19. Smith N. (2009) Introduction to the special issue on continental philosophy of law. *Cont Philos Rev* 42, 1—4, available at: <https://doi.org/10.1007/s11007-009-9099-8> (accessed 10.09.2021) [in Eng].

20. Zhilina V.A., Kuznetsova N.V., Akhmetzyanova M.P., Teplykh M.S., Zhilina E.A., Prilukova E.G., Bashirova T.A. (2019) The issues of the dialogue of a modern subject with the society. V sbornike: The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences EpSBS, pp. 3454—3461 [in Eng].

21. Zhilina V.A., Kuznetsova N.V., Akhmetzyanova M.P., Zhilina E.A. (2020) Modern characteristics and mechanisms of identification of social subject. V sbornike: European Proceedings of Social and Behavioural Sciences EpSBS. International Scientific Conference dedicated to the 80th anniversary of Turkayev Hassan Vakhitovich. Kh. I. Ibragimov Complex Research Institute. pp. 2742—2749 [in Eng].

For citing: Zhilina V.A., Krepisov K.M.

The problem of ontologizing the normative being in the religious context of a person // *Socium i vlast'*. 2022. № 1 (91). P. 07—14. DOI: 10.22394/1996-0522-2022-1-07-14.

UDC 124.5

DOI: 10.22394/1996-0522-2022-1-07-14

THE PROBLEM OF ONTOLOGIZING THE NORMATIVE BEING IN THE RELIGIOUS CONTEXT OF A PERSON

Vera A. Zhilina,

Magnitogorsk State Technical University named after G. I. Nosov, Professor of the Department of Philosophy, Doctor of Philosophy The Russian Federation, Magnitogorsk. E-mail: vera-zhilina@yandex.ru

Konstantin M. Krepisov,

Magnitogorsk State Technical University named after G. I. Nosov, Postgraduate Student of the Department of Philosophy, The Russian Federation, Magnitogorsk. E-mail: philosophybox34@yandex.ru

Abstract

The article is devoted to the problem of social existence normativity. In the comparative analysis of the philosophy of law, humanities and social studies, the foundations of the ontological rootedness of the norm in human existence have been evidently found. The hypothesis of the study is that the norm is not a special way of regulating behavior, but is the main form of human existence. The ontological nature of the norm outside the semantic aspect of its individual manifestations is revealed. For this purpose, the basis of the analysis is determined by the Decalogue, where for the first time an attempt was made to consolidate the "pure" norm. It is shown that the norm is born in the dialectic of prohibition and obligation in the reflexive processes of actions of a social subject. An attempt is made to comprehensively analyze the normativity of social existence.

Keywords:

norm,
subject,
ontology,
prohibition,
duty,
religion

Для цитирования: Соломко Д. В. Экогуманистика как вид научного знания и методология понимания специфики отношения «человек — технико-технологизированный мир» // Социум и власть. 2022. № 1 (91). С. 15—25. DOI 10.22394/1996-0522-2022-1-15-25.

УДК 101.2

DOI 10.22394/1996-0522-2022-1-15-25

ЭКОГУМАНИСТИКА КАК ВИД НАУЧНОГО ЗНАНИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ПОНИМАНИЯ СПЕЦИФИКИ ОТНОШЕНИЯ «ЧЕЛОВЕК — ТЕХНИКО- ТЕХНОЛОГИЗИРОВАННЫЙ МИР»

Соломко Дмитрий Витальевич,
Южно-Уральский государственный университет
(национальный исследовательский университет),
доцент кафедры философии,
кандидат философских наук, доцент.
Челябинск, Россия.
E-mail: dimiurg85@mail.ru

Аннотация

Введение. Человек и его мир — это органически связанные часть и целое, они всегда есть единый Мир, потому и эволюционировать могут только сообща, в одном направлении. Мир человека состоит из многих взаимосвязанных и взаимозависимых частей. Если какая-то одна из частей (например, техника) начинает доминировать и претендовать на статус целого, то обостряется проблема нарушения оптимального соотношения в сосуществовании и коэволюционном развитии каждой из частей, а значит, и самого целого. Отсюда возникает экогуманистическая проблема.

Цель. Представить содержание и обосновать теоретическую и практическую значимость экогуманистики как нового гуманитарного знания

и методологии понимания специфики отношения «человек — технико-технологизированный мир».

Методы. Используются методы диалектики, системного и синергетического подходов. Проектный (проективный) метод, реализующийся в проектировании и разработке новой философско-научной дисциплины экогуманистики. Идеи коэволюции.

Научная новизна исследования. Определены базисные основания экогуманистики как нового вида гуманитарного знания; сформулированы и содержательно обоснованы основные принципы экогуманистики как методологической установки на экологизацию человека и его мира: оптимальности, координации и доминанты целого (целостности) по отношению к его частям.

Результаты. Экогуманистика определена как новый вид знания о человеке и специфическая установка его мышления и практической деятельности, ориентированная на поиск способов и средств достижения оптимальности в отношениях различных сторон (например, технической и антропологической) в бытии человека для обеспечения возможности их плодотворного существования, на сохранение и воспроизводство человека (как уникальной целостности) и его мира (как целостности универсальной), в их взаимосвязанном и взаимозависимом единстве.

Выводы. Автор статьи приходит к выводу, что теоретическая разработка экогуманистики позволит более многоаспектно изучать и анализировать явления современной культуры, получать более точную интерпретацию способов существования человека и эко-культурных практик, обеспечивающих эффект состояния «экосистемы» в ситуациях любых интенсивных социокультурных трансформаций.

Ключевые слова:

бытие человека, экология бытия человека, технико-технологизированный мир, коэволюция, экогуманистика

Введение

Человек живет в эпоху технизации и технологизации современного мира. Увеличивается объем технико-технологической продукции, скорость и интенсивность внедрения ее практически во все основные сферы социальной и индивидуальной жизни и деятельности человека. При этом прослеживается не однозначное воздействие техники и технологий на современного человека. «Всегда есть две стороны в технике» [5]. С одной стороны, техника и технологии делают бытие человека-в-мире более комфортным, благоприятным и безопасным (помогают преодолевать сложнейшие проблемы в различных сферах социокультурного бытия человека, облегчают многие виды деятельности, тем самым высвобождая огромные энергетические и временные ресурсы), с другой стороны, в мире человека, его мышлении, повседневном существовании заметно активизировались процессы формализации, алгоритмизации, схематизации, стандартизации. Они становятся необходимым и, безусловно, важным элементом любой деятельности, что представляется не случайным. Это обратная сторона интенсификации и увеличения содержательного разнообразия всего того, чем человеку приходится заниматься и что осваивать. Усложнение некоторых видов деятельности тоже важно. Там, где сложность возрастает, да еще и сопровождается фактором ответственности за последствия, за результат, там действия «по протоколу», «по инструкции» очень важны. Это предостерегает от субъективного произвола и часто оправдано тем, что обеспечивает безопасность и эффективность действий. Но при этом, понимается, есть ситуации, требующие учета уникального сочетания условий, обстоятельств и пр. Чем больше укрепляется и расширяется тенденция стандартизации, тем больше обозначается запрос на то, что ей сопротивляется, тем больше обнаруживается потребность в нестандартности во всех формах отношения человека к миру. Здесь имеется в виду потребность выхода за рамки стандарта в разных вариантах, т. е. в этом проявляется творческий подход. Потребность в творческом (нестандартном) подходе обнаруживается практически во всех сферах жизни и деятельности человека — в политике, экономике, образовании, бизнесе. Другое дело, что для проявления этой нестандартности многие люди активно используют «общие» для всех средства, инструменты (которые предоставляют сов-

ременные технологии). Но ведь это означает, что эти инструменты становятся для них именно просто средствами, т. е. человек все же демонстрирует способность включить их в структуру своей деятельности, ориентируясь на свои собственные цели. Есть, разумеется, и прямо противоположные примеры, когда он оказывается в пассивной позиции, «захватывается» этими новыми средствами, инструментами, что приводит к обострению проблемы идентичности человека как живого человека, сохранения и воспроизводства живого начала в нем, которое проявляется в спонтанном, ситуативном и неповторимом (нестандартном) единстве всех природных и социокультурных свойств человека.

1. Тенденции технизации и экологизации бытия человека и его мира

«Машина и техника наносят страшные поражения душевной жизни человека, и прежде всего жизни эмоциональной, человеческим чувствам» [5]. С категоричностью высказывания Н. А. Бердяева можно было бы и согласиться, если бы техника за последние 100 лет ни изменилась бы кардинально. Однако техника очень изменилась. И отношение человека к ней сегодня совсем иное. Мир человека сегодня есть преимущественно технико-технологизированный мир, он «раздвинулся» в своих границах и содержании благодаря технике. Техника и технологии теперь не просто привычный, рутинный элемент человеческого мира (обслуживает все, что связано с совместной формой жизни людей, включается во все, что связано с удовлетворением общественных потребностей — в производство, военное дело, энергетику, развитие транспортной системы, медицину и т. д.), техника все больше становится фактором частной, приватной жизни человека, вплетается в индивидуальную жизнь (это уже не просто бытовая техника, например, а *персональные* технические высокотехнологичные устройства). В этом смысле тот разрыв общественного (социально-значимого) и приватного (индивидуально-значимого), который был свойственен индустриальной эпохе, исчезает — в мире человека практически все меньше зон, свободных от техники, того, что не опосредовано техникой и технологиями. Тенденция к технизации будет продолжаться, но вряд ли она может считаться сейчас абсолютной доминантой. Период индустриализации этого требовал. Но сегодня есть, например, тенденция гуманизации тех-

ники, очеловечивания технического мира, когда техника в ее развитии рассматривается с точки зрения «мерок» человека, когда человек делает свой мир себе соразмерным, а не старается соответствовать меркам этого мира.

Кроме этого, можно вести речь и о тенденции экологизации бытия человека и его мира — экогуманистике. Термин «экогуманистика» предложен отечественным и американским философом, филологом и культурологом М. Н. Эпштейном. В эпштейновском понимании в основе экогуманистики лежит подход к человеку как «рудименту» полудикой стадии развития разума, к выпадающему «в осадок» и выходящему за пределы «сохраняемости» виду [38]. Согласно Эпштейну, на основе развития техники и технологий появится и, более того, уже появляется *новый вид* человека. Соединение техники и человека отменит самостоятельность каждого из них, зато появится их синтез, в котором автономность сторон в исходном их виде фактически прекращается. В нашем понимании экогуманистика предстает как экология бытия человека: экология бытийных, сущностных характеристик человека и всех видов его отношения к миру. В основе экогуманистики лежит осознание того, что техника может выполнять гуманистическую функцию: она косвенно, под угрозой возможного кенозиса, указывает человеку на ценность человеческого в нем, его живого начала, а также на необходимость преодоления противопоставления техники и культуры, человека и цивилизации, человека и мира. Не случайно появляются и укрепляются идеи коэволюции, которая предполагает не просто взаимообусловленное существование разных систем, но на современном этапе их «взаимопрорастание», некое соединяющее смешивание, когда возникает новое качество, новая целостность, где одно и другое не противостоят друг другу, а поддерживают и стимулируют возможности развития друг друга. Понятие «коэволюция» на современном этапе развития научного знания перешло с уровня чисто биологической категории на уровень общенаучной категории. В научной и философской литературе все чаще говорится не только о коэволюции различных частей в рамках каких-либо биосистем, но и о процессах совместного развития онтологической триады «природа — общество — человек» [1; 13; 17; 23; 27; 28]. С точки зрения сторонников концепции, органичный симбиоз всех частей этой системы, их коэволюция приведут к реальному превращению биосферы в ноосферу.

Человек как живое существо и его мир «требуют» друг друга, чтобы быть; их естественное отношение — это отношение взаимообусловленности и взаимоопосредования. При этом каждая сторона — не «субстанция», а «атрибут», часть этой новообразовавшейся целостности (системы). Необходимо удержание соразмерности, соотношения возможностей полноценного воспроизводства и развития каждой стороны без абсолютизации противостояния сторон, в их ориентации друг на друга. Технический мир (искусственный, созданный) может быть (и не редко остается пока что) соразмерным человеку и ориентированным на человека как естественное существо. Многие виды техники, многие технологии создаются для того, чтобы поддержать, укрепить, усилить естественные возможности человека. Иное дело, если техника и технологии становятся самоценными и самодостаточными [25].

2. Основные подходы в оценке технико-технологического прогресса

В XX веке появляются, оформляются и продолжают развиваться в XXI веке такие биполярные подходы в оценке технико-технологического прогресса как «технооптимизм» (технофилия) [4; 8; 37; 38] и «технопессимизм» (технофобия) [5; 20; 24; 30; 33; 35]. В рамках первого абсолютизируются положительные и позитивные перспективы развития технической цивилизации; научно-техническому прогрессу и научно-техническому знанию придается первостепенное, определяющее и решающее значение в ходе общественного развития. Сторонники и последователи второго концентрируют внимание на негативных и деструктивных последствиях бурного распространения и прогрессивного развития техники и технологий. Вместе с этим можно отметить и другие подходы в оценке техники, например, «технический реализм» [34; 40], согласно которому технико-технологический прогресс может оказывать на общественное развитие как негативное, так и позитивное влияние, это попытка найти «золотую середину» между полярными воззрениями «технооптимизма» и «технопессимизма». Так же можно обозначить «нейтральный» подход к технике. Здесь техника сама по себе оценивается как нечто нейтральное, т. е. в потенциале в своем развитии она может быть как благоприятной, так и неблагоприятной для человека, общества, природы. Иными словами, каким образом будет развернут ее

потенциал полностью зависит от человека, выстраивающего с техникой свои отношения. Однако сегодня можно отметить оформление еще одной тенденции, непредсказуемой и сложно прогнозируемой по своему характеру — тенденции «технико-технологической сингулярности» [7; 19; 26; 31]. Согласно этой тенденции постоянное ускорение технико-технологического прогресса неизбежно приведет к наступлению такого момента, когда люди будут не в состоянии поспевать за техникой и технологиями, когда потеряют над ними контроль, утратят свою субъектную позицию. Это ознаменует начало эры самосовершенствования и самоуправления техники и технологий.

Если бытие человека ознаменуется технико-технологической сингулярностью, то это значит, что мир человека будет строиться не столько по меркам самого человека, сколько по меркам техники. Техника станет субъектным и автономным началом, окончательно выйдет из-под контроля человека, превратив мир человека (мир для человека, его дом) в среду обитания — уже не человеческий мир, а технический, в котором человеку, как во внешней (и не всегда на него непосредственно ориентированной) среде, придется как-то существовать. Найдется ли место человеку в техническом мире? Сможет ли он в него встроиться? Нужен ли будет вообще человек в этом мире?

Если признавать, что технико-технологизированный мир эволюционирует, т. е. развивается исходя из своих собственных оснований, своей логики, то это значит согласиться с его самобытной природой. Эта логика сообщает о том, что в обозримом будущем возможно превращение мира человека во всецело технико-технологизированный мир и, соответственно, человека в техносущество (когда произойдет полное стирание границ между техническим и антропологическим, когда мир человека и сам человек будут твориться по меркам не человека, но техники), и это есть неотвратимая перспектива. Значимость человека как самобытного рода сущего поставлена под сомнение и даже отрицание. Поэтому сегодня для сохранения человека и человеческого в нем, его живого начала коэволюционный подход к отношению «человек — технико-технологизированный мир» [21; 32; 39] должен быть несколько иного характера. «Некоторые технологии, ориентированные на благо человека, могут иметь, наряду с положительными, и отрицательные, побочные последствия. Поэтому технологическое развитие нуждается в постоянном внимании и контроле» [32]. В активном и от-

ветственном контроле со стороны человека. Идеи коэволюции в понимании специфики отношения «человек — технико-технологизированный мир» необходимо использовать в контексте позиции человекомерности. При этом «человекомерность» мира предполагает не «высокомерие» человека по отношению к другим формам бытия, не идеологию его превосходства над всем остальным миром, но «миросоизмерность» человека. Мир и человек — это органически связанные целое и часть, они всегда есть единый Мир, потому и эволюционировать могут только сообща, в одном направлении. В этом смысле границы бытия человека соотносимы с границами окружающего его мира. Здесь речь идет не о мире самом по себе, вне отношения к человеку, а именно об отношении «человек — мир», где мир — это мир человека.

В современной науке существует точка зрения, согласно которой технико-технологический процесс характеризуется экспоненциальным ускорением и неизбежно перейдет в фазу насыщения [18]. Иными словами, ускорение в развитии техники есть только лишь фаза, которая вовсе не означает бесконечного продолжения этого процесса. Наблюдаемая картина бурного ускорения и повсеместного распространения технико-технологического прогресса через некоторое время сменится замедлением и даже остановкой. При этом остановка понимается не буквально как фаза отсутствия движения/развития, после которой может последовать спад и полное нивелирование процесса. Адаптационные возможности человека остановят этот процесс, и он продолжится с достигнутой скоростью. Ведь технико-технологический процесс пока еще зависит от возникающих запросов и потребностей человека (потребителя). Это сам человек, например, используя всевозможные гаджеты (смартфоны, компьютеры, ноутбуки), продуцирует запрос на ускорение [14]. Он может выражать недовольство, что его устройство долго «думает», зависает, не справляется с теми задачами, которые определяет сам же человек. Именно последнему необходимо, например, более быстрое и «не тормозящее» устройство, способное обработать великое количество исходных данных. Значит, пока еще человек задает технике ориентиры, он определяет ее развитие и функционал, исходя из собственного запроса. То есть явно выраженный момент сингулярности — это гипотетический момент, который может и не наступить вовсе.

«Но то, что мы сейчас называем «технической эпохой», тоже не вечно. Эпоха

неслыханной власти техники над человеческой душой кончится, но кончится она не отрицанием техники, а подчинением ее духу» [5]. Чем больше мощь духа, тем меньше у технологий шансов претендовать на самодостаточность, тем меньше шансов осуществиться технологической сингулярности. Сила человеческого духа переводит технику в позицию средства. В этом смысле отрыва техники и технологии, который приведет к их самодостаточности по отношению к человеку, человеческому духу и другим составляющим мира человека, не произойдет. Техника тесно связана с экономикой, экономика с демографией, демография с политикой и т. д. Мир человека состоит из многих взаимосвязанных и взаимозависимых частей. Другое дело, если какая-то одна из частей начинает доминировать и претендовать на статус целого. Тогда обостряется проблема нарушения оптимального соотношения (отсюда — возникает экологическая проблема) в сосуществовании и развитии каждой из частей, а значит и самого целого. Что, конечно, может и не означать абсолютного доминирования техники, поглощения ею всех остальных сторон жизни и деятельности человека.

Современная ситуация порождает ряд проблемных вопросов. Как оптимально существовать человеку в эпоху стремительных технико-технологических перемен и при этом остаться человеком, живым человеком (во всех смыслах — биологическом, духовном, экзистенциальном и др.), сохраняя свою самобытность и целостность своего бытия? Возможно ли сохранение и воспроизводство живого начала в человеке в технико-технологизированном мире?

3. Экогуманистика как экология бытия человека и его бытия-в-мире

Конечно, достижение и обнаружение точки оптимума неизмеримо сложная задача, которой человек далеко не всегда находит решение. Эта задача требует больших усилий как со стороны отдельного человека, так и со стороны общества в целом. Более того, если даже задача будет успешно решена, то это оптимальное соотношение сторон необходимо еще и удержать, сохранить. Ведь нарушение найденного/достигнутого оптимума может обернуться сложно предсказуемыми и, как правило, вряд ли позитивными изменениями в порядке существования целого и всех его частей. Все части внутри целого находятся в определенном отношении друг к другу и к целому, поэто-

му важна каждая сторона этих отношений (социальная, культурная, техническая, гуманистическая, естественно-природная) и поскольку все стороны внутри целого (например, мира человека) взаимозависимы, необходимо поддержание существования всех сторон и отношений между ними еще и в динамике, с признанием их ценности и значимости как для собственного существования и развития, так и для развития всего целого.

Сегодня требуется укрепление экологического подхода, экологической парадигмы, тенденции экологизации в существовании и развитии человека и его мира. Стратегия экологизации человека (экогуманистика) основана на принципах оптимальности, координации и доминанты целого (целостности) по отношению к его частям. Она ориентирована на сохранение и воспроизводство человека (как уникальной целостности) и его мира (как целостности универсальной), в их взаимосвязанном и взаимозависимом единстве. Оптимальность может быть связана как с относительным (не абсолютным) приоритетом какой-либо из сторон (без ущерба для другой стороны), так и с паритетом, равноправием в их развитии и функционировании, когда создаются максимально благоприятные возможности реализации внутреннего потенциала каждой из сторон, осуществляется сознательный и активный поиск согласованного со-существования между сторонами. *Оптимальность* есть максимально возможный в определенных обстоятельствах и условиях вариант согласованности различного, это максимально учитывающий различие сторон *«компромисс»*. Это согласование процесса развития техники и технологий с их гуманитарным смыслом, с тем, ради чего это развитие осуществляется. Оптимальность означает удержание в сопряжении всех цивилизационных возможностей и культурных смыслов.

В условиях технико-технологической экспансии в решении вопроса сохранения и воспроизводства человека и живого начала в нем может выступить именно экогуманистический подход. Технико-технологизированный мир является фактом, условием, окружающей средой (которая может быть как дружественной, так и враждебной по отношению к человеку) существования современного человека и, по всей видимости, человека будущего. Актуализируется и вопрос о том, каким должно быть знание о человеке с учетом его современного положения в этом новом мире и с учетом возможных перспектив их взаимоотношений? Учитывая

сказанное, есть необходимость теоретически разработать и обозначить относительный приоритет *экогуманистики* как нового знания о человеке и особой методологии понимания специфики отношения человека с технико-технологическим миром. Экогуманистика есть принципиальная методологическая установка мышления и деятельности человека не столько на приоритет технико-технологического преобразования мира человека, природы человека (как в трансгуманизме), сколько на проблему сохранения живого человека как ценности, обеспечения воспроизводства живого начала в человеке в процессе конструктивного и продуктивного использования современных технико-технологических возможностей.

Понятия «живой человек» и «живое начало в человеке» не сводятся к тому, что связано только с биологическим, физиологическим, телесным. Понимание человека как живого существа имеет и широкий — онтологический — смысл: быть живым «значит иметь отношение к бытию, быть самобытным» [9]. Человек может быть живым существом в биологическом смысле, но не жить в смысле онтологическом (экзистенциальном), а «умирать», будучи подавленным овеществленными формами культуры (например, техникой), когда живое начало в нем слабо проявлено или не может проявиться вовсе. Живое начало есть бытие человека как «органического целого» (Г. Гегель, К. Маркс), которое способно к саморазвитию и определяется, прежде всего, внутренней взаимосвязью и взаимообусловленностью различных его сторон: телесной природы, социокультурного существования, душевно-духовного мира.

Экогуманистика не выступает против технико-технологического подхода, тенденции технизации мира человека, но предполагает изменение в понимании места и роли техники и технологий в жизни человека, отдавая предпочтение живому началу по отношению к предметно-овеществленным формам. Главное в экогуманистике — ориентация на сохранение в активном воспроизводстве фундаментальных антропологических констант, и основополагающих феноменов человеческого бытия [10], экзистенциалов [12]. В них выражены базовые для понимания человека, его уникального живого начала атрибутивные признаки, способы активного отношения человека к миру — способы его реального и уникального переживания отношений с миром. Именно в них выражено то, что и является предметом сохранения/воспроизводства в

условиях технико-технологизированного мира. Каковы бы ни были социально-экономические, политические, технико-технологические и прочие устремления, стратегии и возможности человечества, главное, чтобы всегда ориентиром при его перспективном развитии была установка на обеспечение этих констант/феноменов, гарантия того, что они будут сохранены через актуальное воспроизводство. Поскольку они задают границы «человечности», того, что человек остается живым человеком.

Экогуманистика выступает и как альтернатива укрепляющейся тенденции «технологизации человека». Экогуманистика связана с тем, что приобщение к новым технологиям должно сопровождаться как осмыслением их человекообразующих возможностей, так и рисков (низкая социализация, гиподинамия, снижение умственной активности и т. п.). Экогуманистика есть забота о сбережении бытия человека-в-мире, всех видов его отношения к миру и их совокупности как «мира человека». При этом забота понимается не односторонне, т. е. не только как ответственное отношение человека к окружающей среде (природе, культуре, обществу), забота связывается с осознанием того, что и сам человек включен в отношение с тем, к чему он относится с заботой, иными словами, это одновременно забота и о себе. Последствия бездумного активизма в отношении к окружающей среде равно затронут и его самого.

На сегодняшний день существует целый спектр экологических дисциплин, при этом сама экология давно перестала быть сугубо конкретно-научным знанием. Отмечается ее растущее значение применительно ко всем сферам жизни и деятельности человека как в теоретическом, так и практическом смыслах. Экология ориентируется на сохранение природы и её ресурсов, человеческой уникальности, социокультурного многообразия ради сохранения будущего. Планета Земля понимается теперь как самая крупная из экосистем, включающая в себя ряд других взаимозависимых экосистем — биосферу, гидросферу, атмосферу. В результате человеческой деятельности возникают и оформляются антропосфера, сфера культуры, техносфера. Ряд ученых, философов обосновывают формирование новой экосистемы — ноосферы [6; 29].

Тенденция экологизации закономерно обусловила и поиск новых форм эффективной деятельности в сфере эко-культурной практики по сохранению природных ресурсов, естественно-биологической природы

человека, экологических видов деятельности и продуктов его труда, благодаря чему складывается практическая (прикладная) экология. Закономерно возникли проблемы относительного разграничения теоретической и практической экологии и разработки классификации экологических наук. Экология вышла далеко за рамки не только биологии, но и всего цикла естественных наук, проникнув в сферу социально-гуманитарного знания, став междисциплинарным знанием, анализирующим динамику взаимосвязи «природа — человек — общество — культура». Кроме этого, использование философско-научной методологии дополняется идеями и принципами системологии и синергетики, глобальной экологии и коэволюции.

Теоретическая экология, помимо ряда философских идей, включает в себя и весь комплекс базовых принципов, понятий и законов общей экологии, на основании чего формируются конкретизированные положения экологии природы, экологии человека, социальной экологии и экологии культуры. Параллельно с теоретической экологией формируется практическая (прикладная) экология. В самом широком смысле, прикладная экология осуществляет целенаправленную деятельность по спасению, сохранению и сбережению не только естественно-природных условий человеческого существования, но и искусственно-созданной человеком окружающей среды (социальной, культурной, технической). Прикладная экология способна активным образом, через практическую деятельность человека поддерживать оптимальное соотношение в развитии человека и его мира. Подобная работа нуждается в укреплении нового мироотношения современного человека и человека будущего; необходимо развитие культуры согласия и культуры сохранения, а не конкурентно-противоборствующие отношения между всеми людьми, народами и государствами. Одним из основных аспектов прикладной экологии в условиях укрепляющейся тенденции технизации и технологизации мира и человека выступает антропологический аспект — экология человека (антропоэкология).

В монографии «От истоков к основаниям глобально-экологической культуры мышления» Н. Г. Апухтина определяет два основных направления исследования антропоэкологии. Во-первых, природный вектор — влияние и учет природных условий для состояния биологической стороны человека. Во-вторых, социальный вектор

— влияние на природу обусловлено социальными факторами, идущими от экономики, политики, права и др. [1]. В настоящее время нужно учитывать и специфику современного состояния мира человека, преобразованного тенденцией технизации, вести речь и о третьем векторе — технико-технологическом. Сегодня все подвержено изменениям (и экономика, и политика, и природопользование, и культура, и даже сам человек) в силу технизации не только какой-либо одной части мира человека или нескольких частей, но мира в целом. Обстоятельства диктуют необходимость формирования нового подхода, который выступил бы не частным случаем экологического или антропоэкологического подходов, но вообще как самостоятельный подход. Предлагается формирование именно *экогуманистического* подхода, а также идея воспроизведения в технико-технологизированном мире всего того, что свойственно человеку, всех способов жизнедеятельности и социокультурной деятельности, т. е. того, что характерно для него как живого существа с особой природой и как социальной единицы, обладающей индивидуальным набором личностных характеристик. И здесь недостаточно сложившейся экологии человека. Антропоэкология, в понимании многих исследователей в этой области, имеет в виду не индивидуальное непосредственное бытие человека, а человека вообще по отношению к многокомпонентной среде [2; 3; 11; 15; 16; 36]. Поэтому речь сегодня необходимо вести прежде всего об *экогуманистике*, которая заостряет внимание именно на том, что касается непосредственного живого начала, о котором было сказано выше. В этом смысле она требует осмысления этого начала, выявления его значимости, самоценности, условий воспроизводства. Именно это живое начало может быть рассмотрено как мера «человечности» в человеке и окружающей его среды (природной, социокультурной, технической).

Экогуманистика рассматривает человеческое бытие на уровне антропологической онтологии, в том числе, в экзистенциально-антропологическом аспекте. В антропоэкологии отмечается недостаток этого, хотя она занимается многими существенными вопросами современности, но преимущественно на уровнях общенаучного и конкретно-научного знания: благоприятного/неблагоприятного влияния на человека его среды обитания, миграции, генетики, здоровьесбережения, гигиены, питания (естественно-научный уровень рефлексии); влияния

экономической, политической, социальной, технико-технологической сферы на жизнедеятельность человека, а также вопросами этики и экологического императива [23] (социо-гуманитарный уровень рефлексии).

В основе экогуманистики лежит идея сохранения/воспроизводства такой характеристики человека как «несводимость» [10], понимаемой как основание одновременно уникальности и универсальности человеческого существа. Несводимость понимается как фундаментальная характеристика человека, означающая, что бытие человека включает в себя многие важные моменты, свободно сосуществующие без претензии доминировать друг над другом, чем и обеспечивается универсальность человеческого существования. Человек в своей природе, с одной стороны, и своем существовании — бытии-в-мире, с другой — не сводится только к чему-то одному — естественно-природному, социокультурному, душевно-духовному. Например, техническое (если понимать его широко как набор технических приемов) присуще человеку, внутренне (естественно) в нем присутствует, т. к. он существо не только природы, но и культуры: «без техники невозможна культура» [5]. Человеку естественным образом свойственна способность и потребность в овладении техническими приемами, иначе он бы не был самобытным существом. Без освоения и совершенствования этих технических приемов, накопившихся за всю историю человечества, встраивания их в свою жизнь, человеку тяжело будет оставаться социально-актуальным, живым, современно живым. Человеку необходимо воспроизводить все, что эту жизнь составляет, находить оптимальное соотношение между всеми составляющими, выбирать не что-то одно (способность, качество) и делать это единственно значимым, т. е. *сводить* все многообразие жизни к чему-то одному, жертвуя всем остальным, но постоянно обеспечивать и сохранять собственную *несводимость*.

Заключение

Таким образом, экогуманистика может стать новым знанием как о человеке, так и о проточеловеке¹, о возможных, «зачинательных» формах и переходных состояний, формах его будущего существования в условиях технико-технологизированного мира, которые просматриваются уже сейчас, в на-

¹ Термин и идея «проточеловека» заимствованы у отечественного и американского философа М. Н. Эпштейна.

стоящем. Проточеловек в понимании экогуманистики не выступает против техники или техник, технологий, не спасается бегством от них, не поглощается (заменяется) техникой, но включает их в свою жизнь для поддержания и сохранения ее гармонии и благополучия. Иными словами, экогуманистика выступает за сохранение в активном воспроизводстве целостности человека и полноценности его бытия, человека как уникальной целостности, всех его естественно-родовых, социокультурных, индивидуальных и личностных характеристик. В широком смысле экогуманистика — это теоретическое и практико-ориентированное (имеющее прикладное значение) учение о воспроизводстве человеческого в человеке, его живого начала в процессе конструктивного и продуктивного использования современных технико-технологических возможностей. При этом учитывается логика собственного развития технизированной мира, осуществляется поиск вариантов оптимального сосуществования человека и этого мира.

Статья поступила в редакцию 23.11.2021

1. Апухтина Н. Г. От истоков к основаниям глобально-экологической культуры мышления : монография. Челябинск : ЧГАКИ, 2006. 172 с.

2. Бабкин В. О. Социальная экология как новая развивающаяся дисциплина и ее взаимосвязь с экологией человека // Известия Оренбургского государственного аграрного университета. 2014. № 3. С. 183—186.

3. Бейтсон Г. Экология разума. Избранные статьи по антропологии, психиатрии и эпистемологии. М. : Смысл, 2000. 476 с.

4. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М. : Academia, 2004. 944 с.

5. Бердяев Н. А. Человек и машина (проблема социологии и метафизики техники) // Путь. 1933. № 38. С. 3—38.

6. Вернадский В. И. Несколько слов о ноосфере // Философские мысли натуралиста / ред. А. Л. Яншин. М. : Наука, 1988. С. 19—209.

7. Виндж В. Сингулярность / пер. В. А. Гришечкин, М. Б. Левин. М. : АСТ, 2019. 224 с.

8. Глобальное будущее 2045. Конвергентные технологии (НБИКС) и трансгуманистическая эволюция / под ред. Д. И. Дубровского. М. : МБА, 2013. 272 с.

9. Губин В. Д. Проблема «живого» человека // *Miscellanea humanitaria philosophiae*: очерки по философии и культуре. Вып. 5. К 60-летию профессора Юрия Никифоровича Солонина. СПб. : Санкт-Петербургское философское общество, 2001. С. 40—47. (Мыслители)

10. Губин В. Д., Некрасова Е. Н. Философская антропология. М. : Форум, 2008. 398 с.

11. Гуляев В. Т. Для чего нужна экология личности? // *Философия XXI века: вызовы и ответы на них*. Т. 1. М. : Орион, 2012.
12. Гуревич, П. С. Грани человеческого бытия. М. : ИФ РАН, 2016. 173 с.
13. Данилов-Данильян В. И. Возможна ли «коэволюция природы и общества»? // *Вопросы философии*. 1998. № 8. С. 15—25.
14. Дери М. Скорость убегаания: киберкультура на рубеже веков. М. : АСТ, 2008. 480 с.
15. Дерябо С. Д. Экологическая психология: диагностика экологического сознания. М. : Московский психолого-социальный институт, 1999. 310 с.
16. Казначеев В. П. Проблемы экологии человека. М. : Наука, 1986. 141 с.
17. Карпинская Р. С. Философия природы: коэволюционная стратегия. М. : Интерпракс, 1995. 352 с.
18. Коротаев А. В., Марков А. В. Механизм гиперболического роста в биологических и социальных системах // *Философские науки*. 2006. С. 138—141.
19. Курцвейл Р. *Transcend. Девять шагов на пути к вечной жизни*. М. : Манн, Иванов и Фербер, 2019. 384 с.
20. Кутырев В. А. *Бытие или ничто*. СПб. : Алетейя, 2009. 496 с.
21. Международная научная конференция «Коэволюция техники и общества в контексте цифровой эпохи» : сб. докладов. Москва, Национальный исследовательский университет «МЭИ», 17—18 декабря 2020 г. / под общ. ред. А. Л. Андреева, З. К. Селивановой, В. И. Герасимова. М. : Изд. дом МЭИ, 2020. 282 с.
22. Моисеев Н. Н. Еще раз о проблеме коэволюции // *Вопросы философии*. 1998. № 8. С. 26—32.
23. Моисеев Н. Н. Экология человечества глазами математика: человек, природа и будущее цивилизации. М. : Молодая гвардия, 1988. 254 с.
24. Мэмфорд Л. *Миф машины // Техника и развитие человечества*. М. : Логос, 2001. 416 с.
25. Невелева В. С., Соломко Д. В. Человек и технизированный мир: экологический вектор философского осмысления // *Вестник Пермского университета*. 2020. № 2. С. 181—191.
26. Нейман Дж. фон Теория самовоспроизводящихся автоматов. М. : Либроком, 2009. 382 с.
27. Родин С. Н. *Идея коэволюции*. Новосибирск : Наука, 1991. 267 с.
28. Сеитова М. У. Концепция коэволюции и экологическая проблема : автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 1991. 16 с.
29. Тейяр де Шарден П. *Феномен человека*. М. : АСТ, 2012. 339 с.
30. Тоффлер Э. *Шок будущего*. М. : АСТ, 2002. 557 с.
31. Улам С. *Приключения математика*. Ижевск : НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика», 2001. 272 с.
32. Утуров К. У. Коэволюция техники и технологии в развитии наук об упорядоченном состоянии // *Проблемы современной науки и образования*. 2016. № 34 (76). С. 72—74.
33. Фукуяма Ф. *Наше постчеловеческое будущее. Последствия биотехнологической революции*. М. : АСТ, 2004. 352 с.
34. Шапиро Э., Шенк Д., Джонсон С. «Манифест технореализма». URL: <http://www.technorealizm.org/> (дата обращения: 10.10.2021).
35. Шпенглер О. *Закат Европы*. М. : Мысль, 1998. 663 с.
36. *Экология человека : словарь-справ.* / под ред. Н. А. Агаджаняна. М. : КРУК, 1997. 204 с.
37. Энгельмейер П. К. *Философия техники // ALMA MATER*. 1997. № 3. С. 38—39.
38. Эпштейн М. Н. *Проективный словарь гуманитарных наук*. М. : Новое литературное обозрение, 2017. 616 с.
39. Markov A. V., Markov M. A. Runaway brain-culture coevolution as a reason for larger brains: Exploring the «cultural drive» hypothesis by computer modeling // *Ecology and Evolution*. 2020.
40. Winner L. *Autonomous Technology: Technics-out-of-Control as a Theme in Political Thought*. 1977.

References

1. Apukhtina N.G. (2006) *Ot istokov k osnovaniyam global'no-ekologicheskoy kul'tury myshleniya: monografiya* [From the origins to the foundations of the global ecological culture of thinking: monograph]. Chelyabinsk, CHGAKI, 172 p. [in Rus].
2. Babkin V. O. (2014) *Sotsial'naya ekologiya kak novaya razvivayushchayasya distsiplina i yeye vzaimosvyaz' s ekologiyey cheloveka* [Social ecology as a new developing discipline and its relationship with human ecology]. *Izvestiya Orenburgskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta*, no. 3, pp. 183—186 [in Rus].
3. Beytson G. (2000) *Ekologiya razuma. Izbrannyye stat'i po antropologii, psikhologii i epistemologii* [Ecology of mind. Selected articles on anthropology, psychiatry and epistemology]. Moscow, Smysl, 476 p. [in Rus].
4. Bell D. (2004) *Gryadushcheye postindustrial'noye obshchestvo. Opyt sotsial'nogo prognozirovaniya* [The coming post-industrial society. Social forecasting experience]. Moscow, Academia, 944 p. [in Rus].
5. Berdyayev N.A. (1933) *Chelovek i mashina. (Problema sotsiologii i metafiziki tekhniki)* [The coming post-industrial society. Social forecasting experience]. *Put'*, no. 38, pp. 3—38 [in Rus].
6. Vernadskiy V. I. (1988) *Neskol'ko slov o noosfere* [A few words about the noosphere]. *Filosofskie mysli naturalista* / red. A. L. Yanshin. Moscow, Nauka, pp. 19—209 [in Rus].
7. Vindzh V. (2019) *Singulyarnost'* [Singularity], per. V. A. Grishchkin, M. B. Levin. Moscow, AST, 224 p. [in Rus].
8. *Global'noye budushcheye 2045*. (2013) *Konvergentnyye tekhnologii (NBICS) i transgumanisticheskaya evolyutsiya* [Global future 2045. Convergent technologies (NBICS) and transhumanistic evolution], pod red. D. I. Dubrovskogo. Moscow, Izdatel'stvo MBA, 272 p. [in Rus].
9. Gubin V.D. (2001) *Problema «zhivogo» cheloveka* [The problem of a "living" person]. *Seriya «Myshliteli», Miscellanea humanitaria philosophiae: Ocherki po filosofii i kul'ture*. Vypusk 5. K 60-letiyu professora Yuriya Nikiforovicha Solonina Sankt-Peterburg, Sankt-Peterburgskoye filosofskoye obshchestvo, pp. 40—47. [in Rus].

10. Gubin V.D., Nekrasova Ye.N. (2008) *Filosofskaya antropologiya* [Philosophical anthropology]. Moscow, Forum, 398 p. [in Rus].
11. Gulyayev V. T. (2012) *Dlya chego nuzhna ekologiya lichnosti?* [Why do we need personality ecology? *Filosofiya XXI veka: vyzovy i otvety na nikh*. T. 1. Moscow, Orion, [in Rus].
12. Gurevich P.S. (2016) *Grani chelovecheskogo bytiya* [Facets of human existence]. Moscow, IF RAN, 173 p. [in Rus].
13. Danilov-Danil'yan V.I. (1998) *Vozmozhna li «koevolutsiya prirody i obshchestva»?* [Is "co-evolution of nature and society" possible?]. *Voprosy filosofii*, no. 8, pp. 15—25 [in Rus].
14. Deri M. (2008) *Skorost' ubeganiya: kiberkultura na rubezhe vekov* [The speed of escape: cyberculture at the turn of the century]. Moscow, AST, 480 p. [in Rus].
15. Deryabo S.D. (1999) *Ekologicheskaya psikhologiya: diagnostika ekologicheskogo soznaniya* [Ecological psychology: diagnostics of ecological consciousness]. Moscow, Moskovskiy psikhologosotsial'nyy institut, 310 p. [in Rus].
16. Kaznacheyev V.P. (1986) *Problemy ekologii cheloveka* [Problems of human ecology]. Moscow, Nauka, 141 p. [in Rus].
17. Karpinskaya R. S. (1995) *Filosofiya prirody: Koevolutsionnaya strategiya* [Philosophy of nature: Co-evolutionary strategy]. Moscow, Interpraks, 352 p. [in Rus].
18. Korotayev A.V., Markov A.V. (2006) *Mekhanizm giperbolicheskogo rosta v biologicheskikh i sotsial'nykh sistemakh* [The mechanism of hyperbolic growth in biological and social systems]. *Filosofskiy nauki*, pp. 138—141 [in Rus].
19. Kurtsveyl R. (2019) *Transcend. Devyat' shagov na puti k vechnoy zhizni* [Transcend. Nine Steps Towards Eternal Life]. Moscow, Mann, Ivanov i Ferber, 384 p. [in Rus].
20. Kutyrev V.A. (2009) *Bytiye ili nichto* [Being or nothing]. SPb., Izdatel'stvo «Aleteyya», 496 p. [in Rus].
21. Mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya «Koevolutsiya tekhniki i obshchestva v kontekste tsifrovoy epokhi» (2020): *sbornik dokladov* [International scientific conference "Co-evolution of technology and society in the context of the digital age": a collection of reports]. Moscow, Natsional'nyy issledovatel'skiy universitet «MEI», 17-18 dekabrya 2020 g. / pod obshch. red. A.L. Andreyeva, Z.K. Selivanovoy, V.I. Gerasimova. Moscow, Izdatel'skiy dom MEI, 282 p. [in Rus].
22. Moiseyev N.N. (1998) *Yeshche raz o probleme koevolutsii* [Once again on the problem of coevolution]. *Voprosy filosofii*, no. 8, pp. 26—32 [in Rus].
23. Moiseyev N.N. (1988) *Ekologiya chelovechestva glazami matematika: chelovek, priroda i budushcheye tsivilizatsii* [Ecology of mankind through the eyes of a mathematician: man, nature and the future of civilization]. Moscow, Molodaya gvardiya, 254 p. [in Rus].
24. Memford L. (2001) *Mif mashiny* [The myth of the machine] // *Tekhnika i razvitiye chelovechestva*. Moscow, Logos, 416 p. [in Rus].
25. Neveleva V. S., Solomko D. V. (2020) *Chelovek i tekhnizirovanny mir: ekologicheskiy vektor filosofskogo osmysleniya* [Human and the technized world: the ecological vector of philosophical understanding]. *Vestnik Permskogo universiteta*, no. 2, pp. 181—191 [in Rus].
26. Neyman Dzh. fon (2009) *Teoriya samovosproizvodyashchikhsya avtomatov* [Theory of self-replicating automata]. Moscow, Librokom, 382 p. [in Rus].
27. Rodin S.N. (1991) *Ideya koevolutsii* [The idea of co-evolution]. Novosibirsk, Nauka, 267 p. [in Rus].
28. Seitova M.U. (1991) *Kontseptsiya koevolutsii i ekologicheskaya problema* [The concept of coevolution and the ecological problem]: avtoref. dis. kand. filos. nauk. Moscow, 16 p. [in Rus].
29. Teyyar de Sharden P. (2012) *Fenomen Cheloveka* [The Phenomenon of Man]. Moscow, AST, 339 p. [in Rus].
30. Toffler E. (2002) *Shok budushchego* [Shock of the future]. Moscow, AST, 557 p. [in Rus].
31. Ulam S. (2001) *Priklyucheniya matematika* [Adventures of a mathematician]. Izhevsk, NITS «Regulyarnaya i khaoticheskaya dinamika», 272 p. [in Rus].
32. Uturov K.U. (2016) *Koevolutsiya tekhniki i tekhnologii v razvitii nauk ob uporyadochennom sostoyanii* [Co-evolution of technology and technology in the development of sciences about an ordered state]. *Problemy sovremennoy nauki i obrazovaniya*, no. 34 (76), pp. 72—74 [in Rus].
33. Fukuyama F. (2004) *Nashe postchelovecheskoye budushcheye. Posledstviya biotekhnologicheskoy revolyutsii* [Our posthuman future. Consequences of the biotechnological revolution]. Moscow, AST, 352 p. [in Rus].
34. Shapiro E., Shenk D., Dzhonson S. «Manifest tekhnorealizma» ["Manifesto of Technorealism"]. Available at: <http://www.technorealism.org/> (accessed 10.10.2021) [in Rus].
35. Shpengler O. (1998) *Zakat Yevropy* [Decline of Europe]. Moscow, Mysl', 663 p. [in Rus].
36. *Ekologiya cheloveka* (1997) [Human Ecology]: Slovar'-spravochnik / Pod red. N. A. Agadzhaniana. Moscow, KRUK, 204 p. [in Rus].
37. Engel'meyyer P. K. (1997) *Filosofiya tekhniki* [Philosophy of technology]. *ALMA MATER*, no. 3, pp. 38—39 [in Rus].
38. Epshteyn M.N. (2017) *Proyektivnyy slovar' gumanitarnykh nauk* [Projective Dictionary of the Humanities]. Moscow, Novoye literaturnoye obozreniye, 616 p. [in Rus].
39. Markov A.V., Markov M.A. (2020) *Runaway brain-culture coevolution as a reason for larger brains: Exploring the «cultural drive» hypothesis by computer modeling. Ecology and Evolution* [in Eng].
40. Winner L. (1977) *Autonomous Technology: Technics-out-of-Control as a Theme in Political Thought* [in Eng].

For citing: Solomko D.V. Ecohumanistics as a kind of scientific knowledge and methodology for understanding the specifics of the relationship “human — technical and-technological world” // *Socium i vlast’*. 2022. № 1 (91). P. 15—25. DOI: 10.22394/1996-0522-2022-1-15-25.

UDC 101.2

DOI: 10.22394/1996-0522-2022-1-15-25

ECOHUMANISTICS AS A KIND OF SCIENTIFIC KNOWLEDGE AND METHODOLOGY FOR UNDERSTANDING THE SPECIFICS OF THE RELATIONSHIP “HUMAN — TECHNICAL AND TECHNOLOGICAL WORLD”

Dmitry V. Solomko,

South Ural State University
(National Research University), Associate Professor,
Department of Philosophy, Cand. Sc. (Philosophy),
Chelyabinsk, Russia.
E-mail: dimiurg85@mail.ru

Abstract

Introduction. A human and the world are an organically connected part and whole, they are always a single World, and therefore they can only evolve together, in one direction. The human world consists of many interconnected and interdependent parts. If any one of the parts (for example, technology) begins to dominate and claim the status of the whole, then the problem of violating the optimal ratio in the coexistence and co-evolutionary development of each of the parts, and hence the whole itself, becomes aggravated. Hence, the eco-humanistic problem arises.

The purpose of the work is to present the content and substantiate the theoretical and practical significance of eco-humanism as a new humanitarian knowledge and methodology for understanding the specifics of the relationship “man — technical and-technological world”.

Methods. The author uses the methods of dialectics, systemic and synergetic approaches, the project (projective) method, which is implemented in the design and development of a new philosophical and scientific discipline of eco-humanism, and ideas of co-evolution. Scientific novelty of the research. The author determines basic foundations of eco-humanism as a new type of humanitarian knowledge; formulates and meaningfully substantiates the main principles of eco-humanism as a methodological setting for the ecologization of a person and the world: optimality, coordination and dominance of the whole (integrity) in relation to its parts. Results. Eco-humanistics is defined as a new type of knowledge about a person and a specific setting of his thinking and practical activities, focused on finding ways and means to achieve optimality in relation to various aspects (for example, technical and anthropological) in a person’s being to ensure the possibility of their fruitful existence, to preserve and reproduce a person (as a unique integrity) and his world (as a universal integrity), in their interconnected and interdependent unity.

Conclusions. The author of the article comes to the conclusion that the theoretical development of eco-humanistics will make it possible to study and analyze the phenomena of modern culture in a more multifaceted way, to get a more accurate interpretation of the ways of human existence and eco-cultural practices that provide the effect of the state of the “ecosystem” in situations of any intense socio-cultural transformations.

Keywords:

human being,
ecology of human life,
technical and technological world,
coevolution,
eco-humanism

Для цитирования: Мухаметов Р. С. Парадипломатия российских регионов: возможности и ограничения (на примере Свердловской области) // Социум и власть. 2022. № 1 (91). С. 26—36. DOI 10.22394/1996-0522-2022-1-26-36.

УДК 327.364

DOI 10.22394/1996-0522-2022-1-26-36

ПАРАДИПЛОМАТИЯ РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ: ВОЗМОЖНОСТИ И ОГРАНИЧЕНИЯ (на примере Свердловской области)¹

Мухаметов Руслан Салихович,
Уральский федеральный университет,
департамент политологии и социологии,
доцент кафедры политических наук,
кандидат политических наук,
Екатеринбург, Россия.
E-mail: muhametov.ru@mail.ru

Аннотация

Введение. Три десятилетия субъекты РФ являются участниками международных отношений, налаживая международное, внешнеэкономическое, трансграничное сотрудничество с иностранными партнерами. Какие существуют возможности и ограничения международной деятельности российских регионов? Трансформировались ли они за этот период? Если да, то в какую сторону и чем это было обусловлено? Цель настоящей статьи состоит в том, чтобы найти ответы на эти вопросы.

Методология. Концептуальной основой данного исследования является концепция парадипломатии. В качестве методологической основы данного исследования выступил подход Мануэля Дюрана. Исследователь предлагает изучать четыре аспекта, имеющих отношение к изучению роли субнационального правительства (полномочия, возможности, способности и присутствие).

Методы. С точки зрения дизайна исследования, статья представляет собой тематическое исследование, т. к. в его основе лежит метод изучения конкретных случаев (case-study). В качестве объекта исследования выбрана Свердловская область.

Результаты. По итогам анализа парадипломатии Свердловской области автор пришел к мнению, что российские регионы заключают международные / внешнеэкономические соглашения, но только с субъектами иностранных федеративных государств, административно-территориальными образованиями иностранных государств. Во-вторых, субъекты РФ принимают участие в работе международных организаций, но только с созданными специально для этих целей. В-третьих, регионы осуществляют связи и с органами государственной власти иностранных государств, но только с согласия Правительства РФ. В-четвертых, субъекты РФ открывают свои представительства за пределами страны, но по согласованию с российским внешнеполитическим ведомством. Наконец, власти субъектов РФ создают институты парадипломатии, что выражается в деятельности региональных министерств, в задачу которых входит содействие в развитии международного сотрудничества.

Выводы. Возможности и ограничения парадипломатии прописаны на законодательном уровне. Неформально главы субъектов РФ должны ориентироваться на внешнеполитическую линию, которую формулирует глава государства. По ряду внешнеполитических событий отдельные российские губернаторы занимают более жесткую позицию, чем федеральный центр.

Ключевые слова:

парадипломатия,
международное сотрудничество,
внешнеэкономическая деятельность,
субъекты РФ,
Свердловская область

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и свердловской области (грант № 20-414-660001 p_a).

Введение

Традиционно доминирующая роль в системах международных отношений (Вестфальская, Венская, Версальско-Вашингтонская и Ялтинско-Потсдамская) отводилась национальным государствам. Со времени Вестфальского мира 1648 г. и до окончания Второй мировой войны национальное государство безраздельно властвовало в своей монополии на дипломатические отношения. В последнее время это ставится под сомнение. За последние десятилетия наметилась четкая тенденция, свидетельствующая о том, что поддержание международных отношений не является больше исключительной прерогативой национальных правительств. Негосударственные субъекты, такие как международные межправительственные организации (МПО), международные неправительственные (некоммерческие) организации (МНПО), транснациональные корпорации (ТНК), террористические группы стали неотъемлемыми элементами международных отношений. Джеймс Розенау сказал, что в настоящее время существует два «мира» в международной политике: государственно-ориентированный и мультицентрический [22, р. 16].

Во второй половине XX века на международную арену выходят субнациональные правительства североамериканских и европейских государств. Это стимулируется такими факторами, как экономическая глобализация, федерализм и децентрализация. Исследователи выделяют три «волны» развития международной деятельности субгосударственных регионов в Европе: 1) в 1980-е годы регионы пытались привлечь прямые иностранные инвестиции (ПИИ), а также использовать культуру для позиционирования на международной арене; 2) в 1990-е были сформированы правовая и институциональная базы; 3) в XXI столетии субнациональные единицы стали расширяться и отрывать свои представительства за рубежом [21, р. 73].

В 1990-е годы российские регионы также становятся участниками международных отношений. Это обусловлено как прекращением существования Союза ССР, слабостью федерального центра, так и потребностью регионов в социально-экономическом развитии [4, с. 154]. Иными словами, выход на международную арену субъектов РСФСР / РФ происходит в конце 1980-х годов, когда стали заключаться первые соглашения между российскими регионами и их иностранными партнерами. В частности, уже в сентябре

1988 г. был подписан Договор об установлении дружественных связей между Мурманской областью (СССР) и областью Финнмарк (Норвегия)¹. За прошедшие с тех пор три десятилетия политико-правовой статус регионов и отношения между федеральным центром и субъектами РФ трансформировались. Задача данного исследования состоит в том, чтобы выявить и систематизировать возможности и ограничения международной деятельности российских регионов в темпоральном аспекте.

Необходимо отметить, что данное исследование не является единственным, которое посвящено этой теме. Большинство работ, которые выполнены в рамках правового подхода, рассматривают вопросы разграничения полномочий между федеральным центром и регионами в сфере международного сотрудничества и внешнеэкономической деятельности и, как следствие, вытекающие из этого возможности и ограничения для субъектов РФ [1, с. 117—130; 5, с. 107—130; 6, с. 92—95]. Важно подчеркнуть, что данная тематика изучается не только на примере российских регионов, но и субъектов зарубежных федераций и административно-территориальных единиц унитарных государств [3, с. 289—294; 7, с. 14—22]. Вклад данной статьи состоит в том, чтобы, не исключая анализ нормативно-правовых актов, исследовать вопрос и в политическом аспекте.

Остальная часть статьи выглядит следующим образом. В первом разделе представлена концептуальная основа исследования, а также методология. Дизайн исследования рассмотрен во втором разделе. Третья часть посвящена результатам работы. Наконец, основные выводы представлены в заключении.

Концептуальная основа и методология исследования

Основой любого исследования, на основе которого строятся знания, являются теоретические рамки. Теоретическая основа — это конкретная теория или теории, которые могут быть полезны для изучения событий, явлений или процессов. Любой пример теоретической основы содержит концепции, определения, принципы и другие соответствующие материалы, необходимые для проведения исследований. «Обрамляя» свое исследование в рамках четко определенной

¹ Реестр международных соглашений о сотрудничестве. URL: https://minec.gov-murman.ru/activities/foreign_activity/sub02/sub01/sotrudnichestve.

области, теоретическая основа направляет исследователя таким образом, чтобы он/она не выходил за рамки принятых теорий, чтобы внести свой окончательный научный и академический вклад.

Концептуальной основой данного исследования является концепция парадипломатии. Необходимо отметить, что в академических кругах нет окончательного консенсуса относительно того, какой термин удобнее использовать для описания международной деятельности субнациональных единиц. Активность регионов на международной арене часто называют «парадипломатией». Первое упоминание о парадипломатии встречается у Роана Батлера, который в 1961 году, когда он написал для коллективной монографии главу под названием «Парадипломатия» [19, р. 26]. В международных исследованиях данный термин чаще ассоциируется с Иво Духачеком. Осенью 1984 года вышел специальный выпуск научного журнала *Publius* под названием «Федеративные государства и международные отношения», в котором была опубликована его статья, озаглавленная «Международное измерение субнационального самоуправления». И. Духачек на основе тематических исследований провинций в Канаде, земель в Германии и штатов в США высказал идеи о важности и значении практики дипломатии, осуществляемой местными органами власти для повышения благосостояния людей. Он использовал этот термин как аббревиатуру «параллельной дипломатии», понимаемой как прямая международная деятельность субнациональных субъектов, поддерживающих, дополняющих, корректирующих, дублирующих или бросающих вызов дипломатии национальных государств [10, р. 5—31].

Другим важным событием, которое сыграло роль популяризации термина, был международный семинар, организованный Канадским институтом международных отношений и состоявшийся в Университете Альберты в марте 1985 года. На этой конференции идея парадипломатии, практикуемые канадской провинцией Квебек, действительно привлекла внимание широкой аудитории. Квебек стал важной провинцией в открытие термина парадипломатия. Таким образом, Квебеку удалось стать прототипом провинции, способной повысить уровень благосостояния своих граждан за счет развития международных партнерских отношений с рядом провинций Мексики [25, р. 26].

В научной литературе существуют другие понятия для описания той же деятельности. В частности, Брайн Хокинг используют тер-

мин «многослойной дипломатия», понимая под ней участие субнациональных единиц в широкой и сложной дипломатической сети с несколькими уровнями правительств и другими акторами, как внутри, так и вне своей внутренней системы. [16, р. 36—51; 17, р. 13]. Джон Кинкейд предпочитает использовать термин «учредительная дипломатия» (это участие региональных и местных правительств в разработке внешней политики и международных делах). [18, р. 54—75]. Франсиско Альдекоа вводит концепцию «плюрациональной дипломатии» для описания новых форм субгосударственного участия в формулировании и осуществление внешней политики в поликультурных или многонациональных государствах, которые входят в Евросоюз [8, р. 82—94].

Методология исследования закладывает основу для прикладной части работы. Эта основа раскрывает подходящий исследовательскую матрицу анализа, аналитический инструментарий и процедуры исследования.

В качестве методологической основы данного исследования выступает подход Мануэля Дюрана, изучающий международную деятельность французского региона Прованс — Альпы — Лазурный Берег, крупнейшим городом которого является Марсель. Данный ученый анализировал четыре аспекта, имеющих отношение к изучению роли субнационального правительства:

1. Полномочия. Это касается полномочий по внешним связям, которые позволяют субнациональному правительству участвовать в международных отношениях, хотя и с ограничениями.
2. Возможность. Это относится к возможностям, вытекающим из внешней среды, которая прямо или косвенно способствует развитию субнационального правительства в качестве субъекта международных отношений.
3. Способность. Это указывает на инструмент, используемый субнациональным правительством для углубления своего экономического и дипломатического влияния за рубежом.
4. Присутствие. Это касается внешнего и внутреннего признания субнациональных правительств в качестве международных субъектов третьими сторонами [11, р. 339—363].

Дизайн исследования

Дизайн исследования — это широкая структура, которая определяет общую

схему проведения исследовательского проекта. Одним из важнейших факторов, влияющих на качество, актуальность и точность результатов исследования, является определение типа дизайна исследования. В социальных науках существует несколько стадий исследования. Это интенсивное изучение одной единицы с целью понимания более широкого класса (аналогичных) единиц [14, р. 341—354]. Традиционно под исследованием случаев подразумевают изучение совокупности случаев путем интенсивного изучения одного или нескольких примеров этого явления [13, р. 707—734]. Это анализ как отдельных случаев, так и сравнение небольшого числа случаев [9]. Основной задачей ученого в рамках тематического исследования выступает выбор подходящего случая, кейса. Существует несколько вариантов выбора случаев — различные случаи, крайние случаи, отклоняющийся случай, а также типичный кейс [24, р. 294—308].

В России 85 регионов, которые официально называются «субъектами федерации», разделены по правовому статусу на несколько групп, а именно республики (22), края (9), области (46), города федерального значения (3), автономные округа (4) и автономная область (1). Перед нами стоит задача определиться с одним регионом в качестве объекта исследования. Мы исключили те регионы, которые по разным причинам можно считать непредставительными, включая три города федерального значения (Москва, Санкт-Петербург и Севастополь), Еврейскую автономную область, все автономные округа, а также республики, которые выделены по национально-этническому признаку. Необходимо отметить, что в ряде таких регионов этнос, от которого и произошло название субъекта РФ, занимает по доле в составе населения второе место (например, Республика Адыгея, Башкортостан, Республика Марий Эл и т. д.). Таким образом, наш выбор объекта исследования ограничен областями и краями. При отборе «случая» мы сосредоточились на двух факторах: (1)

это уровень экономического процветания в регионе; (2) открытость региона в политическом плане. Операционализация факторов представлена в таблице. Кроме того, важно учитывать географическое расположение субъектов РФ, т. к. приграничный статус при прочих равных условиях может оказывать благоприятное для международного (трансграничного) сотрудничества. В России насчитывается 38 приграничных регионов, имеющих сухопутную границу, как минимум, с одним иностранным государством, включая 11 республик, одну автономную область, пять краев и 21 область (см. табл.).

Как видно из таблицы, чаще всего (три раза) встречается Свердловская область. Исходя из этого, объектом исследования («типичным кейсом») становится Средний Урал, на примере парадипломатии которого мы рассмотрим возможности, а также имеющиеся ограничения в этой сфере. Несмотря на это, представляется необходимым для более полного изучения Свердловской области показать ее международную активность и в сравнении с другими регионами, поэтому можно говорить о том, что методом исследования, который применяется в настоящей статье, является метод изучения кейса. Исходя из этого, стоит сказать про ограничения данного исследования. Недостатком кейс стадии является то, что работы, выполненные с применением этого метода, не совсем корректно экстраполировать на всю выборку. В нашем случае это российские регионы. В то же самое время Свердловская область выступает типичным случаем. В этих условиях основные возможности и ограничения парадипломатии, обозначенные в настоящей статье, подойдут для характеристики, как минимум, всех остальных областей.

Результаты исследования

Используя обозначенную выше методологию анализа парадипломатии, мы рассмотрим международную деятельность Свердловской области при трех губернаторах (Э. Росселе, А. Мишарине и Е. Куйвашеве;

Субъекты РФ в экономических и политических рейтингах

Рейтинг социально-экономического положения субъектов РФ по итогам 2020 г.	Индекс конкурентоспособности регионов России по итогам 2020 г.	Рейтинг демократичности регионов Московского центра Карнеги	Оценка качества региональных политических институтов
Московская область	Московская область	Пермский край	Красноярский край
Свердловская область	Свердловская область	Иркутская область	Мурманская область
Ленинградская область	Красноярский край	Свердловская область	Приморский край

А. Л. Страхова исключаем из исследования в силу небольшого срока его работы).

В период с 1991 по 1993 гг., а также с 1995 по 2009 год главой области был Э. Э. Россель. В этот отрезок времени был принят ключевой закон, определяющий полномочия по внешним связям субнациональных правительств. Речь идет о федеральном законе «О координации международных и внешнеэкономических связей субъектов Российской Федерации». Данный нормативно-правовой акт обозначил возможности субъектов РФ и границы осуществления активности на международной арене. Так, российские регионы, во-первых, имеют право заключать международные / внешнеэкономические соглашения, но только с субъектами иностранных федеративных государств, административно-территориальными образованиями иностранных государств. Во-вторых, субъекты РФ могут принимать участие в работе международных организаций, но только с созданными специально для этих целей. Что касается Свердловской области, то этой возможностью она не пользуется. В качестве примера стоит сказать про Мурманскую область, которая принимает участие в работе Совета Баренцева / Еврoarктического региона, Норвежском Баренцеве Секретариате, а также в Партнерстве Северное Измерение¹. В-третьих, субъекты РФ могут осуществлять связи и с органами государственной власти иностранных государств, но только с согласия Правительства РФ. Так, подобные соглашения у Свердловской области есть с правительствами Абхазии и Азербайджана, а также с министерством территориального управления Армении. Наконец, регионы имеют правом открывать свои представительства за пределами страны, но по согласованию с российским МИДом. Необходимо отметить, что у Свердловской области нет такого института парадипломатии. С 2002 г. действует представительство Нижегородской области Российской Федерации в Республике Беларусь². По состоянию на 1 октября 2021 года в странах ближнего и дальнего зарубежья функционирует 14 представительств Республики Татарстан (4 — полномочных, 1 — постоянное, 9 — торгово-экономических)³.

Что касается областного нормативно-правового регулирования международной деятельности, то стоит отметить утвержде-

¹ Международные связи. URL: <https://minec.government.ru/activities/intercoop>.

² Открывается первое представительство Нижегородской области за рубежом. URL: <https://www.niann.ru/?id=96532>.

³ Представительства Республики Татарстан. URL: https://prav.tatarstan.ru/representative_offices.htm.

ние в 1996 г. Концепции развития внешнеэкономической деятельности Свердловской области на период до 2005 г., а также разработки и принятия в 1997 г. Программы развития экспортного комплекса Свердловской области и Программы кадрового обеспечения внешнеэкономической деятельности и международных связей Свердловской области. Можно отметить, что по утверждению вышеназванных документов Средний Урал нельзя отнести к первопроходцам. В частности, власти Татарстана разработали и приняли свою концепцию внешнеэкономической деятельности в декабре 1993 г.⁴

В период губернаторства Э. Росселя строится инфраструктура парадипломатии. Речь идет о создании основного института парадипломатии, т. е. областного отраслевого министерства, в полномочиях которого входит содействия предприятиям в развитии внешнеэкономических связей, разработка и реализация областных внешнеэкономических программ, развитие международного сотрудничества, содействие привлечению иностранных инвестиций. С 1991—1994 гг. это было Управление международных и внешнеэкономических связей при Комитете по экономике Свердловского облисполкома, с 1994 по 1998 г. — Департамент международных и внешнеэкономических связей Правительства Свердловской области и, наконец, с 1998 г. — Министерство международных и внешнеэкономических связей Свердловской области⁵. Кроме того, в 1994 г. было создано (при А. Стракове) постоянное представительство губернатора Свердловской области при президенте РФ, в задачу которого входит и развитие международных, внешнеэкономических связей путем участия в мероприятиях дипломатического, торгово-экономического и презентационного характера, выстраивания взаимоотношений с федеральными органами государственной власти по интересующим вопросам и налаживание контактов с дипломатическими представительствами иностранных государств, аккредитованных на территории РФ⁶. Необходимо отметить, что в период с 1996 по 2009 г. в г. Екате-

⁴ Концепция внешнеэкономической деятельности Республики Татарстан на период до 2000 года и механизмах ее реализации. Утв. от 31 декабря 1993 года № 759. URL: <https://docs.cntd.ru/document/438834154?marker>.

⁵ Историческая справка. URL: <https://mvs.midural.ru/istoricheskaya-spravka>.

⁶ Представительство губернатора Свердловской области в органах государственной власти Российской Федерации. URL: <http://uralmsk.ru/main/about/about>.

ринбурге ежегодно проходил Российский экономический форум, на котором обсуждались и вопросы, затрагивающие внешнеэкономическую тематику. После смены главы региона (ухода Э. Росселя) осенью 2009 г. данное мероприятие больше не проводилось. Наконец, к элементам инфраструктуры парадипломатии можно отнести и проводившиеся на Среднем Урале (г. Нижний Тагил) выставки вооружений и военной техники. Стоит подчеркнуть, что эти выставки несколько раз меняли свои названия. В частности, первая Уральская выставка вооружения и военной техники Ural Expo Arms состоялась летом 1999 г. В 2002—2011 гг. мероприятие официально называлось «Российская выставка вооружения. Нижний Тагил» (Russian Expo Arms). В сентябре 2013 г. смотр вооружений получил новое название — «Международная выставка вооружения, военной техники и боеприпасов» (Russia Arms Expo).

Если говорить о внешнем и внутреннем признании субнационального правительства в качестве международного субъекта, то важно заметить, что уральская столица занимает третье место в стране (после Москвы и Санкт-Петербурга) по количеству дипломатических представительств. Так, в 1994 году было открыто Генеральное консульство США в Екатеринбурге, в 1996 г. — Венгрии (постоянное торговое представительство, Генконсульство — в 2007 г.), в 1997 г. — Великобритании. Генконсульство Германии в Екатеринбурге было открыто 6 июля 2005 г., а КНР — в 2009 г. Представительство Министерства иностранных дел РФ в городе Екатеринбурге создано по распоряжению Правительства РФ от 19.10.1996 г.

При Э. Росселе были подписаны первые договоры о сотрудничестве. Так, 22 апреля 1991 г. было подписано Соглашение об установлении побратимских отношений между Свердловской областью (СССР) и городом Харбином (КНР), а также Соглашение о взаимном дружественном сотрудничестве между Свердловской областью (СССР) и городом Харбином (КНР). В июне 1992 г. было заключено Соглашение между Администрацией Свердловской области и Министерством торговли Болгарии о торгово-экономических связях и научно-техническом сотрудничестве, а в сентябре 1996 г. — Соглашение между Свердловской областью Российской Федерации и Арагатским марзом (областью) Армении о торгово-экономическом и культурном сотрудничестве. За период губернаторства Э. Э. Росселя было заключено 23 подобных соглашения.

В 2000-е годы уральская столица стала позиционироваться как площадка для проведения международных переговоров и место встречи лидеров иностранных государств. В частности, в октябре 2003 г. в Свердловской области (Екатеринбурге) прошел Российско-Германский саммит, в котором приняли участие Президент РФ В. Путин и канцлер ФРГ Г. Шредер, а также федеральные министры и ведущие представители деловых кругов двух стран. В июне 2009 г. были проведены саммиты ШОС (Россия, Китай, Казахстан, Киргизия, Узбекистан и Таджикистан) и группы БРИКс (Бразилия, Россия, Индия, Китай).

Таким образом, подводя итог по рассмотрению парадипломатии в 1990-е и 2000-е годы, можно сказать, что на период губернаторства Э. Росселя пришелся этап зарождения и становления данного института.

С ноября 2009 г. по май 2012 г. свердловским губернатором был А. С. Мишарин. В силу того, что его исполнение полномочий было недолгим (меньше одного срока), то он немного успел сделать на поприще развития парадипломатии. Несмотря на это, можно обозначить и его вклад. Во-первых, А. Мишарин ввел практику презентации области перед представителями иностранного бизнеса. В частности, в апреле 2012 г. свердловский губернатор провел в Москве презентацию региональных экономических проектов (особая экономическая зона «Титановая долина», Уральский фармацевтический кластер и химический технопарк «Тагил») для компаний-членов Американской торговой палаты в России. Во-вторых, Екатеринбург заявил желание принять участие в конкурсе на проведение универсальной международной выставки «ЭКСПО 2020». Впервые об этой идее заговорили в 2011 году. Инициатива проведения в Екатеринбурге выставки ЭКСПО принадлежала губернатору А. Мишарину. Идея была поддержана Президентом РФ Д. А. Медведевым и председателем Правительства России В. В. Путиным. В ноябре 2011 г. А. С. Мишарин впервые презентовал уральскую столицу как город-кандидат на право проведения Всемирной универсальной выставки ЭКСПО-2020. Кроме того, в июле 2011 г. был введен в эксплуатацию Международный выставочный центр «Екатеринбург-Экспо» для проведения уральской международной промышленной выставки «Иннопром-2011». При А. Мишарине продолжилась практика открытия консульств иностранных государств (в мае 2010 г. — азербайджанское, в сентябре 2010 г. —

вьетнамское) и подписания внешнеэкономических договоров. В частности, в октябре 2010 г. было заключено Соглашение между областным правительством и Правительством Абхазии о торгово-экономическом, научно-техническом и гуманитарном сотрудничестве. Наконец, в период губернаторства Мишарина появились новые институты парадипломатии. В частности в 2011 г. был создан Центр поддержки экспорта Свердловской области на базе областного фонда поддержки предпринимательства с целью содействия выходу предприятий малого и среднего бизнеса на внешние рынки. Необходимо подчеркнуть, что подобные центры существуют в 99 % регионах страны¹.

С мая 2012 г. и по настоящее время свердловским губернатором является Е. В. Куйвашев. При нем была обновлена нормативно-правовая база осуществления парадипломатии. Во-первых, была утверждена в 2013 г. региональная программа «Развитие международных и внешнеэкономических связей Свердловской области до 2020 года». Во-вторых, разработана и принята Стратегия развития международных и внешнеэкономических связей Свердловской области до 2035 г. При Е. Куйвашеве продолжилась практика проведения международной промышленной выставки «Инопром» на базе МВЦ «Экспо». При нем была введена новация. Новизной выставок (с 2015 г.) стало приглашение страны-партнера. Так, первым генеральным партнером стал Китай, в 2016 г. — Индия, в 2017 г. — Япония, 2018 г. — Республика Корея, 2019 г. — Турция, 2021 г. — Италия. В 2020 г. выставка не проводилась из-за пандемии COVID-2019. Куйвашев продолжил также практику презентации областных проектов. В частности, в мае 2014 г. глава области в здании МИД РФ, где собрались представители около 90 иностранных государств, рассказал о проектах, реализуемых на территории региона². Хотелось бы заметить, что аналогичные выставки проводятся и в других субъектах РФ. Часть из них являются более масштабными. В качестве примера можно назвать «Российский инвестиционный форум» в Сочи или «Восточный экономический форум» во Владивостоке. В феврале 2017 г. на площадке посольства Японии в Москве свердловский губернатор провёл презентацию промышленного и инвестиционного потенциала

¹ Поддержка экспорта в субъектах Российской Федерации. URL: http://www.ved.gov.ru/rus_export/regional_program.

² Губернатор провёл презентацию Свердловской области в Министерстве иностранных дел РФ. URL: <http://midural.ru/news/list/document42734>.

региона³. При Е. Куйвашеве Екатеринбург во второй раз претендовал на право проведения всемирной универсальной выставки «ЭКСПО»: Россия подала заявку на проведение в 2025 г. выставки в мае 2017 г. Кроме того, продолжилось открытие официальных представительств иностранных государств (в июле 2014 г. — Кипра, апреле 2016 г. — Болгарии), а также заключение договоров о торгово-экономическом, научно-техническом и гуманитарном сотрудничестве. Так, в июле 2012 г. было подписано соглашение с администрацией Малопольского воеводства (Польша), а в ноябре 2014 г. — администрацией Южночешского края (Чехия). При Е. Куйвашеве было заключено 9 соглашений.

Таким образом, подводя промежуточный итог изучению парадипломатии Свердловской области, можем отметить наблюдающуюся преемственность в развитии международных связей при всех трех глав регионов. Она заключается в стремлении рассматривать внешнеэкономическое сотрудничество как инструмент регионального социально-экономического развития. Анализ парадипломатии российских регионов также позволяет выделить несколько инструментов, которые используют власти субъектов РФ для налаживания международного сотрудничества. Во-первых, разработка и принятие нормативно-правовых документов, регулирующих международную деятельность и развитие внешнеэкономических связей. Во-вторых, создание институтов парадипломатии. К ним относят работу как отраслевых профильных министерств, так и различных центров поддержки экспорта. Кроме того, для привлечения инвесторов, в том числе и иностранных, в субъектах РФ проводятся экомико-промышленные мероприятия (выставки, форумы). В-третьих, инструментом парадипломатии также являются презентации регионов перед предпринимателями зарубежных государств. Наконец, местные власти лоббируют проведение в регионе международных межправительственных мероприятий, встреч на высшем уровне.

Важно отметить, что отдельные республики более активны в налаживании международных связей по сравнению со Свердловской областью. Так, анализ официального сайта президента Татарстана показывает, что во второй половине 2021 г. Р. Минниханов совершил три рабочих ви-

³ Евгений Куйвашев презентовал японцам промышленный и инвестиционный потенциал Свердловской области. URL: <https://www.oblgazeta.ru/politics/66120>.

зита — в Казахстан, Саудовскую Аравию и Кыргызстан (это не в составе российской делегации). Кроме того, он также провел 15 встреч с представителями иностранных государств и международных межправительственных организаций (без учета контактов с генконсулами зарубежных стран в России и представителями иностранных коммерческих компаний). Глава Башкортостана Р. Хабиров посетил с рабочим визитом Казахстан (сентябрь) и Беларусь (декабрь). За этот же период свердловский губернатор Е. Куйвашев не совершил ни одного рабочего визита и не встретился ни с одним иностранным представителем.

В России внешнеполитический курс страны формирует президент. Главы субъектов не могут заниматься внешней политикой, тем более не определяют ее, а также не принимают каких-либо внешнеполитических решений. Во внешней политике главы субъектов РФ ориентируются на линию, которую формулирует глава государства. Среди российских глав регионов на международной арене наибольшую активность проявляет Р. Кадыров. За последнее время глава Чечни является единственным российским региональным лидером, который делает громкие внешнеполитические заявления¹. До него в 2000-е годы мэр Москвы Юрий Лужков публично подвергал сомнению правомерность пребывания Севастополя в составе Украины, за что Киев объявил его в мае 2008 г. «персоной нон-грата»². Принято считать, что Чечня — это особый субъект страны. Как показывают многочисленные исследования, это обусловлено тем, что существует неформальное соглашение между Москвой (В. Путиным) и Грозным (Р. Кадыровым), по которому федеральный центр не вмешивается во внутренние дела Чечни, оказывает финансовую поддержку в обмен на лояльность чеченского руководства [15, р. 266—271; 26, р. 37—49]. Наличие таких отношения явилось результатом политики «чеченизации», т. е. передачи контроля над республикой чеченскому руководству в обмен на приверженность последнего решению внутренних проблем таким образом, чтобы это отвечало интересам России [23, р. 510—512]. Как результат, период стабильности на Северном Кавказе в целом

¹ Кадыров обвинил Макрона в подталкивании людей к терроризму. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4549275> Кадыров потребовал от властей Израиля извиниться за столкновения с палестинцами. <https://lenta.ru/news/2021/05/10/kadyrov>.

² Ю. Лужков объявлен на Украине персоной нон-грата. URL: <https://www.rbc.ru/politics/12/05/2008/5703cc729a79470eaf76a8c6>.

и в Чечне в частности представляет собой состояние «негативного мира» [12, р. 12—14]. Необходимо отметить, что пример с руководителями Чеченской Республики Кадыровыми (сначала Ахматов, а потом с Рамзаном) был не первым случаем в истории, когда российские лидеры пошли на сотрудничество с умеренными чеченскими деятелями для урегулирования внутриэтнической борьбы. Исследователи считают, что в плане миростроительства федеральный центр выбрал стратегию кооптации, т. е. политика «пряника», которая предполагает подкуп влиятельной группы [20, р. 9—34].

Пример с Чечней в целом и с Р. Кадыровым в частности иллюстрирует тот факт, что их неформальный статус является исключительным случаем. Другие главы российских регионов, в том числе и Свердловской области, в данный период времени не могли позволить себе международную активность, выходящую за рамки, которые заданы федеральными законами, а также делать внешнеполитические заявления, не укладывающиеся в официальные рамки. Важно подчеркнуть, что в первой половине 1990-х годов, в период «парада суверенитетов», главы субъектов РФ обладали большей автономией, в том числе и в сфере международных отношений. Так, в период грузино-абхазской войны 1992—1993 гг. не только общественность республик Северного Кавказа (особенно Адыгея, Кабардино-Балкария и Карачаево-Черкесия), но и их руководители выражали озабоченность военным конфликтом между Грузией и Абхазией, осуждали агрессию грузинских войск по отношению к народу Абхазии, требовали от Тбилиси незамедлительного прекращения военных действий и вывода войск с территории Абхазии, а также обращались к правительству РФ с требованием о незамедлительном принятии мер по урегулированию ситуации в соседней республике [2, с. 25—118].

Заключение

Написание данной статьи было вызвано стремлением выявить и систематизировать возможности и ограничения международной деятельности российских регионов. Нами было отмечено, что субъекты РФ, которых на сегодня насчитывается 85, отличаются друг от друга по правовому статусу (республики, области и края, города федерального значения, автономные округа и автономная область), уровню экономического развития, этно-конфессиональному составу, а также лоббистским возможностям глав регионов на федеральном уровне. Это

и многое другое позволило исследователям писать о России как об асимметричной федерации. Исходя из этого, мы заключили, что говорить о существовании для субъектов РФ какого-то одного набора возможностей и ограничений парадипломатии будет не совсем корректным. Хотя в силу проводимой с начала 2000-х гг. политики по построению «вертикали власти» и реформы федеративных отношений 2000—2004 гг., направленных на унификацию правового и политического пространств, можно постараться обозначить определенные рамки. Для этого мы поставили перед собой задачу определиться с типичным регионом, на примере рассмотрения международной деятельности которого можно выявить эти возможности и ограничения. Наш выбор остановился на Свердловской области.

Проведенное исследование показало, что российские регионы заключают международные / внешнеэкономические соглашения, но только с субъектами иностранных федеративных государств, административно-территориальными образованиями иностранных государств. По итогам анализа парадипломатии Среднего Урала мы пришли к выводу, что субъекты РФ принимают участие в работе международных организаций, но только с созданными специально для этих целей. Результаты нашего исследования иллюстрируют, что субъекты РФ осуществляют внешнеэкономические связи с органами государственной власти иностранных государств, но только с согласия Правительства РФ. Заслуживает быть отмеченным и то, что регионы открывают свои представительства за пределами страны, но по согласованию с российским внешнеполитическим ведомством. Необходимо отметить, что власти субъектов РФ создают институты парадипломатии, что выражается, как правило, в деятельности профильных региональных отраслевых министерств, в задачу которых входит содействие в развитии международного сотрудничества. Кроме формальных и законодательно предусмотренных институтов существуют неформальные практики парадипломатической деятельности властей субъектов РФ. К ним относятся презентации региональных экономических проектов перед представителями иностранного бизнеса. Одним из ограничений возможностей парадипломатии губернаторов является то, что главы субъектов РФ должны ориентироваться на внешнеполитическую линию, которую формулирует глава государства.

Статья поступила в редакцию 10.01.2022

1. Буданова Е. Правовое регулирование международной деятельности субъектов Российской Федерации // *Международная жизнь*. 2017. № 9. С. 117—130.
2. Кушхабиев А. В. Кабардино-Балкария и Грузино-абхазская война 1992—1993 гг. Нальчик : Изд-во КБНЦ РАН, 2020. 288 с.
3. Манукян Г. А. Опыт международной деятельности субъектов федеративных государств Северной Америки (на примере Канады) // *Вестник КГУ*. 2018. № 2. С. 289—294.
4. Мухаметов Р. С. Факторы международной активности российских городов // *Вестник МГИМО-Университета*. 2020. № 6. С. 153—174.
5. Насыров И. Р. Правовые аспекты международного сотрудничества регионов // *Журнал российского права*. 2006. № 2. С. 107—130.
6. Тагиев З. Э. Торговые представительства субъектов Российской Федерации // *Транспортное дело России*. 2011. № 12. С. 92—95.
7. Яковлева Н. В., Левкин И. М. Особенности трансграничного регионального сотрудничества в форме парадипломатии // *Управленческое консультирование*. 2014. № 4. С. 14—22.
8. Aldecoa F. Towards Plurinational Diplomacy in the Deeper and Wider European Union (1985—2005) // *Paradiplomacy In Action. The Foreign Relations of Subnational Governments*. Alcedoa F., Keating M. (eds). London : Routledge, 2013. P. 82—94.
9. Bennett A. Case Study Methods: Design, Use, and Comparative Advantages. URL: <https://minorthesis.files.wordpress.com/2012/12/andrew-bennet-case-study.pdf> (accessed 24.12.2021).
10. Duchacek I. The International Dimension of Subnational Self-Government // *Publius-the Journal of Federalism*. 1984. Vol. 14. № 4. P. 5—31.
11. Duran M. French regions as diplomatic actors: The case of Provence-Alpes-Cote d'Azur // *French Politics*. 2011. Vol. 9. № 4. P. 339—363.
12. Galtung J. Theories of peace. A Synthetic Approach to Peace Thinking. Oslo : International Peace Research Institute, 1967. 258 p.
13. Gerring J. Single-Outcome Studies A Methodological Primer // *International Sociology*. 2006. Vol. 21. № 5. P. 707—734.
14. Gerring J. What Is a Case Study and What Is It Good for? // *American Political Science Review*. 2004. Vol. 98. P. 341—354.
15. Gilligan E. The Costs of Peace in Chechnya // *Current History*. 2015. Vol. 114, No. 774. P. 266—271.
16. Hocking B. Bridging Boundaries: Creating Linkages. Non-Central Governments and Multilayered Policy Environments // *WeltTrends*. 1996. No. 1. P. 36—51.
17. Hocking B. Localizing Foreign Policy: Non-Central Governments and Multilayered Diplomacy. London : Palgrave Macmillan UK, 1993. 249 p.
18. Kincaid J. Constituent Diplomacy in Federal Politics and the Nation-state: Conflict and Cooperation // *Federalism and International Relations: the role of subnational units*. H. Michelmann M., Soldatos P. (eds.). Oxford : Oxford University Press, 1990. P. 54—75.
19. Kuznetsov A. Theory and Practice of Paradiplomacy: Subnational Governments in International Affairs. New York : Routledge, 2015. 174 p.

20. Matejova M. Russian «Chechenization» and the prospects for a lasting peace in Chechnya // *International Journal on World Peace*. 2013. Vol. 30, No. 2. P. 9—34.

21. Raš M. Dynamics of international activity of sub-state regions // *Vestnik of Saint Petersburg University. International Relations*. 2021. Vol. 14, No. 1. P. 71—81.

22. Rosenau J. N. *Turbulence in World Politics: A Theory of Change and Continuity*. Princeton : Princeton univ. press, 1990. 480 p.

23. Russell J. Kadyrov's Chechnya — Template, Test or Trouble for Russia's Regional Policy? // *Europe-Asia Studies*. 2011. Vol. 63, No. 3. P. 509—528.

24. Seawright J., Gerring J. Case Selection Techniques in Case Study Research: A Menu of Qualitative and Quantitative Options // *Political Research Quarterly*. 2008. Vol. 61. P. 294—308.

25. Tavares R. *Paradiplomacy: Citis and States as Global Players*. New York : Oxford University Press, 2016. 272 p.

26. Zabyelina Y. «Buying peace» in Chechnya: Challenges of Post-Conflict Reconstruction in the public sector // *Journal of Peacebuilding & Development*. 2013. Vol. 8, No. 3. P. 37—49.

References

1. Budanova E. (2017) *Mezhdunarodnaja zhizn'*, no. 9, pp.117—130 [in Rus].

2. Kushhabiev A.V. (2020) Kabardino-Balkarija i Gruzino-abkhazskaja vojna 1992—1993 gg. [Kabardino-Balkaria and the Georgian-Abkhaz War of 1992—1993]. Nal'chik, Izdatel'stvo KBNC RAN, 288 p. [in Rus].

3. Manukjan G.A. (2018) *Vestnik KGU*, no. 2, pp. 289—294 [in Rus].

4. Mukhametov R.S. (2020) *Vestnik MGIMO-Universiteta*, no. 6, pp. 153—174 [in Rus].

5. Nasyrov I.R. (2006) *Zhurnal rossijskogo prava*, no. 2, pp. 107—130 [in Rus].

6. Tagiev Z.Je. (2011) *Transportnoe delo Rossii*, no. 12, pp. 92—95 [in Rus].

7. Jakovleva N.V., Levkin I.M. (2014) *Upravlencheskoe konsul'tirovanie*, no. 4, pp. 14—22 [in Rus].

8. Aldecoa F. (2013) *Towards Plurinational Diplomacy in the Deeper and Wider European Union (1985-2005) // Paradiplomacy In Action. The Foreign Relations of Subnational Governments*. London, Routledge, pp. 82—94 [in Eng].

9. Bennett A. (2012) *Case Study Methods: Design, Use, and Comparative Advantages*. Available at: <https://minorthesis.files.wordpress.com/2012/12/andrew-bennet-case-study.pdf>, accessed 24.12.2021 [in Eng].

10. Duchacek I. (1984) *Publius-the Journal of Federalism*, vol. 14, no. 4, pp. 5—31 [in Eng].

11. Duran M. (2011) *French Politics*, vol. 9, no. 4, pp.339—363 [in Eng].

12. Galtung J. (1967) *Theories of peace. A Synthetic Approach to Peace Thinking*. Oslo, International Peace Research Institute, 258 p. [in Eng].

13. Gerring J. (2006) *International Sociology*, vol. 21, no. 5, pp. 707—734 [in Eng].

14. Gerring J. (2004) *American Political Science Review*, vol. 98, pp. 341—354 [in Eng].

15. Gilligan E. (2015) *Current History*, vol. 114, no. 774, pp. 266—271 [in Eng].

16. Hocking B. (1996) *WeltTrends*, no. 1, pp. 36—51 [in Eng].

17. Hocking B. (1993) *Localizing Foreign Policy: Non-Central Governments and Multilayered Diplomacy*. London, Palgrave Macmillan, 249 p. [in Eng].

18. Kincaid J. (1990) *Constituent Diplomacy in Federal Polities and the Nation-state: Conflict and Cooperation // Federalism and International Relations: the role of subnational units*. Oxford, Oxford University Press. pp. 54—75 [in Eng].

19. Kuznetsov A. (2015) *Theory and Practice of Paradiplomacy: Subnational Governments in International Affairs*. New York, Routledge, 174 p. [in Eng].

20. Matejova M. (2013) *International Journal on World Peace*, vol. 30, no. 2, pp. 9—34 [in Eng].

21. Raš M. (2021) *Vestnik of Saint Petersburg University. International Relations*, vol. 14, no. 1, pp. 71—81 [in Eng].

22. Rosenau J.N. (1990) *Turbulence in World Politics: A Theory of Change and Continuity*. Princeton: Princeton univ. press, 480 p. [in Eng].

23. Russell J. (2011) *Europe-Asia Studies*, vol. 63, no. 3, pp. 509—528 [in Eng].

24. Seawright J., Gerring J. (2008) *Political Research Quarterly*, vol. 61, pp. 294—308 [in Eng].

25. Tavares R. (2016) *Paradiplomacy: Citis and States as Global Players*. New York, Oxford University Press, 272 p. [in Eng].

26. Zabyelina Y. (2013) *Journal of Peacebuilding & Development*, vol. 8, no. 3, pp. 37—49 [in Eng].

For citing: Mukhametov R.S. Paradiplomacy of Russian regions: features and limitations (as illustrated by the Sverdlovsk region) // *Socium i vlast'*. 2022. № 1 (91). P. 26—36.
DOI: 10.22394/1996-0522-2022-1-26-36.

UDC 327.364

DOI: 10.22394/1996-0522-2022-1-26-36

PARADIPLMACY OF RUSSIAN REGIONS: FEATURES AND LIMITATIONS (as illustrated by the Sverdlovsk region)

Ruslan S. Mukhametov,

Ural Federal University,
Department of Political Science and Sociology,
Associate Professor of the Department
of Political Science,
Cand. Sc. (Political sciences).
Yekaterinburg, Russia
E-mail: muhametov.ru@mail.ru

Abstract

Introduction. For three decades, the subjects of the Russian Federation have been participants in international relations, establishing international, foreign economic, cross-border cooperation with foreign partners. What are the opportunities and limitations of the international activities of the Russian regions? Have they transformed during this period? If so, in which direction and what was the reason for this? The purpose of this article is to find answers to these questions.

Methodology. The conceptual basis of this study is the concept of paradiplomacy. The methodological basis of the study was the approach of Manuel Duran. The researcher suggests studying four aspects relevant to the study of the role of subnational government (powers, capabilities, abilities and presence).

Methods. From the view point of the research design, the article is a case study, because it is based on the method of studying specific cases (case-study). The Sverdlovsk region was chosen as the object of the research.

Results. Summarizing the results of the analysis of the Sverdlovsk region's paradiplomacy, the author comes to the conclusion that Russian regions enter into international / foreign economic agreements, but only with the subjects of foreign federal states, administrative-territorial entities of foreign states. Secondly, the subjects of the Russian Federation take part in the work of international organizations, but only with those created specifically for these purposes. Thirdly, the regions also communicate with foreign states authorities, but only with the consent of the Government of the Russian Federation. Fourthly, the subjects of the Russian Federation open their representative offices outside the country, but in agreement with the Russian Foreign Ministry. Finally, the authorities of the constituent entities of the Russian Federation create institutions of paradiplomacy, which is expressed in the activities of regional ministries whose task is to assist in the developing international cooperation.

Conclusions. The author outlines possibilities and limitations of paradiplomacy at the legislative level. Informally, the heads of the constituent entities of the Russian Federation should be guided by the foreign policy line formulated by the head of the state. On a number of foreign policy events, certain Russian governors can take a firmer position than the federal center.

Keywords:
paradiplomacy,
international cooperation,
foreign economic activity,
subjects of the Russian Federation,
Sverdlovsk region

Для цитирования: Кирчанов М. В.
Иранская монархическая эмиграция
как критик политического режима
Исламской Республики Иран //
Социум и власть. 2022. № 1 (91). С. 37—46.
DOI 10.22394/1996-0522-2022-1-37-46.

УДК 323.1(55) + 317.7

DOI 10.22394/1996-0522-2022-1-37-46

ИРАНСКАЯ МОНАРХИЧЕСКАЯ ЭМИГРАЦИЯ КАК КРИТИК ПОЛИТИЧЕСКОГО РЕЖИМА ИСЛАМСКОЙ РЕСПУБЛИКИ ИРАН

Кирчанов Максим Валерьевич,
Воронежский государственный университет,
факультет международных отношений,
доцент кафедры регионоведения
и экономики зарубежных стран,
доцент кафедры истории зарубежных стран и
востоковедения
доктор исторических наук.
Воронеж, Россия.
E-mail: maksymkirchanoff@gmail.com

Аннотация

Введение. Автор анализирует особенности идеологического противостояния и конфликта между иранскими эмигрантскими сообществами и политическими элитами Исламской Республики Иран. Позиция иранской эмиграции анализируется в контекстах активности представителей династии Пехлеви.

Цель. Целью статьи является анализ идеологического противостояния двух проектов иранской политической идентичности в контекстах критики клерикального режима Ирана представителями иранской политической эмиграции из династии Пехлеви.

Методы. Автор использует методы изучения интеллектуальных сообществ, применяя принцип историзма и сравнительного подхода, позволяющие выявить и систематизировать основные особенности процесса идеологического противостояния между элитами ИРИ и их критиками из иранской политической монархической эмиграции.

Научная новизна. Представлена интерпретация идеологического противостояния между клерикальным политическим режимом Ирана и его критиками из сообществ монархической эмиграции как состояния дистанционного или отложенного конфликта; идеологическая полемика анализируется не как конфликт общества и власти, а двух версий политической власти; показано, режим ИРИ реально контролирует политический дискурс в стране, а его монархические оппоненты в изгнании приписывают себе символическую легитимность и преемственность с традицией иранской государственности.

Результаты. Проанализированы основные направления и особенности критики современного режима Исламской Республики Иран иранскими политическими эмигрантами монархической ориентации; показаны особенности их политической идеологии; представлен прогноз развития политической активности иранской эмиграции.

Выводы. 1) Монархическая иранская эмиграция является одним из центров притяжения для эмигрантов из Ирана в Западной Европе и в Северной Америке; 2) идеологи и теоретики монархической эмиграции являются последовательными критиками того политического режима, который установлен в Иране в 1979 году; 3) центральное место в идеологии иранской эмиграции занимает критика клерикального, антисветского и недемократического режима Тегерана, его обвинения в нарушении прав и свобод человека; 4) политическим идеалом эмиграции является светский и демократический Иран, где уважаются права и свободы, а религиозные меньшинства обладают равными правами с шиитским иранским большинством.

Ключевые слова:

иранская эмиграция,
династия Пехлеви,
критика клерикализма,
конфликт элит,
символическая легитимность,
дистанционный (отложенный) конфликт элит,
Конституционная партия Ирана —
Либеральные демократы (Hezb-e mašrute Irān —
liberāl demokrāt)

В 1979 г. в Иране в результате Исламской Революции, ставшей следствием глубокого политического кризиса и попыток радикальной модернизации [10], от власти был отстранен шах Мухаммед Реза Пехлеви — второй представитель династии, правившей Ираном с 1925 г. — который был вынужден бежать из страны [18]. Помимо бывшего главы государства Иран покинули его родственники и сторонники [4], которые сформировали ядро политической эмиграции [19], центры которой сложились в США [7; 11] и Европе [12] Мухаммед Реза Пехлеви скончался в эмиграции в 1980 г. В 1980 г. в Каире (Египет) торжественную присягу в качестве главы дома Пехлеви принял Реза Кир Пехлеви, который, по мнению монархистов, является законным и легитимным правителем Ирана, воспринимаемого ими как Шаханшахское Государство Иран. В свою очередь, легитимность как самой династии Пехлеви до 1979 г., так и политические заявления ее представителей в эмиграции, возможные претензии на власть и оспаривание легитимности режима, существующего в ИРИ после победы Исламской Революции, официальным Тегераном не признаются и отвергаются.

Цель и задачи. Целью представленной статьи является анализ идеологического противостояния двух проектов иранской политической идентичности в контекстах критики клерикального режима Ирана представителями иранской политической эмиграции из династии Пехлеви. Первый проект иранской государственности и связанной с ним проектом иранской идентичности представлен современным политическим режимом Исламской Республики Иран. Этот проект фактически контролирует как политический, так и идеологический дискурс в стране, будучи признанным (за исключением нескольких государств) на международном уровне. Второй проект является альтернативным, распространенным в среде представителей иранской политической эмиграции, будучи ограниченным ее монархическим крылом. Представители династии Пехлеви на международном уровне не воспринимаются в качестве легитимной власти. Таковыми их считают только монархисты. Исходя из этой типологии современного иранского политического проекта, задачами статьи являются: 1) анализ критики политического режима ИРИ в той версии, в которой она представлена в современном монархическом дискурсе; 2) изучение особенностей восприятия ИРИ в категориях авторитарности и архаичности в идеоло-

гии современного иранского монархизма; 3) анализ перспектив развития иранского монархического проекта как формы политической идентичности, влияние которой ограничено определенными группами современной иранской эмиграции.

Методы. С точки зрения методологии гуманитарных исследований, данная статья позиционируется как междисциплинарная. Автор использует методы изучения интеллектуальных сообществ, применяя принцип историзма и сравнительного подхода, позволяющие выявить и систематизировать основные особенности процесса идеологического противостояния между элитами ИРИ и их критиками из иранской политической монархической эмиграции. В рамках такой методологической системы координат основные идеи монархистов, центральные положения их концепций могут быть определены как гранд-нарративы или изобретенные традиции — концепты, вокруг которых в монархической среде сложилось их консенсусное восприятие как наиболее верно, глубоко и адекватно описывающих те политические, исторические и культурные реалии, которые привлекают внимание со стороны идеологов иранского монархизма и в большей или меньшей степени формируют уникальный монархический дискурс в современной политической идеологии иранской эмиграции.

Иранская монархическая эмиграция: предварительные ориентации. Современная иранская диаспора в Западной Европе и США принадлежит к числу влиятельных сообществ [1], деятельность которых разнообразна, варьируясь от политической активности [5] до сохранения традиций, языка и культуры [6], формирующих основу иранской идентичности в ее диаспорной версии [17]. В среде иранской эмиграции существует и действует несколько монархических групп. Одной из первых монархических групп в эмиграции стала организация «Azadegan», основателем и лидером которой был генерал Бахрам Арьяна. Конституционная партия Ирана — Либеральные демократы (Hezb-e mašrute Irān — liberāl demokrāt) действует с 1994 г. в США. Монархическая ассамблея Ирана (Anjoman-e pādšāhi-ye Irān) представляет собой одну из монархических групп радикальной направленности. Регулярное появление политических объединений монархистов в эмиграции свидетельствует не только об их значительной активности, но и актуализирует способности иранских сообществ сохранять и воспроизводить идентичность [2; 16]. Центральной

фигурой, вокруг которой консолидируется большинство монархистов, является Реза Кир Пехлеви [8], который с 1984 г. проживает в США, где ведет политическую деятельность преимущественно среди иранских эмигрантов. С 2013 по 2017 г. Реза Кир Пехлеви возглавлял Национальную Ассамблею Ирана — координационный орган иранских политических эмигрантов. Кроме этого Реза Кир Пехлеви координирует деятельность эмигрантов в сфере подачи исков в международные суды с целью привлечь внимание международного сообщества к проблемам нарушения прав человека в Иране. В целом деятельность этих групп ограничена критикой современного иранского режима, идеологическое и политическое наполнение которой осуществляется интеллектуалами и политическими активистами монархической ориентации, основные положения которой будут проанализированы в последующих разделах статьи.

Основные положения монархического дискурса в иранской эмиграции. Конституционная партия Ирана — Либеральные демократы воспринимает современный политический режим ИРИ крайне негативно. По мнению представителей монархической эмиграции, партия была создана для «освобождения родины от религиозного фашизма, для установления национальной, народной и прогрессивной системы либеральной демократии», под которой монархистами понимается режим, воспроизводящий в Иране как реальное разделение властей и отделение религии от государства, так и защиту прав и свобод человека. Именно таким, т. е. демократическим, по их мнению, должно быть «новое иранское общество»¹ после процессов демократизации. Монархисты в своей критике современного режима настаивают на том, что он не только не является демократическим, но и приписывают ему проведение сегрегационной политики с целью сознательной фрагментации общества, чтобы оно не могло противостоять клерикальному режиму.

Поэтому вместо шиизма, который, как полагают монархисты, фрагментирует общество, разделяя его на фундаменталистов и сторонников секулярной модели, основой консолидации иранской светской государственности должно стать понимание того, что иранцы — это не только шииты или атеисты, но «наследники общей и славной истории и культуры». И история, и культура Ирана, как полагают некоторые монархисты,

на современном этапе развития в большей степени заметна не в официальной идеологии ИРИ, но в принципах, представленных «иранским национализмом, либертарианством, прогрессизмом и социальной справедливостью». Кроме этого предполагается, что в демократическом Иране основными политическими мотивами должны стать «независимость и целостность, национальное единство, верховенство народа и права человека». В этом контексте в современной политической критике исламизма со стороны монархистов заметен континуитет с идеями этнического иранского национализма, который был среди доминирующих факторов до 1979 г., но после революции подвергся маргинализации и вытеснению на периферию политической жизни в ИРИ, описываемой монархистами как «антииранский и антинародный режим»².

В целом, идеологическая программа Конституционной партии Ирана — Либеральных демократов на современном этапе чрезвычайно гетерогенна, актуализируя ценности национализма, либерализма, умеренного консерватизма и социальной демагогии [15]. Предполагается, что только конституционная монархия является «лучшим и наиболее подходящим режимом и формой правления для Ирана». Национализм, в свою очередь, в политической идеологии современного иранского монархизма определяется как «проявление воли нации сохранять свои права и самобытность, твердо противостоять посягательствам других и защищать национальные интересы» в то время как либерализм редуцируется до намерения «поставить права человека в центр политической мысли»³. И национализм, и либерализм, как полагают сторонники монархизма, могут быть институционализированы в Иране только в результате транзита — перехода к демократии — который предусматривает как политические, так и экономические реформы, нацеленные на последовательное сокращение государственного участия и развитие рыночных институтов, основанных на принципах свободной конкуренции.

Особое место в современном монархическом дискурсе Ирана занимают идеи прав и свобод человека. По мнению монархистов «полное равенство между мужчинами и женщинами» должно стать нормой в новом Иране после проведения демократизации. Что

¹ Manšur. Hezb-e mašrute Irān (Устав. Конституционная партия Ирана). URL: <https://iranpci.net/615>.

² Manšur. Hezb-e mašrute Irān (Устав. Конституционная партия Ирана). URL: <https://iranpci.net/615>.

³ Manšur. Hezb-e mašrute Irān (Устав. Конституционная партия Ирана). URL: <https://iranpci.net/615>.

касается позиции ИРИ в отношении прав женщин, монархисты считают проводимую политику недемократической, указывая на то, что «юридическое и культурное давление на иранских женщин стало настолько продолжительным и тяжелым»¹, что дискриминационные нормы как в одежде, так и в доступе к образованию и государственной службе, а также принудительный брак, полигамия, ограничение общения с детьми, запрет на профессии, которые, по мнению монархистов, формируют основу политики исламистов в отношении женщин, должны быть ликвидированы,

Таким образом, современный иранский монархизм исходит из убежденности в том, что «демократия и права человека взаимосвязаны»², а сами понятия «демократия» и «права человека» отдельно друг от друга не имеют смысла. В целом общая политическая программа современного иранского монархизма имеет синтетический характер, актуализируя ценности и идеи, заимствованные из национализма и либерализма, позиционируя конституционную монархию, с одной стороны, и рыночную экономику, с другой, как основы идеальной политической модели развития Ирана в случае демократизации.

Исламская Республика Иран как универсальный Другой в политической идеологии монархизма. Значительное место в политической программе иранского национализма занимает критика политики Тегерана на современном этапе. Исламская Республика Иран критикуется в контекстах проводимой ей внутренней и внешней политики. В целом, политический режим ИРИ описывается в политическом языке эмиграции как авторитарный, клерикальный и недемократический.

Монархисты настаивают на том, что приверженность «деконструктивного политического режима»³ ценностям ислама привела к

¹ Hoquq-e zanān-o kudakān. Peyvast be maṣṣur-e hezb-e maṣṣrute Irān. Mosavvabe kongereye sevvom-e , 21-o 22 novāmbre 1379 (Права женщин и детей. Приложение к Хартии Конституционной партии Ирана : постановление Третьего съезда от 21 и 22 ноября 2000 г.). URL: <https://iranpci.net/586>.

² Adam-e tamarkoz-o hoquq-e aqvām-o mazāheb-e Irān. Peyvast be maṣṣur-e hezb-e maṣṣrute Irān. Mosavvabe kongereye ranjom-e (Децентрализация и права этнических групп и религий Ирана. Дополнение к Хартии Конституционной партии Ирана. Утверждено Пятым съездом). URL: <https://iranpci.net/627>.

³ Poštibāni az harekat-e e'terāzi-ye mardom-e Esfahān-o Cāhārmahāl-o Vaxtiyāri (Поддержка протестного движения жителей Исфахана, Чахармахала и Бахтиари). URL: <https://iranpci.net/2576/2576>.

последовательному отказу от защиты национальных интересов, что превратило Иран в «разрушительное» государство, которое, по мнению сторонников монархической эмиграции, не в состоянии развиваться, так как его элиты проводят неправильную политику — от функционирования политических институтов и неправильной экономической стратегии до неспособности распределять земельные и водные ресурсы на региональном уровне⁴. Если в вину ИРИ в политической сфере ставят авторитаризм, то в экономической политике — неспособность развиваться и сознательное удержание жителей в состоянии бедности для их более удобного контроля и политического манипулирования ими⁵.

По мнению идеологов монархизма, «Исламская Республика является позором всей истории Ирана, храня молчание о потере Ираном прав на Каспийское море, утрате иранского влияния в Ливане, Ираке, Сирии и Йемене, враждя с израильским правительством»⁶. В обсуждении современной внешней политики особое внимание уделяется критике внешней политики Ирана в контекстах его сближения с Китаем. Иранские монархисты настаивают на том, что ИРИ и КНР представляют собой авторитарные и недемократические режимы. Особой критике со стороны монархистов подвергается идея заключения 25-летнего Соглашения между двумя странами, которое определяется как «предательское» и «позорное». Сама идея сближения для монархистов кажется не только опасной, но и противоестественной, вытекающей исключительно из «предательской политики» исламистов, которые, по мнению монархистов, поступились национальными интересами Ирана. Критикуя сближение ИРИ и КНР, монархисты указывают на непоследовательность внешней политики исламистов, которые «не помогают палестинским мусульманам, в бреду назначая день и время уничтожения израильского государства, не понимая, что миллионы мусульман в Китае приговорены к постепенной смерти в трудовых лагерях и репрессивное пекинское правительство относилось к уйгурскому народу

⁴ Sarkub-e mardom-e Esfahān-o Šahrekord rā mahkum mi (Мы осуждаем репрессии против жителей Исфахана и Шахрекорда). URL: <https://iranpci.net/2599/2599>.

⁵ Xāst-e behaqq-e farhangiyān (Право деятелей культуры). URL: <https://iranpci.net/2613>.

⁶ Dar mahkumiyat-e qarārdād 25 sāle bā Cin-o e'lām-e adam-e pazireš-e ān az suy-ye mellat-e bozorg-e Irān (Осуждение 25-летнего соглашения с Китаем и заявление о его неприятии великой нацией Ирана). URL: <https://iranpci.net/2714>.

так же, как нацистский режим относился к евреям Европы»¹.

Таким образом, в политической доктрине современного иранского монархизма формируется негативный образ Китая как универсального Другого. Примечательно и то, что конструируя образы инаковости КНР, иранские монархисты одновременно актуализируют ее политическую и идеологическую чуждость, апеллируя, вместе с тем, и к чувствам солидарности мусульман, что для современного иранского монархизма характерно в значительно меньшей степени, принимая во внимание их последовательную критику клерикального режима ИРИ.

Политический транзит как основа демократизации в программе иранских монархистов. В современной доктрине иранского эмиграционного монархизма особое внимание уделяется процессам демократического транзита. Монархистами предполагается, что «основы будущей демократической политической системы Ирана должны быть заложены уже на следующий день после свержения режима Исламской Республики»², основываясь на равноправии граждан Ирана и отсутствии политической, гендерной и религиозной дискриминации³. Монархисты настаивают, что ни проведение реформ самими исламистами, ни внесение поправок в Конституцию ИРИ не могут восприниматься как форма демократизации.

В этой ситуации примечательно и то, что монархисты в механизме демократизации не прописывают процедуру люстрации, полагая, что к участию в демократических электоральных процедурах и к занятию должностей могут быть допущены и бывшие сторонники Исламской Республики. Согласно точки зрения монархистов, механизм демократических реформ должен обязательно предусматривать международное присутст-

вие под эгидой ООН. Монархисты считают необходимым проведение референдума о политическом устройстве будущего демократического Ирана. При этом монархисты не настаивают, что новый Иран должен обязательно стать Конституционной монархией. Что касается Конституции, то предполагается, что она также должна была быть принята в результате работы Учредительного собрания. Процесс демократизации, по мнению монархистов, предусматривает предварительное урегулирование вопросов, связанных с правами человека, их соблюдением, определением полномочий правительства и судебной власти⁴.

В рамках транзита от авторитаризма к демократии монархисты планируют использовать исторический и политический опыт европейских государств, которые этот процесс пережили в 1980—1990-е гг. В частности, особо важным признается опыт Испании, которая перешла к демократии под эгидой монархии. Вероятно, именно под испанским влиянием в иранском монархическом дискурсе возникла идея, что «Иран останется единым, и иранский народ будет жить по одному закону, но Иран не будет управляться из единого центра»⁵. Монархисты полагают, что Иран может использовать испанский опыт региональных реформ без формальной федерализации. Именно поэтому монархисты подчеркивают, что этнические группы в демократическом Иране должны быть подвергнуты децентрализации — «разделению полномочий между центральным правительством и местными органами власти, что необходимо для большей эффективности демократии», что позволит сохранить «национальное единство в свободном и гармоничном обществе с демократической и децентрализованной системой для обеспечения лучшего уровня жизни для всех иранцев при использовании огромного экономического и культурного потенциала»⁶.

⁴ Farāyand-e ta'yin-e nezām-e siyāsi-ye āyandeye Irān. Peyvast be manšur-e hezb-e mašrute Irān. Mosavvabe-ye kongereye ranjom-e (Процесс определения будущей политической системы Ирана. Прилагается к Уставу Конституционной партии Ирана. Утверждено Пятым съездом). URL: <https://iranpci.net/618>.

⁵ Adam-e tamarkoz-o hoquq-e aqvām-o mazāheb-e Irān. Peyvast be manšur-e hezb-e mašrute Irān. Mosavvabe-ye kongere-ye ranjom-e (Децентрализация и права этнических групп и религий Ирана. Дополнение к Хартии Конституционной партии Ирана. Утверждено Пятым съездом). URL: <https://iranpci.net/627>.

⁶ Adam-e tamarkoz-o hoquq-e aqvām-o mazāheb-e Irān. Peyvast be manšur-e hezb-e mašrute Irān.

¹ Dar mahkumiyat-e qarārdād 25 sāle bā Cin-o e'lām-e adam-e pazireš-e ān az suy-ye mellat-e bozorg-e Irān (Осуждение 25-летнего соглашения с Китаем и заявление о его неприятии великой нацией Ирана). URL: <https://iranpci.net/2714>.

² Farāyand-e ta'yin-e nezām-e siyāsi-ye āyandeye Irān. Peyvast be manšur-e hezb-e mašrute Irān. Mosavvabe-ye kongereye ranjom-e (Процесс определения будущей политической системы Ирана. Прилагается к Уставу Конституционной партии Ирана. Утверждено Пятым съездом). URL: <https://iranpci.net/618>.

³ Adam-e tamarkoz-o hoquq-e aqvām-o mazāheb-e Irān. Peyvast be manšur-e hezb-e mašrute Irān. Mosavvabe-ye kongere-ye ranjom-e (Децентрализация и права этнических групп и религий Ирана. Дополнение к Хартии Конституционной партии Ирана. Утверждено Пятым съездом). URL: <https://iranpci.net/627>.

В целом, процесс перехода от авторитаризма к демократии в политической программе иранского современного монархизма сложился под явным влиянием западной транзитологии, предусматривая как проведение выборов и референдумов, так и полную замену органов государственной власти при условии проведения региональной реформы, в основе которой планируется положить модель децентрализации, ранее реализованную в Испании.

Национализм в политической идеологии иранского монархизма. Современный иранский монархизм основан на развитии идей национализма. Известно, что после Исламской революции в Иране два политических принципа — национализм [20] и конституционализм [13] — наиболее последовательно подвергались критике, что привело к их демонизации в историографии, где национализм и конституционализм стали проявлениями неправильности модернизационной политики Каджаров [3] и Пехлеви [9]. Современные монархисты в эмиграции воспринимают два эти принципа иначе, полагая, что именно «конституционализм и национализм переплетаются с дискурсом современности в Иране, потому что национализм может быть реализован только в либеральной демократии»¹.

Иранские монархисты склонны воспринимать национализм с точки зрения практикующих политиков, абсолютизируя его универсальность и подчеркивая то, что именно он «выражает связь нации со страной, историей, культурой и отражает волю нации к сохранению независимости и целостности страны, историко-культурной памяти и защите национального суверенитета». В аналогичных категориях монархисты воспринимают иранцев как нацию, полагая, что нация в политическом плане, с одной стороны, и в культурном измерении, с другой, означает «сосуществование людей в общем географическом, историческом и культурном контексте, которые связаны с правовой составляющей государства, структуру и содержание которого составляет принцип

Mosavvabe-ye kongere-ye panjom-e (Децентрализация и права этнических групп и религий Ирана. Дополнение к Хартии Конституционной партии Ирана. Утверждено Пятым съездом). URL: <https://iranpci.net/627>.

¹ Nāsiyōnālism. Sanad-e peyvast be manšur-e hezb-e mašrute Irān (liberāldemokrāt). Mosavvabe-ye kongere-ye davāzdahom-e, 24-o 25 šahrivar-e 1397 (Национализм. Документ, приложенный к Уставу Конституционной партии Ирана — Либеральных демократов, одобренному XII съездом 15 и 16 сентября 2016 г.). URL: <https://iranpci.net/629>.

суверенитета народа, основанного на конституции, вытекающей из всеобщих прав человека». Такое восприятие нации иранскими монархистами двойственно: с одной стороны, нация для них — внеисторическая категория, а, с другой, она может описываться ими как политическая категория, т. е. гражданская нация, включающая «этническое, языковое и религиозное разнообразие»². В этом контексте иранская гражданская нация, по версии монархистов, «состоит из различных этнических групп и религий, которые жили вместе на протяжении тысячелетий и поддерживали Иран как свою национальную территорию»³.

Вместе с тем, восприятие нации в современном иранском монархизме не лишено влияния со стороны современных политических и идеологических трендов, что позволяет монархистам указывать на разнообразие как на системную характеристику иранской политической нации [14]. По мнению монархистов, «разнообразие является источником нашего самосознания, культурной памяти и принадлежности. Его защита требует развития и изучения особенностей иранских национальностей, религий, языков и обычаев на основе политики децентрализации»⁴. Подобный тип современного национализма монархистами определяется как «инклюзивный», что свидетельствует о решимости монархистов трансплантировать модель гражданской нации в иранские политические реалии.

Современные монархисты в своих попытках конструирования нации оперируют одновременно модернистским и примордиалистским подходами. Если первый проявляется в признании неизбежности нации как политической категории, то второй от-

² Nāsiyōnālism. Sanad-e peyvast be manšur-e hezb-e mašrute Irān (liberāldemokrāt). Mosavvabe-ye kongere-ye davāzdahom-e, 24-o 25 šahrivar-e 1397 (Национализм. Документ, приложенный к Уставу Конституционной партии Ирана — Либеральных демократов, одобренному XII съездом 15 и 16 сентября 2016 г.). URL: <https://iranpci.net/629>.

³ Adam-e tamarkoz-o hoquq-e aqvām-o mazāheb-e Irān. Peyvast be manšur-e hezb-e mašrute Irān. Mosavvabe-ye kongere-ye panjom-e (Децентрализация и права этнических групп и религий Ирана. Дополнение к Хартии Конституционной партии Ирана. Утверждено Пятым съездом). URL: <https://iranpci.net/627>.

⁴ Nāsiyōnālism. Sanad-e peyvast be manšur-e hezb-e mašrute Irān (liberāldemokrāt). Mosavvabe-ye kongere-ye davāzdahom-e, 24-o 25 šahrivar-e 1397 (Национализм. Документ, приложенный к Уставу Конституционной партии Ирана — Либеральных демократов, одобренному XII съездом 15 и 16 сентября 2016 г.). URL: <https://iranpci.net/629>.

ражен в попытках интерпретировать нацию как продукт «националистического воображения» и «изобретения традиций»¹. В качестве примера именно подобного подхода к институционализации нации монархистами позиционируется культура как основа идентичности, создаваемая и воспроизводимая именно через «воображение» и «изобретение», что в принципе нормально для интеллектуалов монархической ориентации, если принимать во внимание влияние на них со стороны иранской модернистской историографии национализма, основным методологическим языком которой является модернизм.

Выводы. Подводя итоги статьи, следует принимать во внимание ряд факторов, которые существенно влияют на развитие монархической идеологии в среде современной иранской политической эмиграции, определяя как ее системные особенности и характеристики, так и формируя потенциальные векторы и траектории ее развития и дальнейших идеологических трансформаций.

Монархическое течение в рамках современной иранской политической эмиграции является одним из организационных и структурных, а также культурных и интеллектуальных сегментов политической эмиграции из Исламской Республики Иран в государствах Европы и Северной Америки. Теоретики и идеологи современного иранского монархизма и политический режим ИРИ находятся в состоянии затяжного конфликта, характер которого может быть определен как «дистанционный» и «отложенный». «Дистанционность» конфликтной ситуации, с одной стороны, проявляется в том, что оппоненты режима вынуждены пребывать за пределами Ирана, фактически будучи лишены возможности въезда на территорию страны, где им угрожает преследование по политическим мотивам.

Известно, что в отношении как династии Пехлеви в период ее пребывания у власти, так в отношении ее отдельных представителей в эмиграции официальные лица Исламской Республики применяют самую жесткую риторику. «Отложенность» конфликта между эмигрантами и Тегераном, с другой стороны, состоит в том, что ни монархическая эмиграция, ни режим не в состоянии избавиться друг от друга — эмигранты, связанные с

династией Пехлеви, умирают, а их дети ассимилируются, интегрируясь в европейские и американские общества, а официальный Тегеран не склонен проводить радикальные реформы.

Поэтому, позиции монархической эмиграции и Тегерана являются несовместимыми и взаимоисключающими, а вопросы о последующем развитии Ирана остаются открытыми, так как правящие иранские элиты рано или поздно будут вынуждены провести реформы. Иранская эмиграция, в том числе и ее монархическое течение, имеет свое видение возможных реформ, основанное на радикальном демонтаже авторитарного клерикального режима и проведении масштабных преобразований, которые предусматривают как демократизацию, восстановление прав и свобод граждан, возобновление возможности легального функционирования политических партий, так и секуляризацию и деклерикализацию, предусматривающую отмену религиозных запретов, ограничений и принудительных предписаний, система которых имплементирована в социальные и культурные пространства современного Ирана.

Именно этот гранд-нарратив реформ занимает центральное место в политической мысли современной иранской монархической эмиграции, став фактически ее изобретенной традицией и основой идеологического дискурса. Особенностью развития современного иранского монархизма является то, что теоретики и идеологи монархии стремятся оперативно реагировать на политические и экономические процессы в ИРИ, выступая в качестве последовательных оппонентов и критиков режима. Основой их программы является именно монархизм, использующий модифицированную идеологию Ирана до 1979 г., что делает монархистов крайне нежелательными в гипотетическом диалоге между элитами ИРИ и эмигрантами. Начало такого взаимодействия представляется маловероятным, так как стороны склонны формировать взаимные представления друг о друге в рамках демонизации своих политических оппонентов. Именно поэтому не представляется возможным исключать дальнейшее углубление конфликта между политическим режимом ИРИ и иранской эмиграцией, в том числе — и ее монархическими группами.

Принимая во внимание последовательную позицию официального Тегерана, которая, начиная с 1979 г., основана на решительном отрицании наследия Пехлеви и неприятию проявлений политической, культурной и идеологической оппозиции

¹ Nāsiyōnālism. Sanad-e peyvast be maṣṣūr-e hezbe maṣṣrute Irān (liberāldemokrāt). Mosavvabe-ye kongere-ye davāzdahom-e, 24-o 25 šahrivar-e 1397 (Национализм. Документ, приложенный к Уставу Конституционной партии Ирана — Либеральных демократов, одобренному XII съездом 15 и 16 сентября 2016 г.). URL: <https://iranpci.net/629>.

иранских интеллектуалов, в том числе эмигрантов, ситуация конфликта, вероятно, будет углубляться, что приведет к дальнейшей радикализации позиций сторон в направлении последовательного неприятия друг друга, что найдет свое отражение как в конструировании негативного образа ИРИ, так и в последовательном продвижении альтернативных клерикализму идей монархической эмиграции.

Статья поступила в редакцию 05.02.2022

1. Aidani M. Welcoming the Stranger: Narratives of Identity and Belonging in an Iranian Diaspora. Urbana — Champaign : Common Ground Publishing, 2010. 102 p.
2. Aslinia Sh. Iranian Immigrants in the United States: History, Migration Trends, Language, and Cultural Maintenance among Second Generation Iranian Immigrants. Saarbrücken : VDM Verlag, 2008. 64 p.
3. Constructing Nationalism in Iran: From the Qajars to the Islamic Republic / ed. M. Litvak. London ; New York : Routledge, 2017. 300 p.
4. Cooper A. The Fall of Heaven: The Pahlavis and the Final Days of Imperial Iran. London ; New York : Picador, 2018. 624 p.
5. Gholami R. Secularism and Identity: Non-Islamiosity in the Iranian Diaspora. London ; New York : Routledge, 2016. 243 p.
6. Iranian Diaspora Identities / eds. Z. Shirazi, K. Afary. New York : Hamilton Books, 2020. 206 p.
7. Maghbouleh N. The Limits of Whiteness: Iranian Americans and the Everyday Politics of Race. Stanford : Stanford University Press, 2017. 248 p.
8. Malar Ch., Rodier A. Reza Pahlavi: Le fils du Shah, de l'exil à la reconquête. Paris : Plon, 1986. 268 p.
9. Marashi A. Nationalizing Iran: Culture, Power, and the State, 1870 — 1940. Seattle : University of Washington Press, 2008. 200 p.
10. Mirsepassi A. Iran's Quiet Revolution: The Downfall of the Pahlavi State. Cambridge : Cambridge University Press, 2019. 247 p.
11. Mobasher M. Iranians in Texas: Migration, Politics, and Ethnic Identity. Austin : University of Texas Press, 2012. 211 p.
12. Moghaddari S. Internal Diversity: Iranian Germans Between Local Boundaries and Transnational Capital. London ; New York : Palgrave Macmillan, 2020. 264 p.
13. Rethinking Iranian Nationalism and Modernity / eds. K.S. Aghaie, A. Marashi. Austin : University of Texas Press, 2014. 374 p.
14. Sharifi M. Imagining Iran: The Tragedy of Subaltern Nationalism. Lanham : Lexington Books, 2013. 375 p.
15. Siavoshi S. Liberal Nationalism In Iran: The Failure Of A Movement. London ; New York : Routledge, 2019. 224 p.
16. Spellman K. Religion and Nation: Iranian Local and Transnational Networks in Britain. London ; New York : Berghahn Books, 2004. 248 p.

17. Sullivan Z. Exiled Memories: Stories of Iranian Diaspora. Philadelphia : Temple University Press, 2001. 289 p.

18. Takeyh R. The Last Shah: America, Iran, and the Fall of the Pahlavi Dynasty. Yale : Yale University Press, 2021. 336 p.

19. The Iranian Diaspora: Challenges, Negotiations, and Transformations / ed. M. Mobasher. Austin : University of Texas Press, 2018. 284 p.

20. Zia-Ebrahimi R. The Emergence of Iranian Nationalism: Race and the Politics of Dislocation. New York : Columbia University Press, 2018. 312 p.

References

1. Aidani M. (2010). Welcoming the Stranger: Narratives of Identity and Belonging in an Iranian Diaspora. Urbana — Champaign, Common Ground Publishing, 102 p. [in Eng].
2. Aslinia Sh. (2008). Iranian Immigrants in the United States: History, Migration Trends, Language, and Cultural Maintenance among Second Generation Iranian Immigrants. Saarbrücken, VDM Verlag, 64 p. [in Eng].
3. Litvak M. (2017). ed. Constructing Nationalism in Iran: From the Qajars to the Islamic Republic / ed. London, New York, Routledge, 300 p. [in Eng].
4. Cooper A. (2018). The Fall of Heaven: The Pahlavis and the Final Days of Imperial Iran. London, New York, Picador, 624 p. [in Eng].
5. Gholami R. (2016). Secularism and Identity: Non-Islamiosity in the Iranian Diaspora. London, New York, Routledge, 243 p. [in Eng].
6. Shirazi Z., Afary K. (2020). eds., Iranian Diaspora Identities. New York, Hamilton Books, 206 p. [in Eng].
7. Maghbouleh N. (2017). The Limits of Whiteness: Iranian Americans and the Everyday Politics of Race. Stanford, Stanford University Press, 248 p. [in Eng].
8. Malar Ch., Rodier A. (1986). Reza Pahlavi: Le fils du Shah, de l'exil à la reconquête. Paris, Plon, 268 p. [in Eng].
9. Marashi A. (2008). Nationalizing Iran: Culture, Power, and the State, 1870 — 1940. Seattle, University of Washington Press, 200 p. [in Eng].
10. Mirsepassi A. (2019). Iran's Quiet Revolution: The Downfall of the Pahlavi State. Cambridge, Cambridge University Press, 247 p. [in Eng].
11. Mobasher M. (2012). Iranians in Texas: Migration, Politics, and Ethnic Identity. Austin, University of Texas Press, 211 p. [in Eng].
12. Moghaddari S. (2020). Internal Diversity: Iranian Germans Between Local Boundaries and Transnational Capital. London, New York, Palgrave Macmillan, 264 p. [in Eng].
13. Aghaie K.S., Marashi A. (2014). eds., Rethinking Iranian Nationalism and Modernity. Austin: University of Texas Press, 374 p. [in Eng].
14. Sharifi M. (2013). Imagining Iran: The Tragedy of Subaltern Nationalism. Lanham, Lexington Books, 375 p. [in Eng].
15. Siavoshi S. (2019). Liberal Nationalism In Iran: The Failure Of A Movement. London, New York, Routledge, 224 p. [in Eng].
16. Spellman K. (2004). Religion and Nation: Iranian Local and Transnational Networks in Brit-

ain. London, New York, Berghahn Books, 248 p. [in Eng].

17. Sullivan Z. (2001). *Exiled Memories: Stories of Iranian Diaspora*. Philadelphia, Temple University Press, 289 p. [in Eng].

18. Takeyh R. (2021). *The Last Shah: America, Iran, and the Fall of the Pahlavi Dynasty*. Yale, Yale University Press, 336 p. [in Eng].

19. Mobasher M. (2018). ed., *The Iranian Diaspora: Challenges, Negotiations, and Transformations*. Austin, University of Texas Press, 284 p. [in Eng].

20. Zia-Ebrahimi R. (2018). *The Emergence of Iranian Nationalism: Race and the Politics of Dislocation*. New York, Columbia University Press, 312 p. [in Eng].

For citing: Kyrchanoff M.V. Iranian monarchic emigration as a critic of the political regime of the Islamic republic of Iran // *Socium i vlast'*. 2022. № 1 (91). P. 37—46. DOI: 10.22394/1996-0522-2022-1-37-46.

UDC 323.1(55) + 317.7

DOI: 10.22394/1996-0522-2022-1-37-46

IRANIAN MONARCHIC EMIGRATION AS A CRITIC OF THE POLITICAL REGIME OF THE ISLAMIC REPUBLIC OF IRAN

Maksym V. Kyrchanoff

Voronezh State University,
Faculty of International Relations,
Associate Professor of the Department
of Regional Studies
and Foreign Countries Economies,
Associate Professor of the Department
of History of Foreign Countries and Oriental Studies
Doctor of History. Voronezh, Russia.
E-mail: maksymkyrchanoff@gmail.com

Abstract

Introduction. The author analyzes the features of the ideological confrontation and conflict between Iranian emigrant communities and the political elites of the Islamic Republic of Iran. The position of Iranian emigration is analyzed in the context of the activity of the Pahlavi dynasty representatives.

The purpose of the article is to analyze the ideological confrontation between the two projects of Iranian political identities in contexts of criticism of the clerical regime of Iran by representatives of the Iranian political emigration of Pahlavi dynasty.

Methods. Methodologically, the article is based on the principles of analyzing intellectual communities with the elements of the universal method of historicism and a comparative approach, which make it possible to identify and systematize the main features of the process of ideological confrontation between the Iranian elites and their critics from the Iranian political monarchist emigration.

Scientific novelty of the study. On the one hand, the article analyzes the ideological confrontation between the clerical political regime of Iran and its critics from the communities of monarchic emigration as a state of remote or delayed conflict. On the other hand, the author analyzes this ideological controversy as a conflict not between society and power, but between two versions of political power: if the Iranian regime controls the political discourse in the country in fact, then its monarchist opponents in exile attribute to it symbolic legitimacy and continuity with the tradition of Iranian statehood.

Results. The main directions and features of criticism of the regime of the Islamic Republic of Iran by Iranian political emigrants of a monarchist orientation are analyzed; features of political ideology are shown; the forecast of the development of the political activity of the Iranian emigration is presented.

Conclusions. The author believes that 1) the monarchical Iranian emigration is one of the centers of attraction for emigrants from Iran in Western Europe and North America; 2) the ideologists and theorists of the monarchical emigration are consistent critics of the political regime established in Iran in 1979; 3) criticism of the clerical, anti-secular and undemocratic regime of Tehran, its accusations of violating human rights and freedoms in the centre of the political doctrine of the Iranian emigration; 4) the political ideal of emigration is a secular and democratic Iran, where rights and freedoms are respected, and religious minorities have equal rights with the Shiite Iranian majority.

Keywords:

Iranian emigration,
Pahlavi dynasty,
criticism of clericalism,
elite conflict,
symbolic legitimacy,
remote (delayed) elite conflict,
Iranian Constitution Party - Liberal Democrats
(Hezb-e mašrute Irān - liberāl demokrāt)

Для цитирования: Коротина Н. Ю.
Функциональный статус регионов России
в системе экономических
федеративных отношений //
Социум и власть. 2022. № 1 (91). С. 47—61.
DOI 10.22394/1996-0522-2022-1-47-61.

УДК 332.1, 342.24, 342.26

JEL Classification: H70, R58

DOI 10.22394/1996-0522-2022-1-47-61

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ СТАТУС РЕГИОНОВ РОССИИ В СИСТЕМЕ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ФЕДЕРАТИВНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Коротина Наталья Юрьевна,

Российская академия народного хозяйства и го-
сударственной службы при Президенте Россий-
ской Федерации,
Челябинский филиал,
заведующий кафедрой экономики, финансов и
бухгалтерского учета,
кандидат экономических наук, доцент.
Челябинск, Россия.
E-mail: korotina-nyu@ranepa.ru

Аннотация

Введение. В статье рассматривается проблема функционального статуса регионов в системе экономического федерализма, которая связана с высокой пространственной неоднородностью России, и объясняется необходимость перехода от модели экономического федерализма, сочетающей наличие универсальных институтов и институциональных исключений, к модели, учитывающей пространственное разнообразие территорий.

Цель. Обосновать снижение неоднородности пространства экономического федерализма при переходе к модели на основе макротерриторий — групп регионов с одинаковым функциональным статусом.

Методы. В данной статье были использованы методы монографического обзора, логического и статистического анализа в контексте применения пространственного подхода при исследовании отношений экономического федерализма, а также концепция «умной специализации» применительно к регионам России для дифференциации взаимоотношений федерального центра с территориями в рамках одной специализации. Научная новизна. В данной статье впервые представлена методика определения функционального статуса регионов, который является основой для последующего формирования модели взаимоотношений федерального центра и макрорегионов.

Результаты. В статье предложены методики определения функционального статуса регионов и расчета показателей, характеризующих отношения экономического федерализма. Первая методика на основе экономических и территориальных критериев позволила отнести каждый регион России к группе макрорегионов по функциональному статусу. Вторая методика позволила обосновать большую асимметрию показателей, характеризующих экономический федерализм, в целом по стране, чем в разрезе макротерриторий.

Выводы. На основе более высокой устойчивости показателей, характеризующих экономический федерализм, по группам макротерриторий, чем в целом по стране, обоснована необходимость перехода к гибкой модели экономического федерализма, построенной на дифференцированных мерах и специфическом инструментарии поддержки регионов в разрезе их функциональных специализаций.

Ключевые слова:

экономический федерализм,
пространство экономического федерализма,
функциональный статус региона,
функциональная специализация,
умная специализация

Введение

Экономическое развитие регионов России характеризуется высокой пространственной неоднородностью, основанной на неоднородности распределения экономических ресурсов, условий хозяйствования и разным типе региональной специализации. Пространственная неоднородность выражается в различиях экономических и социальных процессов на определенной территории, в высокой дифференциации регионов по уровню социально-экономического развития, что объективно оказывает влияние на взаимоотношения федерального центра с регионами, складывающиеся в рамках федеративных отношений.

Федеративные отношения в России строятся на основе «непространственного» мышления [15], то есть преимущественно использования унифицированных федеративных институтов (единые налоговые виды, ставки, льготы, единые механизмы и алгоритмы определения видов и размера трансфертов и т. п.), с одной стороны, и «выравнивания» уровня жизни и экономического потенциала различных территорий [7] с другой. В то же время отмечается нарастание институциональных исключений [1] в виде особых экономических зон (промышленно-производственных, технико-внедренческих, туристско-рекреационных, портовых), кластеров, свободных таможенных зон, территорий опережающего социально-экономического развития, закрытых административно-территориальных образований, наукоградов, которые должны стать локомотивами развития для сопредельных территорий за счет финансовых и институциональных льгот, полученных бюджетных ресурсов.

Переход к умным технологиям развития экономики и необходимость капитализации преимуществ регионов и макротерриторий с позиции их специализации в условиях федеративных отношений обуславливает необходимость создания нового формата территориальной организации и разграничение экономического пространства на зоны разного функционального статуса.

Авторское видение заключается в том, что ключевой идеей переосмысления и перестройки экономики федерализма является не достижения единообразия отношений федерального центра с регионами, а выстраивание отношений на основе понимания разнообразия территорий и необходимости их пространственной связанности для достижения единства как цели

федерализма. Такой подход к федеративным отношениям признает, что экономические особенности территорий связаны с их потенциалом и специализацией, и пространственная связанность обеспечивает взаимные выгоды всем регионам независимо от уровня их развития. Таким образом, в контексте нового видения федеративных отношений фокусом повышенного внимания становятся специализации территорий, что обуславливает актуальность данного исследования.

Вопросы территориальной специализации рассматривали еще в XVIII веке Адам Смит (теория абсолютных преимуществ), в XIX веке Давид Рикардо (теория сравнительных преимуществ), Иоганн Тюнен (теория сельскохозяйственного штандорта), Карл Лаунхардт (концепция промышленных районов), в XX веке Альфред Вебер (теория промышленного штандорта), Николай Колосовский (теория экономического районирования), Николай Баранский (теории размещения и территориальной организации производительных сил), Альфред Маршалл (концепция промышленных районов), Вальтер Кристаллер (теория центральных мест), Август Лёш (учение о пространственной организации хозяйства), Франсуа Перру (теория полюсов роста), Марк Бандман (теория территориально-производственных комплексов), Майкл Поттер (теория кластеров) [11; 17], Пол Кругман (теория международной торговли) [24] и многие другие.

В современной России проблемами пространственной специализации в контексте развития регионов России занимаются П. Минакир, А. Демьяненко [16], Н. Зубаревич [8], отмечающие объективность причин высокой экономической дифференциации территорий России. Пространственные аспекты федеративных отношений исследуют О. Кузнецова [12], Е. Бухвальд [3], С. Валентей [2], О. Валентик [4], В. Климанов [9], Б. Лавровский [13] и др., фокусирующие внимание на влиянии территориальных условий на характер взаимодействия федерального центра и субъектов федерации.

В XXI веке новый виток интереса к тематике специализаций регионов связан с разработкой и развитием концепции умной специализации [18; 20; 22—23; 25; 26]. Авторы И. Данилова и Н. Правдина считают умные специализации регионов эталонным вариантом развития при максимальном использовании территориальных возможностей: уникальных конкурентных преимуществ и компетенций региона, возможностей межрегиональной кооперации, накопленного предпринимательского фактора,

перспектив включения в сети и цепочки создания стоимости [5], выстраивания конкурентных преимуществ в видах деятельности с высокой добавленной стоимостью. «Умная специализация» ориентирует региональное развитие на новые интеграционные процессы, формирование кросс-кластеров [14], формирует новую «архитектуру региональной инновационной стратегии, основанную на «горизонтальном» сотрудничестве» [21].

Концепция умной специализации применительно к регионам имеет также ограничения и недостатки: выбор региональных специализаций сосредоточен, помимо имеющихся, преимущественно на создании новых производств, не учитывая восстановление ранее существующих в регионе; стремление охватить наибольшее количество сфер специализации, пренебрегая спецификой региона, понимание которой является одним из ключевых аспектов «умной специализации» [6]; для успешной реализации концепции необходимо предварительно решить общие системные проблемы регионов, обусловившие отставание инновационной деятельности [19].

Автор придерживается мнения о необходимости смены вектора политики экономического федерализма для снижения асимметрии регионального развития на основе применения подхода «умной специализации» к регионам России [10] для дифференциации взаимоотношений федерального центра с территориями в рамках одной специализации, предусматривающего наличие у каждого региона собственной функциональной роли (статуса) в соответствии с его конкурентными преимуществами и сильными сторонами в интересах единого федеративного государства.

Методика исследования

В данной работе основой для определения видов функциональных ролей регионов в системе федерализма страны послужила предложенная в «Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года»¹ группировка макро-регионов, учитывающая специфические факторы, влияющие на развитие отраслей в разных регионах: преимущественно экономическую роль выполняют крупнейшие центры экономического роста, центры экономического роста с агломерациями, агропромышленные центры, минерально-

сырьевые центры; преимущественно политическую роль выполняют приоритетные геостратегические регионы, приграничные регионы, а также регионы, не выбравшие специализацию. Недостатком для разработки новых подходов и механизмов во взаимодействиях федерального центра и регионов является отнесение регионов в соответствии со Стратегией одновременно к нескольким группам специализаций, поэтому в данной работе предложен экспресс-алгоритм устранения повторного включения регионов и определения их доминирующей функциональной роли (специализации) в пространстве экономического федерализма РФ.

В статье решаются две методические задачи с использованием количественных и качественных методов: 1) определение функционального статуса регионов; 2) определение и расчет показателей, характеризующих отношения экономического федерализма как в стране в целом, так и в макрорегионах — группах регионов с одинаковым функциональным статусом.

Методика определения функционального статуса регионов включает в себя следующие этапы.

На первом этапе для каждого региона и каждого сектора экономики определяется коэффициент функциональной специализации региона, который позволяет оценивать концентрацию сектора экономики и рассчитывается как доля добавленной стоимости сектора экономики в ВРП i -го региона:

$$s_{zi} = \frac{ДС_{zi}}{ВРП_i},$$

где s_{zi} — коэффициент специализации сектора экономики Z в i -м регионе; Z — сектор экономики (код сектора используется в соответствии с ОКВЭД²); i — регион, ДС — добавленная стоимость.

Анализ проводится по данным Федеральной службы государственной статистики

² В соответствии с «ОК 029-2014 (КДЕС Ред. 2). Общероссийский классификатор видов экономической деятельности» (утв. приказом Росстандарта от 31.01.2014 № 14-ст) (ред. от 07.12.2021). Используются разделы классификатора А—S; исключены Раздел Т. Деятельность домашних хозяйств как работодателей; недифференцированная деятельность частных домашних хозяйств по производству товаров и оказанию услуг для собственного потребления (по причине нулевых данных за анализируемый период по всему перечню регионов) и Раздел U. Деятельность экстерриториальных организаций и органов (по причине отсутствия официальных данных).

¹ Стратегия пространственного развития Российской Федерации до 2025 г., утв. распоряжением Правительства РФ от 13 февраля 2019 г. № 207-р.

о валовом региональном продукте и величине добавленной стоимости в разрезе регионов России¹.

На втором этапе по каждому сектору экономики определяется средний коэффициент специализации:

$$\bar{s}_z = \frac{\sum_{i=1}^n s_{zi}}{n},$$

где n — количество регионов.

Если $s_{zi} > \bar{s}_z$, то можно говорить, что рассматриваемый сектор экономики (Z) отражает специализацию i -го региона.

На третьем этапе для каждой группы макрорегионов автором выделены характерные критерии (табл. 1), названия групп регионов используется в соответствии со Стратегией пространственного развития РФ. В стратегии указывается территориальный критерий отнесения региона к конкретной группе, автором выделены экономические критерии и дополнительные территориальные. Все регионы проверяются на соответствие критериям и относятся в конкретную группу, в результате определяется основной функциональный статус региона.

Методика определения показателей, характеризующих экономические отношения федерализма, основывается на научном послые о двойственной природе этих отношений как политических и экономических. Экономический аспект федеративных отношений отражает величина валового регионального продукта — обобщающий показатель, характеризующий процесс экономической деятельности в регионе. Политическую сторону федерализма отражает сумма налогов, генерируемых на территории отдельного региона, как показатель действия налогового механизма, и сумма доходов бюджета региона как показатель действия перераспределительного (трансфертного) механизма, являющихся отражением властного разделения территориальных ресурсов.

В совокупности экономические отношения федерализма характеризуются коэффициентом налоговой нагрузки на регион и коэффициентом бюджетной емкости региона. Коэффициент налоговой нагрузки на регион определяется отношением величины налогов в консолидированный бюджет РФ, собранных с территории региона, к ВРП данного региона ($K_{НН} = N / \text{ВРП} \times 100 \%$) и показывает, сколько рублей налогов с каждых

100 рублей ВРП генерируется на территории региона. Коэффициент бюджетной емкости региона рассчитывается отношением доходов консолидированного регионального бюджета к ВРП ($K_6 = D / \text{ВРП} \times 100 \%$) и показывает, сколько рублей поступило в консолидированный бюджет региона с каждых 100 рублей ВРП.

Результаты

Применение методики определения функционального статуса регионов позволило отнести к группе «крупнейшие центры экономического роста» 21 регион из 85 (25 %). Основным территориальным критерием послужило наличие в этих регионах крупнейших городских агломераций, к которым в соответствии со Стратегией относят крупнейшие городские агломерации, обеспечивающие ежегодный вклад в экономический рост Российской Федерации более 1 %. Автором проверено соответствие указанных регионов выделенным критериям (в табл. 2—7 представлены данные за 2019 г.). Во всех регионах данной группы показатель по разделу ОКВЭД М. «Деятельность профессиональная, научная, техническая» выше среднероссийского уровня. Несмотря на требуемый критерий превышения регионального коэффициента специализации выше среднероссийского «минимум в одной отрасли промышленности или в финансово-страховой сфере» в 5 регионах отмечается выполнение в трех отраслях промышленности (Ростовская, Самарская, Свердловская области, Пермский и Красноярский края), в 8 регионах в двух отраслях промышленности (Московская, Нижегородская, Тюменская, Челябинская, Иркутская, Омская, Ленинградская области, Республика Башкортостан). В 18 регионах соблюдается критерий по финансово-страховой деятельности, оба выделенных критерия выполняются во всех регионах группы.

К агропромышленным центрам относятся территории с развитым сельским хозяйством — доля сельскохозяйственной промышленности в них значительно превышает среднероссийский уровень: минимальное превышение в 1,7 раза в Республике Мордовия, максимальное — в 3 раза в Тамбовской области. Во всех агропромышленных регионах удельный ВРП ниже среднего по стране уровня (табл. 3). Факультативным экономическим критерием в данной группе является превышение среднего по стране уровня обрабатывающих производств, что связано с развитием переработки сельскохозяйственной продукции: в половине

¹ Регионы России. Социально-экономические показатели — 2020 г. [Электронный ресурс]. URL: https://gks.ru/bgd/regl/b20_14p/Main.htm (дата обращения: 01.02.2021).

Таблица 1

Критерии отнесения регионов к группе с определенным функциональным статусом

Макрорегионы по функциональному статусу	Условия Стратегии (установленный территориальный критерий)	Выделенные дополнительные территориальные критерии	Выделенные экономические критерии, обязательные для регионов, входящих в группу
Крупнейшие центры экономического роста	Наличие крупнейших городских агломераций		1) $s_{Mi} \geq \bar{s}_M$, где М — Раздел М. Деятельность профессиональная, научная и техническая 2) Наличие минимум одного сектора экономики, относящегося к промышленности (разделы В, С, D, E) или к финансово-страховой деятельности (раздел К), в котором $s_{Zi} \geq \bar{s}_Z$
Центры экономического роста с городскими агломерациями	Наличие крупных городских агломерации	Городское население преобладает над сельским	$s_{Bi} > \bar{s}_B$ или $s_{Ci} > \bar{s}_C$ где В — раздел В. Добыча полезных ископаемых; С — Раздел С. Обрабатывающие производства
Агропромышленные центры	Развитое сельскохозяйственное производство	отсутствует граница с иностранным государством	1) $s_{Ai} \gg \bar{s}_A$ где А — раздел А. Сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыболовство 2) $ВРП_{души} < \overline{ВРП}_{души}$ 3*) $s_{Ci} > \bar{s}_C$ где С — Раздел С. Обрабатывающие производства
Минерально-сырьевые центры	Наличие добычи полезных ископаемых		1) $s_{Bi} \gg \bar{s}_B$ где В — раздел В. Добыча полезных ископаемых 2) $ВРП_{души} \gg \overline{ВРП}_{души}$
Приоритетные геостратегические регионы	Наличие границы с иностранным государством		1) $s_{iTo} > \bar{s}_T$ где О — раздел О. Государственное управление 2*) $ВРП_{души} \leq \overline{ВРП}_{души}$
Приграничные регионы	Наличие границы с иностранным государством		1) Наличие минимум одного сектора экономики (разделы А, В, С, D, E), в котором $s_{Zi} \geq \bar{s}_Z$ 2) $ВРП_{души} < \overline{ВРП}_{души}$ 3*) $s_{Oi} > \bar{s}_O$ где О — раздел О. Государственное управление
Регионы, не выбравшие специализацию	Не указаны, в группу относятся регионы, не вошедшие в остальные группы		$ВРП_{души} < \overline{ВРП}_{души}$

* Факультативный критерий (соблюдается в подавляющем большинстве регионов группы).

регионов группы критерий выполнен (Республика Мордовия, Белгородская, Брянская области), в одном регионе находится на уровне примерно равном средней величине (Курганская область), в двух регионах ниже средней менее, чем на 30 % (Тамбовская область, Ставропольский край).

К крупным городским агломерациям относят агломерационные территории с общей численностью населения более 500 тыс. человек, которые обеспечивают

ежегодный вклад в экономический рост России от 0,2 до 1 %. Выделенный автором экономический критерий, характеризующий регионы данной группы, — превышение среднероссийского уровня специализации по разделу «Добыча полезных ископаемых» или «Обрабатывающие производства»: в 1/3 регионах наблюдается превышение коэффициента специализации добывающей промышленности (в 2,3—3,4 раза), в 11 из 15 регионах (73 %) коэффициент

Таблица 2

**Соответствие регионов критериям группы
«крупнейшие центры экономического роста»**

Раздел ОКВЭД	М	В	С	Д	Е	К
Наименование раздела (краткое)	Профессиональная, научная, техническая	Добыча полезных ископаемых	Обрабатывающие производства	Обеспечение электрической энергией	Водоснабжение, водоотведение	Финансовая и страховая
Экономический критерий	Региональное значение не ниже среднего по РФ	Региональное значение не ниже среднего по РФ				
Среднее по РФ	2,1	11,9	18,1	3,8	0,7	0,3
Воронежская область	4,3				0,7	0,3
Московская область	4,8		20,6		0,7	0,5
г. Москва	8,2		18,2			1,7
г. Санкт-Петербург	7,9				1	0,5
Краснодарский край	2,5				0,9	0,3
Волгоградская область	3,4		27,7		0,7	0,3
Ростовская область	2,8		20,9	4,5	1	0,3
Республика Башкортостан	4,3		35,1		0,8	0,3
Республика Татарстан	3,3	30,5				0,4
Пермский край	2,6	22,4	30,4		0,9	0,3
Нижегородская область	6,3		31,9		0,9	0,3
Самарская область	4,1	20,8	22,0		1,1	0,5
Свердловская область	4,0		32,5	4,3	1	0,4
Тюменская область	9,4	20,3	18,2			0,3
Челябинская область	3,5		36,0		1,2	0,3
Красноярский край	2,2	25,6	31,8	3,9		
Иркутская область	2,2	31,5		5,5		
Новосибирская область	5,0					0,3
Омская область	3,4		36,4		0,7	0,3
Приморский край	2,5				0,9	0,3
Ленинградская область	2,6		31,3	5,5		
Выполнение экономического критерия	Критерий выполнен во всех регионах	Критерий выполнен во всех регионах				

Здесь и далее пустые клетки в таблице означает, что данные значения ниже среднероссийского уровня

специализации обрабатывающей промышленности выше среднего в 1,1—2,5 раза (табл. 4). Для разграничения с агропромышленными территориями (для тех регионов, в которых, помимо обозначенных, коэффициент специализации сельского хозяйства превышает среднероссийский уровень — Пензенская, Саратовская, Липецкая области, Алтайский край) выделен дополнительный территориальный критерий: преобладание городского населения над сельским.

В минерально-сырьевых территориях (табл. 5) коэффициент специализации добывающей промышленности и ВРП на душу значительно выше среднероссийских показателей соответственно в 3,2—7,0 и 1,7—11,1 раз (при расчете среднедушевого ВРП без учета указанных регионов превышение составит до 17 раз).

Второй по численности оказалась группа приоритетных геостратегических российских регионов (17 регионов или 20 %). В соответствии со Стратегией, территориальным

Таблица 3

Соответствие регионов критериям группы «агропромышленные центры»

	Раздел ОКВЭД		ВРП на душу населения	
	А. Сельское хозяйство	С. Обрабатывающие производства	Значение, тыс. руб.	Отношение к среднероссийскому показателю
Экономический критерий	Региональное значение выше среднего по РФ	Региональное значение не ниже среднего по РФ	Региональное значение ниже среднего по РФ	
Среднее по РФ	8,2	18,1	627,1	1,0
Белгородская область	18,2	18,7	559,1	0,9
Брянская область	19,1	18,1	272,7	0,4
Курская область	18,1	17,9	385,6	0,6
Тамбовская область	24,7	13,1	323,6	0,5
Ставропольский край	14,7	13,9	255,7	0,4
Республика Мордовия	14	26	284,0	0,4
Выполнение экономического критерия	Критерий выполнен во всех регионах	Факультативный критерий — выполнен больше, чем в половине регионов	Критерий выполнен во всех регионах	

Таблица 4

Соответствие регионов критериям группы «центры экономического роста с городскими агломерациями»

Раздел ОКВЭД	В	С
Наименование раздела (краткое)	Добыча полезных ископаемых	Обрабатывающие производства
Экономический критерий	Для одного из указанных секторов региональное значение выше среднего по РФ	
Среднее по РФ	11,9	18,1
Рязанская область		29,2
Тульская область		45,1
Ярославская область		28,9
Астраханская область	52,8	
Удмуртская Республика	27,6	19,6
Чувашская Республика		27,9
Оренбургская область	41	
Пензенская область		20,3
Саратовская область		20,9
Ульяновская область		26,9
Томская область	32	
Липецкая область		44,7
Калининградская область		22,7
Кемеровская область	36,7	
Алтайский край		19,1
Выполнение экономического критерия	Критерий выполнен во всех регионах	

Таблица 5

Соответствие регионов критериям группы «минерально-сырьевые территории»

	Раздел ОКВЭД В. «Добыча полезных ископаемых»	ВРП на душу населения	
		Значение, тыс. руб.	Отношение к среднероссийскому показателю
Экономический критерий	Региональный уровень значительно выше среднего по РФ	Региональный уровень значительно выше среднего по РФ	
Среднее по РФ	11,9	627,1	1,0
Республика Коми	44,1	796,8	1,3
Ненецкий автономный округ	83,2	6950,4	11,0
Ханты-Мансийский автономный округ — Югра	73,3	2680,1	4,3
Ямало-Ненецкий автономный округ	67,3	5710,1	9,1
Республика Саха (Якутия)	51,5	1123,1	1,8
Сахалинская область	71	1196,7	1,9
Чукотский автономный	40,3	2408,0	3,8
Магаданская область	38,1	1578,5	2,5
Выполнение экономического критерия	Критерий выполнен во всех регионах	Критерий выполнен во всех регионах	

Таблица 6

Соответствие регионов критериям группы «приоритетные геостратегические регионы»

	Раздел ОКВЭД О. «Государственное управление и обеспечение военной безопасности; социальное обеспечение»	ВРП на душу населения	
		Значение, тыс. руб.	Отношение к среднероссийскому показателю
Экономический критерий	Региональный уровень выше среднего по РФ	Региональный уровень не выше среднего по РФ	
Среднее по РФ	6,8	627,1	1,0
Республика Карелия	8,7	451,4	0,7
Архангельская область	7,7	464,9	0,7
Мурманская область	7,7	642,7	1,0
Республика Крым	9,7	204,6	0,3
г. Севастополь	17,9	180,1	0,3
Республика Дагестан	6,9	203,3	0,3
Республика Ингушетия	24,1	112,6	0,2
Кабардино-Балкарская	10,6	168,2	0,3
Карачаево-Черкесская	14,4	165,4	0,3
Республика Северная Осетия	17,6	185,6	0,3
Чеченская Республика	15,7	133,4	0,2
Республика Бурятия	9,9	229,8	0,4
Забайкальский край	9,6	305,7	0,5
Камчатский край	13	750,4	1,2
Хабаровский край	8,6	536,4	0,9
Еврейская автономная	13,7	378,3	0,6
Амурская область	8,1	346,7	0,6
Выполнение экономического критерия	Критерий выполнен во всех регионах	Критерий выполнен в подавляющем числе регионов (за исключением одного)	

Таблица 7

Соответствие регионов критериям группы «приграничные территории»

Раздел ОКВЭД	А	В	С	D	Е	О	ВРП на душу населения	
							Значение, тыс. руб.	Отношение к среднему показателю
Экономический критерий	Минимум для одного из указанных секторов региональное значение выше среднего по РФ					Региональное значение выше среднего по РФ	Региональный уровень ниже среднего по РФ	
Среднее по РФ	8,2	11,9	18,1	3,8	0,7	6,8	627,1	1,0
Смоленская область			21,6	12,5	0,8	6,3	330,8	0,53
Псковская область	11,9		17		1,7	9,9	259,4	0,41
Курганская область	9,5		23,2	7,2	1,0	8,5	253,6	0,40
Республика Алтай	12				0,8	15,5	231,5	0,37
Республика Тыва		24,9				17,0	212,9	0,34
Выполнение экономического критерия	Критерий выполнен во всех регионах					Факультативный критерий — выполнен во всех регионах, кроме одного	Критерий выполнен во всех регионах	

критерием является наличие государственной границы и «существенное значение для обеспечения устойчивого социально-экономического развития, территориальной целостности и безопасности Российской Федерации, <...> специфические условия жизни и ведения хозяйственной деятельности». Во всех территориях указанной группы (табл. 6) коэффициент специализации сектора «Государственное управление и обеспечение военной безопасности; социальное обеспечение» выше среднероссийского (превышение доходит до 2,6 раза в Северной Осетии и Севастополе, 3,5 раза в Ингушетии). В подавляющем большинстве регионов данной группы удельный ВРП значительно меньше среднероссийского показателя (за исключением Камчатского края, в котором превышение в 1,2 раза, и Мурманской области, примерно равен среднему по стране, за счет уникальных территориальных условий для рыболовства в обоих регионах).

К группе приоритетных геостратегических территорий в данном исследовании не отнесена Калининградская область (включена в состав агломерационных территорий за счет наличия Калининградской агломерации, относительно высокого уровня обрабатывающих производств, научного и технического сектора, относительно низкого уровня сектора государственного управления), Саха (Якутия), Магаданская, Сахалинская области, Чукотский автономный округ за счет высокой доли добывающей промышленности (в среднем в 5 раз выше

среднероссийского показателя) и Приморский край, который относится к крупнейшим центрам экономического роста за счет крупнейшей Владивостокской агломерации («Большой Владивосток»).

Немногочисленной оказалась группа приграничных территорий за счет того, что многие территории, граничащие с другим государством, оказались в других группах (например, Челябинская, Тюменская, Ленинградская, Волгоградская и другие области включены в состав крупнейших центров экономического развития, Калининградская область и Алтайский край в состав центров экономического роста с городскими агломерациями, Брянская относится к агропромышленным центрам и т. п.). Во всех регионах этой группы (табл. 7) присутствует минимум одна отрасль специализации в секторах промышленности или сельского хозяйства (в Республике Тыва — 1, в Республике Алтай — 2, в Смоленской, Псковской областях — 3, в Курганской — 4 отрасли), все регионы имеют низкий уровень экономического развития — ВРП в каждом регионе значительно меньше среднего уровня по стране, а показатель специализации сектора «Государственное управление и социальное обеспечение» имеет высокое значение (кроме Смоленской области).

В результате применения описанного методического подхода регионы России были сгруппированы по их функциональному статусу в пространстве экономического федерализма РФ (табл. 8):

Группировка регионов России по функциональному статусу в пространстве экономического федерализма РФ

Функциональный статус регионов	Перечень регионов
Крупнейшие центры экономического роста	Воронежская обл., Московская обл., г. Москва, г. Санкт-Петербург, Ленинградская обл., Краснодарский край, Волгоградская обл., Ростовская обл., Башкортостан, Татарстан, Пермский край, Нижегородская обл., Самарская обл., Свердловская обл., Тюменская обл., Челябинская обл., Красноярский край, Иркутская обл., Новосибирская обл., Омская обл., Приморский край (21)
Центры экономического роста с агломерациями	Липецкая обл., Рязанская обл., Тульская обл., Ярославская обл., Астраханская обл., Удмуртская Республика, Чувашия, Оренбургская обл., Пензенская обл., Саратовская обл., Ульяновская обл., Томская обл., Кемеровская обл., Калининградская обл., Алтайский край (15)
Минерально-сырьевые центры	Республика Коми, Ненецкий АО, МХАО, ЯНАО, Республика Саха (Якутия), Магаданская обл., Сахалинская обл., Чукотский автономный округ (8)
Агропромышленные центры	Белгородская обл., Брянская обл., Курская обл., Тамбовская обл., Ставропольский край, Республика Мордовия (6)
Приоритетные геостратегические регионы	Республика Карелия, Архангельская обл., Мурманская обл., Республика Крым, г. Севастополь, Дагестан, Ингушетия, Кабардино-Балкарская Республика, Карачаево-Черкесская Республика, Северная Осетия, Чечня, Бурятия, Забайкальский край, Хабаровский край, Камчатский край, Еврейская автономная обл., Амурская обл. (17)
Приграничные регионы	Смоленская обл., Псковская обл., Курганская обл., Республика Алтай, Республика Тыва (5)
Не выбрали специализацию	Владимирская обл., Ивановская обл., Калужская обл., Костромская обл., Орловская обл., Тверская обл., Вологодская обл., Новгородская обл., Республика Адыгея, Калмыкия, Республика Марий Эл, Кировская обл., Республика Хакасия (13)

Для каждой функциональной группы регионов были рассчитаны показатели, характеризующие экономические отношения федерализма (коэффициенты налоговой нагрузки на регион и коэффициенты бюджетной емкости региона), и проведена оценка пространственной асимметрии территорий исходя из их специализации на основе стандартных статистических показателей: средняя величина, размах асимметрии (как отношение максимального и минимального значения в анализируемой группе) и коэффициент вариации как мера разброса региональных величин от среднероссийского значения показателя (отношение среднеквадратического отклонения и среднего значения исследуемого показателя в процентах) (табл. 9).

В целом объем собранных на территории регионов страны налогов перераспределяется по регионам в виде доходов бюджета, поэтому коэффициент налоговой нагрузки и коэффициент бюджетной емкости, рассчитанные для страны в целом, должны быть примерно равны (числители показателей отличаются на величину государственных заимствований как источника

заемных финансовых ресурсов регионов), расчеты это подтверждают, указанные коэффициенты практически совпадают по величине (19,48 и 19,52 соответственно) (табл. 9).

Перераспределение средств между регионами происходит в силу реализации отношений экономического федерализма, в результате которых сложилась следующая пространственная размещение бюджетных ресурсов: 1) в крупнейших центрах экономического роста и центрах экономического роста с агломерациями и минерально-сырьевых центрах региональная налоговая нагрузка в 1,5—1,6 раза выше, чем бюджетная емкость, это означает, что в указанных регионах «изымается» 40—50 % сгенерированных на их территории налогов; 2) в минерально-сырьевых центрах налоговая нагрузка превышает бюджетную емкость в 1,85 раза, то есть 85 % налогов, формируемых на территориях сырьевых регионов, рассредоточивается по территории страны через механизм перераспределения нефтегазовой ренты; 3) в остальных четырех группах диаметрально противоположная ситуация, бюджетная емкость больше налоговой нагрузки: в агропромышленных центрах

Таблица 9

**Асимметрия показателей экономического федерализма
в разрезе групп функциональной специализации**

Группы функциональной специализации	Статистические показатели асимметрии	Бюджетная емкость региона	Налоговая нагрузка на регион
Крупнейшие центры экономического роста	средняя	14,32	22,80
	Размах асимметрии	2,48	4,14
	Коэффициент вариации	10,23	29,64
Центры экономического роста с агломерациями	средняя	16,07	24,15
	Размах асимметрии	2,71	4,29
	Коэффициент вариации	27,65	42,76
Минерально-сырьевые центры	средняя	17,71	32,80
	Размах асимметрии	6,36	9,37
	Коэффициент вариации	37,96	68,09
Агропромышленные центры	средняя	16,75	13,81
	Размах асимметрии	1,54	1,69
	Коэффициент вариации	14,74	17,65
Приоритетные геостратегические регионы	средняя	28,63	12,56
	Размах асимметрии	6,83	3,12
	Коэффициент вариации	38,93	29,41
Приграничные регионы	средняя	28,75	13,17
	Размах асимметрии	2,73	1,60
	Коэффициент вариации	43,61	16,84
Не выбрали специализацию	средняя	18,27	15,34
	Размах асимметрии	1,64	2,39
	Коэффициент вариации	14,34	25,62
В целом по стране	средняя	19,48	19,52
	Размах асимметрии	6,83	12,24
	Коэффициент вариации	45,52	53,87

и не выбравших специализацию в 1,2 раза, в приграничных территориях в 2,2 раза, в приоритетных геостратегических регионах в 2,3 раза. То есть собранные на территориях регионов первых двух групп налоги перераспределяются на территорию регионов третьей группы.

Обсуждение результатов

Во-первых, использование представленной методики позволило увидеть, что в большинстве выделенных групп регионов по функциональному статусу имеются характерные экономические черты. В большинстве групп они «положительные» (ВРП на душу населения, коэффициент специализации промышленных отраслей выше среднероссийского), только в двух группах реги-

онов («приоритетные геостратегические» и «не выбрали специализацию») отсутствуют экономические черты, которые выгодно отличают указанные группы от других (всем регионам этих групп присущи только «отрицательные» черты: среднедушевой ВРП ниже среднедушевого ВРП по стране и (для приоритетных геостратегических) превышение коэффициента специализации сектора «Государственное управление» над среднероссийским, в т. ч. в отдельных регионах более, чем в 2 раза).

Во-вторых, предложенная методика раскрывает потенциал для экономического роста, например, во многих геостратегических территориях развито сельское хозяйство: на Камчатский край приходится 32 %, на Мурманскую область 13,3 %, на Хабаровский край 9 % всей отрасли «рыболовство»

в стране; Кабардино-Балкария имеет один из самых высоких уровней выращивания фасоли, кукурузы и овощей в открытом грунте; Карачаево-Черкессия входит в пятерку регионов с самым большим поголовьем овец, коз и баранов, в Дагестане коэффициент специализации сельского хозяйства превышает среднероссийский в 2 раза, в Ингушетии в 1,5 раза и т. д.

Также предложенная методика позволила выявить резервы для определения экономической специализации в группе «не выбрали специализацию»: Республика Калмыкия и Орловская область имеют высокий коэффициент специализации по отрасли сельское хозяйство (25,9 и 19,9 соответственно при среднем по стране 8,2), в Республике Хакасия самый высокий в России коэффициент специализации по обеспечению электроэнергией (13,3 при среднероссийском уровне 3,8), в 7 из 13 регионов коэффициент специализации по обрабатывающему сектору превышает среднероссийский больше, чем в 1,5 раза. Помимо этого, у регионов «не выбравшие специализацию» также имеется общее назначение: находясь внутри территории государства и будучи окруженными другими регионами, они призваны обеспечивать связанность территориального пространства страны, что, в свою очередь, повысит связанность пространства экономического федерализма.

Таким образом, углубление методики в части детализации пространственных характеристик позволит оценить текущие и перспективные отрасли специализации для регионов, которые в соответствии со Стратегией пространственного развития РФ не получили четкой экономической специализации, а также для дальнейшей декомпозиции пространств внутри функциональной группы.

В-третьих, проведенный анализ показателей, характеризующих экономический федерализм, по группам регионов и в целом по стране показал значительно большую асимметрию в целом по регионам страны, чем по каждой выделенной группе несмотря на то, что в отдельные группы одной специализации входят регионы с разным уровнем регионального развития (особенно остро эта проблема стоит в крупнейших центрах экономического роста).

Вывод

Использование концепции «умной специализации» позволило автору сделать вывод о необходимости создания нового

формата территориальной организации экономического пространства в условиях федеративных отношений. Основная идея заключается в рассмотрении неоднородности пространства не в качестве острого негативного момента, а понимание того, что она обоснована разной функциональностью регионов. Поэтому пространство экономического федерализма рекомендуется рассматривать не в разрезе регионов, а с позиции макрорегионов — групп регионов с одинаковым функциональным статусом. Обоснование большей устойчивости показателей, характеризующих экономический федерализм, по группам макротерриторий, чем в целом по стране, свидетельствует о более высокой неоднородности экономического пространства России, чем в разрезе пространства экономического федерализма, что подтверждает необходимость перехода от действующей гибридной модели экономического федерализма, сочетающей наличие универсальных институтов и институциональных исключений, к гибкой модели, построенной на дифференцированных мерах и специфическом инструментарии поддержки для конкретных функциональных зон, стимулирования перспективных специализаций регионов и с акцентом на особом статусе крупных макротерриторий.

Поступила в редакцию 16.02.2022

1. Барбашин М. Ю. Теория институционального распада: концептуальный потенциал и методологические рамки // *Journal of Institutional Studies*. 2016. № 8(1). С. 36—53. DOI: 10.17835/2076-6297.2016.8.1.036-053.

2. Бухвальд Е. М., Валентей С. Д., Одинцова А. В. Экономические проблемы федерализма, региональной политики и местного самоуправления // *Вестник Института экономики Российской академии наук*. 2020. № 1. С. 51—76.

3. Бухвальд Е. М., Валентик О. Н. Макрорегионы как новация стратегирования пространственного развития экономики России // *Региональная экономика. Юг России*. 2019. Т. 7, № 1. С. 18—28.

4. Валентик О. Н. Федеральные территории как инструмент национальной безопасности // *Развитие и безопасность*. 2021. № 1 (9). С. 29—41.

5. Данилова И. В., Правдина Н. В. Аналитический инструмент идентификации региональных специализаций: российский и зарубежный опыт. Часть 1 // *Вестник ЮУрГУ. Серия «Экономика и менеджмент»*. 2020. Т. 14, № 4. С. 33—43. DOI: 10.14529/em200404.

6. Егорова А. Умная специализация — новый виток кластерной политики? URL: <https://oecd-russia.org/analytics/umnaya-spetsializatsiya-novyy-vitok-klasternoj-politiki.html>.

7. Зубаревич Н. В. Возможности и ограничения количественной оценки факторов экономического развития российских регионов // Журнал Новой экономической ассоциации. 2020. № 2 (46). С. 158—167

8. Зубаревич Н. В. Стратегия пространственно-го развития: приоритеты и инструменты // Вопросы экономики. 2019. № 1. С. 135—145.

9. Климанов В. В., Казакова С. М., Михайлова А. А. Корректировка механизмов поддержки отстающих регионов // Общественные финансы. 2021. № 41. С. 26—36.

10. Коротина Н. Ю. Методология «умной специализации» в преодолении пространственной асимметрии отношений экономического федерализма в России // Journal of New Economy. 2020. Т. 21, № 1. С. 107—121. DOI: 10.29141/2658-5081-202021-1-6

11. Кузнецова Е. Л., Бочкова Е. В. Эволюция территориальных форм общественного разделения труда // Вестник ИрГТУ №7 (47) 2010. С. 342—346.

12. Кузнецова О. В. Альтернативные подходы к определению роли макрорегионов России в системе государственного управления // Федерализм. 2019. № 4 (96). С. 112—125.

13. Лавровский Б. Л., Горюшкина Е. А. Бюджетный федерализм в России: быть или не быть? // Вопросы экономики. 2021. № 1. С. 143—160.

14. Мерзликина Г. С. Концепция «Умной специализации» регионов: уточнение принципов // Вопросы инновационной экономики. 2021. Т. 11, № 3. С. 997—1014. — DOI: 10.18334/vines.11.3.113227.

15. Минакир П. А. Пространственная неоднородность России и задачи региональной политики // Журнал Новой экономической ассоциации. 2011. № 10 (10). С. 150—153.

16. Минакир П. А., Исаев А. Г., Демьяненко А. Н., Прокапало О. М. Экономические макрорегионы: интеграционный феномен или политико-географическая целесообразность? Случай Дальнего Востока // Пространственная экономика. 2020. Т. 16, № 1. С. 66—99.

17. Щедровицкий П., Кузнецов Ю. От разделения труда к разделению деятельности // Философские науки. 2014. № 6. С. 49—64.

18. Balland P. A. et al. Smart specialization policy in the European Union: relatedness, knowledge complexity and regional diversification // Regional Studies. 2019. Vol. 53, no. 9. Pp. 1252—1268.

19. Bosch A., Vonortas N. Smart Specialization as a Tool to Foster Innovation in Emerging Economies: Lessons from Brazil. Foresight and STI Governance. 2019. Vol. 13, no. 1. Pp. 32—47. DOI: 10.17323/2500-2597.2019.1.32.47.

20. Foray D., David P.A., Hall B. Smart Specialization: The Concept // Knowledge for Growth. Prospects for Science, Technology, and Innovation: Selected papers from Research Commissioner Janez Potochnk's Expert Group. November.

21. Foray D., Goenaga X. The goals of smart specialisation // S3 Policy Brief Series. 2013. № 1.

22. Gianelle C., Guzzo F., Mieszkowski K. (2019): Smart Specialisation: what gets lost in translation from concept to practice? Regional Studies, DOI: 10.1080/00343404.2019.1607970.

23. Gianelle, C., Guzzo, F., Marinelli E. Smart Specialisation Evaluation: Setting the Scene. JRC

Policy Insights, March. URL: <https://ec.europa.eu/jrc/sites/jrcsh/files/jrc116110.pdf> (дата обращения: 12.02.2020).

24. Krugman P. R. The Role of Geography in Development // International Regional Science Review. 1999. Vol. 22, no. 2. Pp. 142—146.

25. McCann, P., Ortega-Argilés, R. Smart Specialization, Regional Growth and Applications to European Union Cohesion Policy // Regional Studies. 2015. Vol. 49, iss. 8: Place-based Economic Development and the New EU Cohesion Policy. URL: <https://doi.org/10.1080/00343404.2015.799769>.

26. Vezzani A., Baccan M., Candu A., Castelli A., Dosso M., Gkotsis P. Smart Specialisation, seizing new industrial opportunities. JRC Technical Report, European Commission.

References

1. Barbashin M. Y. (2016) Teoriya institucional'nogo raspada: konceptual'nyj potencial i metodologicheskie ramki [The Theory of Institutional Disintegration: Conceptual Potential and Methodological Frameworks] *Journal of institutional studies*, no. 8(1), pp. 36—53. DOI: 10.17835/2076-6297.2016.8.1.036-053 [in Rus].

2. Buhval'd E.M., Valentej S.D., Odincova A.V (2020) Jekonomicheskie problemy federalizma, regional'noj politiki i mestnogo samoupravlenija [Economic problems of federalism, regional policy and local self-government] *Vestnik Instituta jekonomiki Rossijskoj akademii nauk*, no. 1, pp. 51—76 [in Rus].

3. Buhval'd E.M., Valentik O.N (2019) Makroregiony kak novacija strategirovanija prostranstvennogo razvitija jekonomiki Rossii [Macroregions as an innovation in strategising the spatial development of Russia's economy] *Regional'naja jekonomika. Jug Rossii*, vol. 7, no.1, pp. 18—28 [in Rus].

4. Valentik O.N (2021) Federal'nye territorii kak instrument nacional'noj bezopasnosti [Federal territories as an instrument of national security] *Razvitie i bezopasnost'*, no. 1 (9), pp. 29—41[in Rus].

5. Danilova I.V., Pravdina N.V (2020) Analiticheskij instrumentarij identifikacii regional'nyh specializacij: rossijskij i zarubezhnyj opyt. Chast' 1 [Analytical Tools for Identification of Regional Specializations: Russian and Foreign Experience. Part 1] *Vestnik JuUrGU. Serija «Jekonomika i menedzhment»*, vol. 14, no. 4, pp. 33—43. DOI: 10.14529/em200404 [in Rus].

6. Egorova A. Umnaja specializacija — novyj vitok klasternoj politiki? [Smart specialization - a new round of cluster policy?] [Jelektronnyj resurs] URL: <https://oecd-russia.org/analytics/umnaya-spetsializatsiya-novyj-vitok-klasternoj-politiki.html>

7. Zubarevich N.V (2020) Vozmozhnosti i ogranichenija kolichestvennoj ocenki faktorov jekonomicheskogo razvitija rossijskikh regionov [Opportunities and limitations of quantitative assessment of economic development factors in Russian regions]. *Zhurnal Novoj jekonomicheskoy associacii*, no. 2 (46), pp. 158—167 [in Rus].

8. Zubarevich N.V (2019) Strategija prostranstvennogo razvitija: prioritety i instrumenty [Spatial development strategy: priorities and instruments] *Voprosy jekonomiki*, no. 1, pp. 135—145 [in Rus].

9. Klimanov V.V., Kazakova S.M., Mihajlova A.A (2021) Korrektirovka mehanizmov podderzhki otstajushchih regionov [Adjusting support mechanisms for regions that are lagging behind] *Obshhestvennyye finansy*, no. 41, pp. 26—36 [in Rus].

10. Korotina N. Ju (2020) Metodologija «umnoj specializacii» v preodolenii prostranstvennoj asimmetrii otnoshenij jekonomicheskogo federalizma v Rossii [Smart Specialisation methodology in overcoming the spatial asymmetry of economic federalism relations in Russia] *Journal of New Economy*, vol. 21, no. 1, pp. 107—121. DOI: 10.29141/2658-5081-202021-1-6 [in Rus].

11. Kuznecova E.L., Bochkova E.V (2010) Jevoljucija territorial'nyh form obshhestvennogo razdelenija truda [Evolution of territorial forms of the social division of labour] *Vestnik IrGTU*, no. 7 (47), pp. 342—346 [in Rus].

12. Kuznecova O.V (2019) Al'ternativnye podhody k opredeleniju roli makroregionov Rossii v sisteme gosudarstvennogo upravlenija [Alternative approaches to defining the role of Russia's macro-regions in public administration] *Federalizm*, no. 4 (96), pp. 112—125 [in Rus].

13. Lavrovskij B.L., Gorjushkina E.A (2021) Bjudzhetnyj federalizm v Rossii: byt' ili ne byt'? [Fiscal federalism in Russia: to be or not to be?] *Voprosy jekonomiki*, no. 1, pp. 143—160 [in Rus].

14. Merzlikina G.S. (2021) Koncepcija «Umnoj specializacii» regionov: utocnenie principov [The concept of “smart specialization” of regions: clarification of principles] *Voprosy innovacionnoj jekonomiki*, vol. 11, no. 3, pp. 997—1014. DOI: 10.18334/vinec.11.3.113227 [in Rus].

15. Minakir P.A (2011) Prostranstvennaja neodnorodnost' Rossii i zadachi regional'noj politiki [Russia's spatial heterogeneity and regional policy challenges]. *Zhurnal Novoj jekonomicheskoy associacii*, no. 10 (10), pp. 150—153 [in Rus].

16. Minakir P.A., Isaev A.G., Dem'janenko A.N., Prokapalo O.M (2020) Jekonomicheskie makroregiony: integracionnyj fenomen ili politiko-geograficheskaja celesoobraznost'? Sluchaj dal'nego vostoka [Economic macro-regions: a phenomenon of integration or political-geographical expediency? The

case of the Far East] *Prostranstvennaja jekonomika*, vol. 16, no. 1, pp. 66—99 [in Rus].

17. Shhedrovickij P., Kuznecov Ju (2014) Ot razdelenija truda k razdeleniju dejatel'nosti [From division of labour to division of activities] *Filosofskie nauki*, no. 6, pp. 49—64 [in Rus].

18. Balland P. A. et al (2019) Smart specialization policy in the European Union: relatedness, knowledge complexity and regional diversification. *Regional Studies*, vol. 53, no. 9, pp. 1252—1268 [in Eng].

19. Bosch A., Vonortas N. (2019) Smart Specialization as a Tool to Foster Innovation in Emerging Economies: Lessons from Brazil. *Foresight and STI Governance*, vol. 13, no. 1, pp. 32—47. DOI: 10.17323/2500-2597.2019.1.32.47 [in Eng].

20. Foray D., David P.A., Hall B. (2009). Smart Specialization: The Concept // *Knowledge for Growth. Prospects for Science, Technology, and Innovation: Selected papers from Research Commissioner JabezPotochnk's Expert Group*. November [in Eng].

21. Foray D., Goenaga X. (2013) The goals of smart specialisation // S3 Policy Brief Series, no. 1 [in Eng].

22. Gianelle C., Guzzo F., Mieszkowski K. (2019). Smart Specialisation: what gets lost in translation from concept to practice? *Regional Studies*. DOI: 10.1080/00343404.2019.1607970 [in Eng].

23. Gianelle, C., Guzzo, F., Marinelli E. (2019). Smart Specialisation Evaluation: Setting the Scene. *JRC Policy Insights*, March, available at: <https://ec.europa.eu/jrc/sites/jrcsh/files/jrc116110.pdf> (accessed 12.02.2020) [in Eng].

24. Krugman P.R (1999) The Role of Geography in Development // *International Regional Science Review*, vol. 22, no. 2, pp. 142—16 [in Eng].

25. McCann, P., Ortega-Argilés, R. (2015) Smart Specialization, Regional Growth and Applications to European Union Cohesion Policy. *Regional Studies*. vol. 49, issue 8: Place-based Economic Development and the New EU Cohesion Policy, available at: <https://doi.org/10.1080/00343404.2013.799769> [in Eng].

26. Vezzani A., Baccan M., Candu A., Castelli A., Dosso M., Gkotsis P. (2017). Smart Specialisation, seizing new industrial opportunities. *JRC Technical Report, European Commission*. [in Eng].

For citing: Korotina N.Yu. Functional status of Russian regions in the system of economic federative relations // *Socium i vlast'*. 2022. № 1 (91). P. 47—61. DOI: 10.22394/1996-0522-2022-1-47-61.

UDC 332.1, 342.24, 342.26

JEL Classification: H70, R58

DOI: 10.22394/1996-0522-2022-1-47-61

FUNCTIONAL STATUS OF RUSSIAN REGIONS IN THE SYSTEM OF ECONOMIC FEDERATIVE RELATIONS

Natalya Yu. Korotina,

The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Chelyabinsk branch, Head of the Department of Economics, Finance and Accounting, Cand. Sc. (Economics), Associate Professor. Chelyabinsk, Russia.
E-mail: korotina-nyu@ranepa.ru

Abstract

Introduction. The article deals with the problem of the functional status of regions in the system of economic federalism, which is associated with the high spatial heterogeneity of Russia, and explains the need to move from the model of economic federalism, which combines the presence of universal institutions and institutional exceptions, to a model that takes into account the spatial diversity of territories. The purpose of the study is to substantiate the decrease in the heterogeneity of the economic federalism space when moving on to a model based on macro territories - groups of regions with the same functional status.

Methods. The author uses methods of a monographic review, logical and statistical analysis in the context of applying a spatial approach in studying the relations of economic federalism, as well as the concept of “smart specialization” in relation to the regions of Russia to differentiate the relationship of the federal center with the territories within the same specialization.

Scientific novelty of the study. The article is the first to present a methodology for determining the functional status of regions, which is the basis for the subsequent formation of a model of relations between the federal center and macro regions.

Results. The author proposes methods for determining the functional status of regions and calculating indicators that characterize the relations of economic federalism. The first methodology, based on economic and territorial criteria, makes it possible to attribute each region of Russia to a group of macro regions according to their functional status. The second method makes it possible to substantiate a greater asymmetry of indicators characterizing economic federalism in the country as a whole than in the context of macro territories.

Conclusions. Regarding the higher stability of indicators characterizing economic federalism by groups of macro-territories than in the country as a whole, the need for a transition to a flexible model of economic federalism based on differentiated measures and specific tools to support regions in the context of their functional specializations is substantiated.

Keywords:

economic federalism, space of economic federalism, functional status of the region, functional specialization, smart specialization

Для цитирования: Смирнов О. О.,
Безвербный В. А. Потенциал развития
секторов экономики малых городов России:
современные тенденции //
Социум и власть. 2022. № 1 (91). С. 62—74.
DOI 10.22394/1996-0522-2022-1-62-74.

УДК 332.1, 314, 364.122.5

DOI 10.22394/1996-0522-2022-1-62-74

ПОТЕНЦИАЛ РАЗВИТИЯ СЕКТОРОВ ЭКОНОМИКИ МАЛЫХ ГОРОДОВ РОССИИ: СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ¹

Смирнов Олег Олегович,

Институт демографических
исследований РАН —
обособленное подразделение
Федерального научно-исследовательского
социологического центра РАН,
младший научный сотрудник
отдела геоурбанистики и пространственной
демографии, Москва, Россия.
E-mail: olegsmirnov54@gmail.com

Безвербный Вадим Александрович,

Институт демографических
исследований РАН —
обособленное подразделение
Федерального научно-исследовательского
социологического центра РАН,
руководитель отдела геоурбанистики
и пространственной демографии,
кандидат экономических наук, Москва, Россия.
E-mail: vadim_ispr@mail.ru

Аннотация

Малые города обладают беспрецедентным социально-экономическим и культурным потенциалом для развития регионов России, который проявляется в их уникальных особенностях: компактностью, историческим наследием, существованием редких производств и локальной экономикой. В то же время сегодня в России реализации их потенциала препятствует в первую очередь сложившаяся система политических институтов и практик.

В работе исследуется потенциал развития малых городов применительно к российскому контексту. Так, рассматриваются особенности малых городов, выделяются их экономические, социальные и политические проблемы. На примере наиболее успешных анализируется потенциал малых городов в различных секторах экономики (первичном, вторичном и третичном). Практическая значимость исследования состоит в возможности использования в практике российского управления опыта развития потенциала малых городов в различных секторах экономики. В итоге делается вывод, что малые города могут быть экономически и социально эффективными поселениями, то есть вполне конкурентоспособной урбанизированной единицей. Однако инструменты развития подобных территорий должны быть сосредоточены на поддержке перспективных направлений развития, предоставлять возможность самостоятельного и ответственного развития.

Ключевые слова:

малые города,
урбанизация,
секторы экономики,
потенциал развития,
пространственное развитие

¹ Статья подготовлена по результатам исследования, выполненного при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 21-011-31803 (опн) «Государственная политика России по развитию крупных агломераций в условиях демографического сжатия: сценарии и вызовы».

Введение

Последнее столетие отметилось ростом роли городов как в социальных, так и в экономических процессах. Данная тенденция носит глобальный характер и является результатом постоянного увеличения городского населения [9, с. 82]. Так, если в начале прошлого века в мире насчитывалось 10 городов с населением более 1 миллиона человек, то уже к 2000 г. это число достигло 400 городов. В большинстве случаев подобный рост был характерен для таких регионов как Северная Америка, Европа и Австралия. Однако на сегодняшний день, основную часть процесса урбанизации составляют регионы Юго-Восточной Азии, Африки, и заметно повышается роль Южной Америки [29, р. 2]. В целом за последние два столетия мир превратился из населения, рассеянного по сельской местности, в население, сконцентрированное в плотных городских районах [30, р. 6].

Относительно мировой тенденции городская система Российской Федерации также характеризуется сосредоточением населения в городах. По состоянию на апрель 2019 года, доля городского населения составила 75 % от общего числа или 109,5 млн человек¹. Вместе с тем существует тенденция усиления неравномерности социально-экономического развития, поскольку население концентрируется в городах Московской агломерации, городах Юга, а также в нефтедобывающих и газодобывающих регионах [1, с. 136]. Наблюдается ситуация нарастающего столичентризма, когда значительная часть финансовых ресурсов, экономической активности и населения страны сосредотачивается в региональных столицах, что приводит к росту неоднородности урбанистической системы страны. В данных обстоятельствах города меньших размеров всё больше начинают выглядеть рудиментарными дотационными образованиями. При этом остаётся непонятной подобная недооценённость малых городов в пространственной структуре России.

Внести ясность в этот вопрос были призваны три группы современных отечественных исследований, проанализированных в рамках данной работы. Первой группе соответствует национальный масштаб. К ней относятся исследования, где описывается современная ситуация развития городов России (Е. А. Коломак [9]), рассматривают-

ся проблемы и тенденции социально-экономического неравенства городов, факторы и барьеры регионального развития (А. Н. Буфетова [1], Н. В. Зубаревич [6]), а также анализируются проблемы и перспективы стратегического планирования и пространственного развития (Е. М. Бухвальд, О. Н. Валентик и др. [2; 3], М. С. Оборин, М. Ю. Шерешева, Н. А. Иванов [16]). Следом, для второй группы характерна направленность на муниципальный уровень и сельские территории. В ней исследуется роль участия жителей во взаимодействии с местной властью (С. Г. Климова, И. А. Климов [8]), рассматриваются направления ресурсного обеспечения деятельности местных органов власти (Е. В. Фролова [19; 20]), анализируется феномен диверсификации сельской экономики и инструменты для развития её потенциала (М. Ю. Шерешева, М. С. Оборин, О. В. Шимук [23; 24]). И наконец, третья группа исследований относится непосредственно к малым городам. Эта группа выступает как промежуточное звено между первыми двумя и составляет основу работы. Для неё характерны исследования, в которых определяются проблемы развития малых городов (С. С. Долгов [5], С. Х. Исмаилова, Е. А. Залетова [7], Т. Г. Лаврова [12]), анализируются вопросы индустриализации малых и средних городов на основе промышленного производства (А. И. Кузнецова [11], А. С. Лучников, Р. С. Николаев [13]), затрагиваются проблемы сферы туризма в малых городах (Ю. Ю. Щегольков, П. В. Метелкина [25]), изучаются вопросы трудовой пространственной мобильности малых поселений (Н. В. Мкртчян, Ю. Ф. Флоринская [14; 15]).

Для дополнения темы был задействован пласт современных зарубежных источников. Необходимость их привлечения обусловлена демонстрацией иностранного опыта с целью получения информации о ситуациях, с которыми российская практика может столкнуться в будущем. Так, на примере малого города Греции рассматривается перспектива внедрения велосипедной дорожной сети (P. Karanikola, T. Panagorououlos, S. Tampakis, G. Tsantopoulos [32]), анализируются роли университета в малых и средних городах (M. Lazzeroni, A. Piccaluga [34]), выполняется сравнительный анализ положения и роли малых и средних городов в Европе (L. Servillo, R. Atkinson, A. Hamdouch [38]), исследуется использование в малых и средних городах Южной Африки зелёной инфраструктуры (С. М. Shackleton, А. Blair, P. De Lacy, Н. Kaoma, N. Mugwagwa, M. T. Dalu,

¹ Численность населения РФ // Росстат. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/# (дата обращения: 08.02.2022).

W. Walto [39]). Остальные исследования характеризуются смешанной направленностью. В их число входит соотношение географического положения и функциональных структур малых городов (J. Banski, K. Czapiewski, M. Gorczyńska [27]), исследование зависимости размера города на экономический рост (S. A. Frick, A. Rodriguez-Pose [31]), краткая методологическая характеристика малых городов (A. Steinführer, A. Vaishar, J. Zapletalová [40]). Зарубежные исследования призваны дополнить российскую практику, позволив как ориентироваться на примеры успешного развития, так и отсеять неэффективные практики.

В своём многообразии большинство из представленных работ обходят тему потенциала развития малых городов. Исключение составляет Т. Г. Лаврова [12]. При этом данная тема связана с обоснованием целесообразности развития любой территории и, в данном случае, предполагает ответ на вопрос в состоянии ли малые города быть экономически эффективными поселениями. В рамках исследования предстоит дать ответ на этот вопрос. Следовательно, целью представленной работы является анализ экономического потенциала малых городов. Под экономическим потенциалом следует понимать совокупность потенциальных возможностей субъекта в применении к экономической деятельности. Предлагается продемонстрировать его на примерах разных секторов экономики. Отсюда практическая значимость исследования состоит в анализе эффективных примеров малых городов в различных секторах экономики страны, от успехов и практик которых можно отталкиваться при построении и развитии комплекса малых городов России.

Малый город и его особенности

Понятие «малый город» часто используется для обозначения простейшего типа городского поселения, который одновременно экономически и культурно более развит относительно окружающей сельской местности. При этом существует несколько подходов для определения статуса такой территории. Например, ООН рекомендует для отделения городских территорий от сельских использовать пороговое значение в 200 метров в качестве максимального расстояния между домами. Иным критерием может выступать совокупное число занятых помещений, как, например, установленный порог в 50 эксплуатируемых жилищ в Ирландии. В некоторых странах, таких как Че-

хия или Германия, статус города присваивается верхним административным уровнем [38, р. 369]. В Нидерландах в таких случаях рекомендуется учитывать плотность населения, где для получения статуса города рассматривается порог в 1000 жителей на кв.км. [37, р. 383].

При этом в Российской Федерации принято использовать демографический критерий, когда тип города определяется численностью его населения. Так, согласно нормативным документам Министерства регионального развития РФ, малому городу соответствовала численность населения менее 50 тыс. человек¹. При этом на федеральном уровне отсутствуют критерии для определения статуса городского поселения, поэтому каждый субъект РФ разрабатывает свои. В большинстве субъектов к городам относят промышленный или исторический или культурный центр с развитой инфраструктурой и численностью населения не менее 10—12 тыс. чел. [4, с. 291]. С учётом этого критерия количество жителей малого российского города находится в пределах 10—50 тыс. человек.

Несмотря на такое небольшое количество жителей, малые города представляют собой важный элемент пространственной и функциональной структуры любой страны. По мнению A. Steinführer, A. Vaishar, J. Zapletalová [40, р. 323], небольшие города облегчают бремя, возлагаемое на более крупные центры, и поэтому могут рассматриваться как структурные узлы в сети населённых пунктов. Такое расположение позволяет им также играть важную роль в качестве региональных центров обслуживания и развития сельских районов. Как считают J. Banski, K. Czapiewski K, M. Gorczyńska [27, р. 119], это особенно заметно в ситуациях укрепления производственных и институциональных структур малых городов. В этом смысле, они используются как центры спроса и распределения товаров в окружающие сельские районы, как местные центры занятости и как места, привлекающие сельскую миграцию. Также малые города могут выступать в качестве центров консолидации несельскохозяйственных видов деятельности путём развития филиалов крупных предприятий [26, р. 39]. Данные роли зависят от конкретного местоположения города. В целом, как отмечается в работе J. A. Berdegue, F. Carrizo, B. Jara, F. Modrego, I. Soloaga [28, р. 57],

¹ Свод правил. Градостроительство. Планировка и застройка городских и сельских поселений : СНиП 2.07.01-89 // Минрегион России. URL: <http://docs.cntd.ru/document/1200084712> (дата обращения: 08.02.2022).

влияние малого города на окружающую территорию зависит от существующих социальных и экономических структур, властных отношений между ними и от стратегий развития на национальном уровне.

Кроме того, малые города являются важным элементом развития экономического и социального пространства регионов, поскольку обуславливают их внутреннюю территориальную связанность [36, р. 136]. Помимо узкой специализации каждого малого города, в таких поселениях люди относительно неплохо знают друг друга, сохраняя связь с землёй, хозяйством и окружением, что может являться экономическим стабилизатором в случае региональных и национальных потрясений. Также стоит отметить, что наличие малых городов позволяет участвовать в системе освоения территорий, добывая природные ресурсы и обеспечивая развитие отдаленных регионов.

Как отмечается в работе D. Pojani, D. Stead [35, р. 7786], сами по себе малые города могут предложить больший потенциал для более устойчивых преобразований, чем региональные столицы, поскольку их размер обеспечивает гибкость в плане расширения городов, принятия «зеленых» способов передвижения и защиты окружающей среды. Затопы, высокая арендная плата и загрязнение не возникают в малых городах в той же степени, что и в крупных городах [31, р. 15]. При надлежащем видеении руководства они более устойчивы, чем их крупные коллеги [39, р. 2]. По мнению С. Х. Исмагиловой и Е. А. Залетовой [7, с. 162], малые города также сдерживают разрастание мегаполисов, сохраняют экологическое равновесие и систему расселения регионального уровня. Что же касается национального уровня, то здесь выступает главная особенность малых городов — культурная составляющая. В эпоху глобализации, когда мегаполисы развиваются по международным стандартам, идентичность территорий сохраняется благодаря малым городам как сосредоточиям культуры и самобытной привлекательности.

Все описанные особенности диктуют необходимость поддержания и развития малых городов, а приведённые позиции свидетельствуют о государственной важности этих поселений. Однако на сегодняшний день существует ряд объективных проблем, которые приводят к упадку и подавлению малых городов своими большими городами-соседями. Данная проблема особенно остро проявляется в России, на примере которой

можно предположить, как следует развивать выявленные особенности малого города.

Проблемы малых городов в России

Малые города представляют наиболее массовую группу поселений в РФ. Как отмечает коллектив авторов Института экономики РАН [2, с. 60], доля малых городов в пространственной структуре Российской Федерации составляет 72 %. Перепись населения 2010 г. показала, что суммарное население малых городов в России достигает 16 млн человек. Большинство из них представляют собой районные центры, зона влияния которых охватывает ещё около 10 млн человек. Это позволяет сделать вывод, что примерно 16 % населения России проживает в малых городах. Доля повышается до 20 %, если учитывать их зоны влияния на близлежащие поселения. Ученые РАН также отмечают [3, с. 173], что существует географическая диспропорция числа малых городов на территории России. Наибольшее их число насчитывается в Центральном федеральном округе (ЦФО) (224 ед.), в то время как наименьшее сосредоточено в Северо-Кавказском федеральном округе (СКФО) (32 ед.). В целом, по состоянию на 1 января 2018 года насчитывалось 789 малых городов¹. Однако такое количество совершенно не отражает того факта, что развитие малых городов в России происходит медленно и неэффективно [12, с. 204]. В них повсеместно проявляется влияние многочисленных экономических, социальных и политических проблем.

Корнем **экономических проблем** А. И. Кузнецова [11, с. 42] считает всю экономическую структуру небольших городов России, которая в большинстве случаев не соответствует современным требованиям рыночной экономики. На данный момент, многим из них присущ моноотраслевой уклад, а промышленные предприятия характеризуются технологической отсталостью, низкой конкурентоспособностью и высоким уровнем износа основных фондов. По мнению А. Э. Крупко [10, с. 19], существует проблема роста безработицы в малых городах, в то время как заработная плата остаётся достаточно низкой относительно крупных городов. В разы ниже оборот розничной торговли [14, с. 7]. Как замечает С. Хаматханова [21, с. 829], наиболее

¹ Численность населения РФ по муниципальным образованиям // Росстат. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/afc8ea004d56a39ab251f2bafc3abf6e (дата обращения: 08.02.2022).

существенно, что в сфере занятости малых городов наблюдается сосредоточение работников физического труда с низкой и средней квалификацией. Подобная ситуация усугубляется недостатком финансовых ресурсов и сопровождается неблагоприятным инвестиционным климатом [17, с. 371]. Недостаток средств провоцирует экономическую рецессию, когда города оказываются неспособны нести социальные обязательства перед жителями, что, в свою очередь, порождает ряд серьёзных **социальных проблем**.

Первым результатом такой ситуации становится проблема поддержания городской инфраструктуры в надлежащем состоянии. С точки зрения Е. В. Фроловой [19, с. 102] это наиболее заметно в комплексе ЖКХ, где наблюдается изношенность инженерных сетей, увеличение общей площади аварийного жилищного фонда и низкое качество работы коммунальных служб. Существующие объекты культурно-досуговой сферы недостаточно разнообразны, а центры часто характеризуется фрагментарностью, заброшенными территориями и требующими реконструкции зданиями [18, с. 63]. Вслед за этим на низком уровне остаётся качество оказываемой медицинской помощи, профилактической работы и ранней выявляемости заболеваний [22, с. 304—305]. При этом первостепенной остаётся проблема обеспеченности населения медицинскими специалистами. Помимо этого, важной проблемой остаётся транспортно-коммуникационная оторванность малых городов России от основных научных, экономических и культурных центров, а в ряде случаев сезонная доступность городов. С точки зрения Н. В. Мкртчяна [15, с. 226], всё это приводит к ежегодному сокращению численности населения малых городов, в том числе за счет оттока молодежи и людей трудоспособного возраста. В результате, малые города характеризуются массовой деформацией половозрастной структуры населения, повышенным пенсионным возрастом и пониженным трудоспособным.

Данные проблемы часто связывают с компетенциями управленческих структур малых городов, апеллируя к существованию **политических проблем**. Сегодня существует потребность в привлечении и закреплении на муниципальной службе кадров высокой квалификации. [20, с. 56]. Низкое качество социальных и экономических условий непосредственно влияет на количество структурных подразделений в местных администрациях и на их кадро-

вый состав. Результатом этого становится ситуация, когда городские власти не обладают полным набором инструментов для реализации крупных проектов. По мнению Н. В. Зубаревич [6, с. 19], существует сильная зависимость местных органов от трансфертов высших уровней, то есть наблюдается ситуация дотационности местных бюджетов и ограниченность их наполняемости. В то же время, многократное движение финансовых средств между бюджетами разных уровней влечет за собой усложнение взаимодействия властей всех уровней, рост бюрократического аппарата и коррупции. Важно отметить, что, наблюдается низкий уровень одобрения деятельности местного самоуправления в регионах [8, с. 56]. В конечном итоге, отсутствует качественное функционирование институтов частной собственности.

Весь описанный комплекс проблем провоцирует постепенное исчезновение городских малых поселений. Но, вопреки потрясениям, малые города продолжают играть роль столиц сельских районов или даже регионов страны. Как отмечает С. С. Долгов [5, с. 16], они своего рода средоточие жизни, своеобразные «опорные точки» территорий, транспортно-распределительные узлы, а также места расположения промышленных предприятий, научных центров, и, в большинстве случаев, единственные очаги образования и культуры. Такая ситуация вынуждает искать обоснованные меры по разрешению данных проблем. В этом ключе это оказывается особенно важным для перехода от сырьевой экономики страны к инновационной и диверсифицированной, где основное значение может иметь привлечение потенциала малых городов.

Показательные примеры развития

Для того чтобы использовать потенциал малых городов для данной цели, необходимо представлять структуру экономической системы государства. В этом случае следует использовать теорию секторов, разработанную А. Фишером, К. Кларком и Ж. Фурастье в работах 1935—1949 гг. Её авторы утверждали, что экономика любой страны состоит из трёх секторов: первичный, к которому принято относить добычу сырья, сельское хозяйство, рыбные промыслы; вторичный, который характеризуется промышленностью и строительством; третичный, в котором преобладает сфера услуг в виде торговли, туризма и пр. Также из третичного сектора

часто выделяют четвертичный, в который включают научные разработки и технологии, отрасли передового образования¹.

Опираясь на данные этой теории, следует распределить малые города по секторам экономики страны. Сделать это необходимо в рамках комплексной стратегии развития города. Это позволит выявить специфику каждого поселения, нацелив его потенциал в конкретном направлении и создать площадку для дальнейшего расширения в другие сектора экономики. Процесс освоения сектора также будет сопровождаться решением обозначенных проблем в силу экономического роста города. Можно ожидать, что в результате такой практики произойдет расширение возможностей всей экономической системы России. Примером же подобного секторального развития могут выступать успешные, в том числе зарубежные малые города.

Первичный сектор

Сразу следует отметить, что первичный сектор всегда сосуществует со вторичным и резко детерминирован географическим положением города. В этой связи особое место в первичном секторе может занимать сельское хозяйство, поскольку его организация в разных видах менее зависима от местоположения. В таких случаях, например, сельские территории могут специализироваться на производстве, хранении и транспортировке сельскохозяйственного сырья, в то время как в малых городах будет осуществляться его переработка и реализация [23, с. 637]. С точки зрения О. В. Шимук, такая интеграция позволит развивать кооперацию и поспособствует развитию малых форм хозяйствования, расширив возможности для занятости населения на обоих видах территорий [24, с. 109].

Однако и сама территория малого города может иметь значительный сельскохозяйственный потенциал. Показательным примером может являться муниципалитет Баэна в Испании — город с 20 207 жителями, расположенный к юго-востоку от провинции Кордова. Муниципалитет занимает площадь 362,51 квадратных километров, которые почти полностью посвящены сельскому хозяйству. Баэна играет важную роль в производстве оливкового масла в Испании, ведущей стране в этом секторе. Сельскохозяйственный сектор традиционно основывался на

поликультуре, в частности определялся выращиванием зерновых, масличных и виноградных лоз, а также животноводством, что оказало положительное влияние на местную экономику, поскольку, расширение производства в течение года позволяло создавать рабочие места. При этом в последние годы город сосредоточился на производстве оливкового масла, которое является высоко конкурентным и признанным товаром в этом секторе на международном уровне. Начали появляться инициативы для развития сектора, способствующие большей диверсификации и специализации, а также увеличению производственных и продовольственных площадей для создания ещё большего количества рабочих мест и местного снабжения сельскохозяйственной продукцией.

В недавних и будущих местных планах основное внимание уделяется реализации «Стратегии комплексного, разумного, устойчивого и инклюзивного развития», которая в значительной степени связана с природным и культурным потенциалом территории². Дело в том, что центральное положение Баэны в ряде небольших городов и поселений привело к тому, что город постепенно специализируется на административных функциях и сфере услуг. В связи с этим, были использованы значительные усилия по расширению его богатого культурного наследия. Благодаря экономической развитости поселения, были привлечены государственные инвестиции, которые позволили восстановить важные археологические памятники, в том числе средневековый замок, а также возвести новые объекты, например, такие, как Музей выращивания оливок.

Опыт Баэны демонстрирует, что на начальном этапе сельскохозяйственные регионы могут играть важную экономическую роль. Такая стратегия уже позволила решить часть экономических проблем, в том числе занятости и инвестиционной привлекательности. Однако не следует экстраполировать испанский пример на российские реалии. Россия уже обеспечивает себя продовольствием с Юга, где существуют эффективные диверсифицированные сельскохозяйственные регионы. Новые хозяйства могут оказаться крайне нерентабельной деятельностью. Внимание следует сосредоточить на промышленных предприятиях, которые часто определяют экономическую структуру российских малых городов.

¹ Kenessey Z. The Primary, Secondary, Tertiary And Quaternary Sectors Of The Economy // The Review Of Income And Wealth. 1987. Vol. 33 (4). P. 363.

² The local food in urban forks // Agri-Urban Baseline Study. URL: https://urbact.eu/sites/default/files/agri-urban_baseline_study_vf_january_2017.pdf (дата обращения: 08.02.2022).

Вторичный сектор

Поскольку в большинстве случаев малый город — это средоточие близлежащих сельских территорий, то его экономика оказывается ориентирована на переработку и производство конечной продукции. Такие города становятся промышленными центрами, занимая значимую долю вторичного сектора. В данном случае главным фактором развития промышленности выступают трудовые ресурсы, которые в рамках стратегии формирования промышленных площадок, создания территорий с особым статусом управления, а также путём развития инфраструктуры, позволят решить целый комплекс проблем — от оттока населения до инвестиционной привлекательности. Более того, это даст возможность организовать специализированные учреждения медицины, культуры, ЖКХ, что положительно отразится на удовлетворении потребностей жителей [16, с. 446]. Само же расположение промышленных предприятий обеспечит жителей малых городов рабочими местами, а рынок промышленными товарами. Достичь этого предлагается через привлечение предприятий из крупных городов в малые.

Главным стимулом для предприятий к переходу в юрисдикцию малых городских поселений было и есть преимущества, связанные со снижением издержек производства, расширения бизнеса, а также сниженные ставки на приобретение или аренду земли. Наиболее оптимальными могут стать места для размещения цехов, филиалов и узкоспециализированных производств, легко «вписывающихся» в системы коммунального оборудования этих городов. Такой путь дисперсного размещения промышленности представлен в городах Подмосковья предприятиями машиностроения и легкой промышленности. Он сильно смягчается тенденцией к узкой специализации ряда производств, позволяющей упростить подготовку для них кадров в малых городах.

Однако наиболее показательным примером может служить малый город Губаха Пермского края, который образует Губахинский промышленный узел и специализируется на электроэнергетике, коксо- и газохимии. При населении 19,5 тыс. человек, в центре производится порядка 2,2 % промышленной продукции края, в первую очередь благодаря устойчивому положению на рынке ПАО «Метафракс». С ним связаны планы по модернизации для производства и переработки аммиачной продукции, что определяет потенциал дальнейшего разви-

тия города. Дополняют промышленность в центре производство кокса, пищевое производство, электроэнергетика, производство абразивных материалов, производство и ремонт электрооборудования [13, с. 108].

Сам город организован как диверсифицированная промышленная территория, где важными являются сразу несколько отраслей. В то же время он не может соперничать с другими промышленными узлами края по объемам производства, уровню сосредоточения квалифицированных кадров и активности рыночно-сбытовых связей. В первую очередь это связано с размерами городского поселения. Его расширение возможно за счет близлежащих поселений, в целях развития лесоперерабатывающей отрасли, стройиндустрии и небольших предприятий общего машиностроения.

В целом Губаха представляет собой пример точки промышленного роста, создающей импульсы социально-экономического развития региона. Такое положение позволило городу разрешить главные экономические проблемы, в частности помогло ликвидировать моноотраслевой уклад и создать современное рыночно ориентированное производство. Следует полагать, что последующее решение социальных проблем будет связано с политикой городских предприятий и затронет, в первую очередь, работников промышленной сферы. Остальные проблемы могут быть решены развитием третичного сектора, поскольку, будучи центром роста, Губаха постепенно движется в сторону развития сферы услуг. Подобная ситуация характерна для многих малых городов России, поскольку не все из них могут позволить себе создать, сохранить и развить промышленное производство.

Третичный сектор

Из всего разнообразия сфер третичного сектора зачастую единственным вариантом решения проблем для малых городов становится развитие туристической сферы [25, с. 87]. Это обусловлено тем, что в российских малых городах сосредоточено богатое культурно-историческое наследие. У многих из них существует практически неисчерпаемый ресурсный потенциал, который можно использовать для замены популярных зарубежных направлений в нише туров выходного дня.

Развитие туризма может помочь возродить малые города путем создания новых рабочих мест и привлечения инвестиций, что, в свою очередь, поспособствует росту

городского бюджета, а значит, и уровню жизни населения. Более того, это решает обозначенную ранее проблему качества инфраструктуры, поскольку туристические инвестиции и плата за пользование будет способствовать активному освоению территории и улучшению социально-экономического развития малых городов. Кроме того, туризм может способствовать внедрению устойчивых способов развития. Например, небольшие города с высоким туристическим потенциалом могут извлечь наибольшую выгоду из медленного туризма, который предполагает использование велосипедной дорожной сети [32, р. 3]. Для этих целей следует сформировать инвестиционную привлекательность за счёт федеральных и региональных программ. Поскольку инвестиционная привлекательность малых городов и столиц регионов взаимосвязана, то, в первую очередь, необходимо осуществлять связь и сотрудничество между ними.

Примером качественного развития туризма является город Углич в Ярославской области, который обладает богатым историко-культурным наследием [25, с. 89]. В начале 2000-х гг. в городе закрылся часовой завод, который выступал градообразующим предприятием. В это же время начали появляться частные фирмы, занимающиеся восстановлением народных промыслов, созданием сувенирной продукции и осуществлением туристических услуг. Принимая специфику города, руководство Углича совместно с предпринимателями и городскими сообществами в 2002 г. разработали стратегию, которая обозначает главной точкой роста экономики города сферу туризма. На данный момент, вся туристическая инфраструктура города опирается на 14 частных или совместного пользования музеев и один государственный, а также работу 8 гостиниц и 20 гостевых домов. С конца 2009 года открыт собственный информационный центр. Ежегодно проводятся четыре фестивала, спонсируемые из местного бюджета.

В итоге, по состоянию на 2017 год Углич посетили примерно 405 тысяч туристов¹. Если учитывать население малого города в 32,1 тысяч человек, то на каждого жителя приходится 13 туристов. Более 7500 жителей имеют прямой или косвенный доход от туристической сферы, а бюджет имеет прямые поступления, которые инвестируются в реставрацию и поддержание исторического наследия и инфраструктуры города.

Развитие туризма в Угличе показывает, как возможно благодаря работающей стратегии возродить малый город, привлечь инвестиции и создать рабочие места, способствуя росту уровня жизни населения и городского бюджета. В данном случае, Углич обладает эффективным инструментом решения экономических и социальных проблем. Однако необходимо учитывать то, что не все малые города располагают туристическим потенциалом или выгодным географическим расположением, а их промышленное производство может развиваться медленно или находится в упадке. В таком случае возможно использование ресурсов научной среды.

Четвертичный сектор

Как замечает Kwiatk-Solys [33, р. 104], развитие городов сегодня зависит не только от рабочей силы, но также от доступности и качества передачи знаний. Научные знания приобретают все более международный характер и являются результатом взаимодействия научных сообществ. В связи с такой тенденцией небольшие городские центры могут стать двигателем местного развития, занимая научные ниши и развивая конкретные области науки и техники. В этом контексте основными игроками в преобразовании и росте малых городов могут выступать университеты [34, р. 11]. Для города это становится выгодным в силу того, что академическое сообщество для собственного выживания всегда активно участвует в интернационализации исследований и привлечении талантливых студентов и исследователей. Их присутствие помимо государственной поддержки, поможет привлечь альтернативные формы финансирования. Ведь маловероятно, что высокотехнологичные компании будут активны в небольших городах без присутствия научных кругов.

С точки зрения Lazzeroni [34, р. 13], университеты играют также важную культурную роль в городе, поскольку для собственных нужд часто восстанавливают исторические здания и помещения, а также создают новые, предназначенные для исследований и обучения. В то же время университет может играть гражданскую роль, оказывая поддержку в создании социальных пространств и в определении общего видения развития города. В этом смысле вклад университетов в развитие городов включает социальную интеграцию, демократическое участие и территориальную устойчивость. Все это прямо и косвенно способствует экономическому развитию города.

¹ Лучшие города по числу туристов на жителя // Тур-Стат. URL: <http://turstat.com/populatowntourismrussia> (дата обращения: 08.02.2022).

Примером качественного взаимодействия малого города и академической среды является город Пущино Московской области с населением в 21 тыс. человек. Градообразующие учреждения города представляют собой 9 институтов РАН, преимущественно биологического профиля, а также филиал Физического института РАН, в которых работает около 2500 человек¹. В городе более 20 действующих промышленных предприятий, которые активно сотрудничают с научным сообществом. Их деятельность связана с внедрением в медицину, биотехнологию, сельское хозяйство достижений фундаментальных исследований. Например, «Диакон-ДС», занимается диагностическим контролем в области медицины, «ДиСи» изготавливает инструменты для ожоговых центров, а «НПФ Альбит» производит химические средства защиты растений.

Научный потенциал Пущино также позволил развить предприятия малого и среднего бизнеса, такие как «Перфто-ран», которое является единственным предприятием в мире, производящее кровезаменитель с газотранспортной функцией на основе субмикронной перфторуглеродной эмульсии, или «Тест Пущино» — лабораторию по контролю качества пищевой продукции. Подобные предприятия создают более 35 % налоговых поступлений городу. В результате, в течение последних трех лет вкпе с реализацией городских и областных целевых программ наблюдается рост собственных доходов местного бюджета. Привлечение инвестиций в наукоёмкие производства — один из основных способов, стимулирующих социально-экономическое развитие города.

Таким образом, развитие Пущино показывает, что в России существует возможность сформировать малый город как центр научных исследований, выполняющий целевые наукоёмкие государственные программы, обеспечивающие мировой уровень исследований в области физико-химической биологии и биотехнологии. В таких городах комплексно решаются социально-экономические проблемы, концентрируется научный и производственный потенциал государства, поэтому их появление и развитие следует считать главной задачей по созданию инновационной экономики России.

¹ Национальный доклад «Высокотехнологичный бизнес в регионах России». Вып. 2 / под ред. С. П. Земцова. М. : РАНХиГС, АИПП, 2019. URL: <https://www.ranepa.ru/images/News/2019-03/24-03-2019-nacdoklad.pdf> (дата обращения: 08.02.2022).

Заключение

Таким образом, сегодня в России всё более наблюдается ситуация нарастающего стоицентризма, когда значительная часть финансовых ресурсов, экономической активности и населения страны сосредотачивается в региональных столицах, в то время как малые города характеризуются экономической отсталостью, что часто связывается с их низким экономическим потенциалом. Цель данной работы состояла в анализе этого потенциала и ответе на вопрос об экономической эффективности малых городов.

В первой части работы были даны подходы к определению понятия «малый город», продемонстрированы теоретические роли, которые малые города могут играть в сельскохозяйственной и несельскохозяйственной деятельности, а также в развитии экономического и социального пространства регионов. Оказалось, что они выступают устойчивыми центрами территорий, сохраняют бытовую культуру страны и природную привлекательность. Это позволяет им проводить более гибкую политику, чем их крупные коллеги. Данные особенности диктуют необходимость поддержания и развития малых поселений, говорят об их государственной важности в структуре любой страны.

При этом наряду с достоинствами, существует большое количество проблем, которые на примере России были условно разделены на экономические, социальные и политические и в силу описанных достоинств нуждаются в определённых мерах по разрешению. С этой целью в рамках исследования, было предложено распределить малые города по секторам экономики страны. Использовались примеры уже существующих устойчивых малых городов, занявших тот или иной сектор.

Так, на примере иностранного города Баэны можно утверждать, что развитые сельскохозяйственные малые города играют важную экономическую роль и могут легко осваивать первичный сектор экономики. С учётом того, что экономика огромного количества малых городов в России представлена во вторичном секторе, пример города Губаха был призван обнаружить ключевую роль малых городов в промышленной сфере. Вслед за этим, учитывалось, что не все малые города могут позволить себе развивать промышленное производство, поэтому опыт Углича был необходим для демонстрации возможностей малых городов в третичном секторе. В силу того, что развитие городов сегодня зависит от качества передачи знаний, пример Пущино показал, что малые

города могут вполне успешно участвовать в развитии современной инновационной экономике четвертичного сектора.

Результаты анализа позволяют обнаружить успешное разрешение экономических и социальных проблем малыми городами. Так, Баэна демонстрирует, что на начальном этапе сельскохозяйственная ориентированность решает проблему занятости и инвестиционной привлекательности; промышленная Губаха показывает как возможно создать современное рыночно ориентированное производство; Углич является примером туристической стратегии, позволившей привлечь инвестиции и увеличить уровень жизни, и, наконец, Пущино, который удалось сформировать как центр научных исследований. Все эти примеры позволяют сделать вывод, что в ситуации качественного развития своего потенциала малые города могут являться экономически эффективными поселениями.

Сейчас можно говорить о том, что малые города не в состоянии решить свои политические проблемы, поскольку существует ситуация реальной зависимости муниципального уровня от центральной власти. Главным образом это связано с контролируемым распределением трансфертов, когда муниципальный уровень зависит от финансовых дотаций центра, а часть значимых налогов находится в ведении федерального уровня. В такой ситуации невозможно начать инвестиционные проекты или реализовать стратегии развития, поскольку необходимо ожидать недостающих финансовых ресурсов, которые изначально могли быть у малого города. Лишение значительной части доходов и асимметричное перераспределение провоцирует усиление иждивенчества и пассивности муниципального уровня, рост коррупции и непопулярность местной власти. Появляется угроза эффективному управлению муниципальной собственностью и получению прибыли от её использования. В такой ситуации, которая явилась результатом зависимости муниципальной власти от вышестоящих уровней, малый город лишается каких-либо экономических и политических инструментов качественного раскрытия своего экономического потенциала.

Для решения данной проблемы необходимо, чтобы политика развития малых городов была нацелена на стимулирование самостоятельного развития и осуществления деятельности преимущественно на базе собственных возможностей. Данный процесс может быть успешен лишь в случае равноправного взаимодействия всех уров-

ней, когда малые города могут самостоятельно распоряжаться своими ресурсами на выгодных для условиях. Это станет возможным только в результате принятия на федеральном уровне программы, направленной на создание условий саморазвития малых городов.

Подобная децентрализация — сложный переход, однако она даёт возможность заменить ожидание федеральных трансфертов политикой улучшения институтов в условиях конкуренции за инвестиции и человеческий капитал. Внедрение данных изменений необходимо в силу того, что в малых городах сосредоточен экономический потенциал, которому не даёт раскрыться существующая политическая практика.

Статья поступила в редакцию 11.02.2022

1. Буфетова А. Н. Социально-экономическое развитие городов России: основные тенденции и факторы // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Социально-экономические науки. 2015. Т. 15, вып. 4. С. 124—138.

2. Бухвальд Е. М., Валентик О. Н., Кольчугина А. В., Одинцова А. В. Стратегическое планирование для малых городов России // Вестник ИЭ РАН. 2017. № 3. С. 53—70.

3. Бухвальд Е. М., Валентик О. Н. Малые города в системе пространственного регулирования российской экономики // Региональная экономика. Юг России. 2018. № 1, вып. 19. С. 169—180.

4. Гатаулина Е. А. Город или село? Анализ законодательства субъектов Российской Федерации // Никоновские чтения. 2015. № 20, вып. 1. С. 291—297.

5. Долгов С. С. Проблемы развития малых городов Алтайского края // Актуальные вопросы функционирования экономики Алтайского края. 2014. № 6. С. 16—33.

6. Зубаревич Н. В. Региональное развитие и региональная политики в России // ЭКО. 2014. № 4. С. 7—27.

7. Исмагилова С. Х., Залетова Е. А. К вопросу градостроительного развития малого города // Известия КГАСУ. 2016. № 4, вып. 38. С. 162—166.

8. Климова С. Г., Климов И. А. Взаимодействие горожан с властью: компетентное участие и проблема посредников // Социологические исследования. 2015. № 4, вып. 372. С. 51—57.

9. Коломак Е. А. Развитие городской системы России: тенденции и факторы // Вопросы экономики. 2014. № 10. С. 82—96.

10. Крупко А. Э. Проблемы устойчивого развития муниципальных образований России // Финансы, экономика, стратегия. 2014. № 8. С. 17—22.

11. Кузнецова А. И. Индустриализация инфраструктурной сферы городов России // Вестник Московского университета им. С. Ю. Витте. Серия 1. Экономика и управление. 2015. № 3, вып. 14. С. 37—42.

12. Лаврова Т. Г. Роль и потенциал малых городов в развитии региона (на примере краснодарского края) // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 399. С. 204—211.

13. Лучников А. С., Николаев Р. С. Основные элементы и особенности территориальной организации промышленного комплекса Пермского края // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. География. Геология. 2017. Т. 3 (69), № 3-2. С. 102—114.

14. Мкртчян Н. В., Флоринская Ю. Ф. Трудовая пространственная мобильность россиян на примере жителей малых городов. М. : РАНХиГС. 2016. 72 с.

15. Мкртчян Н. В. Миграция молодежи из малых городов России // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2017. № 1. С. 225—242.

16. Оборин М. С., Шерешева М. Ю., Иванов Н. А. Обоснование стратегических ориентиров социально-экономического развития малых городов России // Вестник Пермского университета: Экономика. 2017. Т. 12, № 3. С. 437—452.

17. Оборин М. С., Шерешева М. Ю., Пахалов А. М. Институциональная среда как фактор формирования инвестиционного климата малых городов России // *Ars Administrandi*. 2017. Т. 9, № 3. С. 370—394.

18. Ращенко А. В., Перькова М. В. Проблема развития общественных пространств в малых городах // Вестник БГТУ им. В. Г. Шухова. 2015. № 1. С. 61—64.

19. Фролова Е. В. Ресурсы модернизации социальной инфраструктуры муниципальных образований Российской Федерации // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2014. № 1. С. 100—113.

20. Фролова Е. В. Социальная инфраструктура российских муниципальных образований: состояние и ресурсы модернизации // Социологические исследования. 2014b. № 12, вып. 368. С. 51—58.

21. Хаматханова М. А. Безработица в Российской Федерации в условиях экономических санкций: причины, последствия, способы эффективной занятости населения // *Фундаментальные исследования*. 2015. № 11. С. 828—831.

22. Шерешева М. Ю., Оборин М. С., Костанян А. А. Особенности оценки качества жизни населения малых городов // *Ars Administrandi*. 2017. Т. 9, № 2. С. 289—311.

23. Шерешева М. Ю., Оборин М. С., Шимук О. В. Разработка направлений диверсификации сельской экономики в регионах России с учётом потенциала малых городов // Вестник Пермского университета: Экономика. 2017. Т. 12, № 4. С. 632—648.

24. Шимук О. В. Диверсификация сельской экономики как фактор интеграции экономики малых городов и сельских территорий // Устойчивое развитие экономики территорий на основе сетевого взаимодействия малых городов и сельских поселений: сборник статей / под науч. ред. М. Ю. Шерешевой. М. : МГУ, 2018, С. 107—111.

25. Щегольков Ю. Ю., Метелкина П. В. Развитие туризма в малых городах России // Мир новой экономики. 2017. № 1. С. 86—91.

26. Abou-Korin A. A. Small-size urban settlements: Proposed approach for managing urban

future in developing countries of increasing technological capabilities, the case of Egypt // *Ain Shams Engineering Journal*. 2014. Vol. 5(2). pp. 377—390.

27. Banski J., Czapiewski K., Gorczyńska M. Impact Of The Locations Of Small Towns In Mazovia (Poland) On Their Socio-Economic Structure And On Their Role In Relation To The Neighboring Rural Areas // *Journal of Urban and Regional Analysis*. 2016. Vol. 8(2). Pp. 117—131.

28. Berdegue J.A., Carriazo F., Jara B., Modrego F., Soloaga I. Cities, Territories, and Inclusive Growth: Unraveling Urban—Rural Linkages in Chile, Colombia, and Mexico // *World Development*. 2015. Vol. 73. Pp. 56—71.

29. Chen M., Zhang H., Liu W., Zhang W. The Global Pattern of Urbanization and Economic Growth: Evidence from the Last Three Decades // *PLoS ONE*. 2014. Vol. 9(8): e103799. pp. 1—15.

30. Farrell K. The Rapid Urban Growth Triad: A New Conceptual Framework for Examining the Urban Transition in Developing Countries // *Sustainability*. 2017. Vol. 9(8): 1407. pp. 1—19.

31. Frick S.A., Rodriguez-Pose A. Big or Small Cities? On city size and economic growth // *Growth and Change*. 2018. Vol. 49 (1). pp. 4—32.

32. Karanikola P., Panagopoulos T, Tampakis S., Tsantopoulos G. Cycling as a Smart and Green Mode of Transport in Small Touristic Cities // *Sustainability*. 2018. Vol. 10. pp. 1—18.

33. Kwiatek-Sołtys A., Mainet H. Quality Of Life And Attractiveness Of Small Towns: A Comparison Of France And Poland // *Questiones Geographicae*. 2014. Vol. 33(2). pp. 103—113.

34. Lazzeroni M., Piccaluga A. Beyond 'town and gown': the role of the university in small and medium-sized cities // *Industry & Higher Education*. 2015. Vol 29(1). pp. 11—23.

35. Pojani D., Stead D. Sustainable Urban Transport in the Developing World: Beyond Megacities // *Sustainability*. 2015. Vol. 7. P. 7784—7805.

36. Polska A., Polski J. Urban Marketing Of Small Cities // *Barometr Regionalny*. Vol. 15(2). 2017. Pp. 129—136.

37. Russo A. P., Gine D. S., Perez Albert M. Y., Brandajs F. Identifying And Classifying Small And Medium Sized Towns In Europe // *Tijdschrift voor Economische en Sociale Geografie*. 2017. Vol. 108 (4). pp. 380—402.

38. Servillo L., Atkinson R., Hamdouch A. Small And Medium-Sized Towns In Europe: Conceptual, Methodological And Policy Issues // *Tijdschrift voor Economische en Sociale Geografie*. 2017. Vol. 108(4). pp. 365—379.

39. Shackleton C.M., Blair A., De Lacy P., Kaoma H., Mugwagwa N., Dalu M.T., Walton W. How important is green infrastructure in small and medium-sized towns? Lessons from South Africa // *Landscape Urban Plan*. 2016. Vol. 180. Pp. 273—281.

40. Steinführer A., Vaishar A., Zapletalová J. The Small Town In Rural Areas As An Underresearched Type Of Settlement // *Europ. Countrys*. 2016. Vol. 4. Pp. 322—332.

References

1. Bufetova A.N. (2015) *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Sotsial'no-*

- ekonomicheskkiye nauki*, vol. 15, no. 4, pp. 124—138. [in Rus].
2. Bukhval'd Ye.M., Valentik O.N., Kol'chugina A.V., Odintsova A.V. (2017) *Vestnik IE RAN*, no. 3, pp. 53—70. [in Rus].
 3. Bukhval'd Ye.M., Valentik O.N. (2018) *Regional'naya ekonomika. Yug Rossii*. no. 1, iss. 19, pp. 169—180. [in Rus].
 4. Gataulina Ye.A. (2015) *Nikonovskiye chteniya*, no. 20, pp. 291—297. [in Rus].
 5. Dolgov S.S. (2014) *Aktual'nyye voprosy funktsionirovaniya ekonomiki Altayskogo kraya*, no. 6, pp. 16—33. [in Rus].
 6. Zubarevich N.V. (2014) *EKO*. no. 4, pp. 7—27. [in Rus].
 7. Ismagilova S.KH., Zaletova Ye.A. (2016) *Izvestiya KGASU*. no. 4, vyp. 38. pp. 162—166. [in Rus].
 8. Klimova S.G., Klimov I.A. (2015) *Sotsiologicheskkiye issledovaniya*, vol 4, no. 372, pp. 51—57. [in Rus].
 9. Kolomak Ye.A. (2014) *Voprosy ekonomiki*, no. 10, pp. 82—96. [in Rus].
 10. Krupko A.E. (2014) *Finansy, ekonomika, strategiya*, no. 8, pp. 17—22. [in Rus].
 11. Kuznetsova A.I. (2015) *Vestnik Moskovskogo universiteta im. S.YU. Vitte. Seriya 1, Ekonomika i upravleniye*, no. 3, vol. 14, pp. 37—42. [in Rus].
 12. Lavrova T.G. (2015) *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 399, pp. 204—211. [in Rus].
 13. Luchnikov A.S., Nikolayev R.S. (2017) *Uchenyye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Geografiya. Geologiya*, vol. 3 (69), no. 3-2, pp. 102—114. [in Rus].
 14. Mkrtchyan N.V., Florinskaya YU.F. (2016) *Trudovaya prostranstvennaya mobil'nost' rossiyan na primere zhiteley malykh gorodov*. Moscow, RANEP. 72 p. [in Rus].
 15. Mkrtchyan N.V. (2017) *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskkiye i sotsial'nyye peremeny*, no. 1, pp. 225—242. [in Rus].
 16. Oborin M.S., Sheresheva M.YU., Ivanov N.A. (2017) *Vestnik Permskogo universiteta: Ekonomika*, vol 12, no. 3, pp. 437—452. [in Rus].
 17. Oborin M.S., Sheresheva M.YU., Pakhalov A.M. (2017) *Ars Administrandi*, vol 9, no. 3, pp. 370—394. [in Rus].
 18. Rashchenko A.V., Per'kova M.V. (2015) *Vestnik BGTU im. V.G. Shukhova*, no. 1, pp. 61—64. [in Rus].
 19. Frolova Ye.V. (2014) *Vestnik RUDN. Seriya: Sotsiologiya*, no. 1, pp. 100—113. [in Rus].
 20. Frolova Ye.V. (2014) *Sotsiologicheskkiye issledovaniya*, no. 12, vyp. 368, pp. 51—58. [in Rus].
 21. Khamatkhanova M.A. (2015) *Fundamental'nyye issledovaniya*, no. 11, pp. 828—831. [in Rus].
 22. Sheresheva M.YU., Oborin M.S., Kostanyan A.A. (2017) *Ars Administrandi*, vol 9, no. 2, pp. 289—311. [in Rus].
 23. Sheresheva M.YU., Oborin M.S., Shimuk O.V. (2017) *Vestnik Permskogo universiteta: Ekonomika*, vol 12, no. 4, pp. 632—648. [in Rus].
 24. Shimuk O.V. (2018) *Ustoychivoye razvitiye ekonomiki territoriy na osnove setevogo vzaimodeystviya malykh gorodov i sel'skikh poseleniy*. Moscow, MSU, 2018. pp. 107—111. [in Rus].
 25. Shchegol'kov Yu.Yu., Metelkina P.V. (2017) *Mir novoy ekonomiki*, no. 1, pp. 86—91. [in Rus].
 26. Abou-Korin A.A. (2014) Small-size urban settlements: Proposed approach for managing urban future in developing countries of increasing technological capabilities, the case of Egypt. *Ain Shams Engineering Journal*, vol. 5(2), pp. 377—390. [in Eng].
 27. Banski J., Czapiewski K., Gorczynska M. (2016) Impact Of The Locations Of Small Towns In Mazovia (Poland) On Their Socio-Economic Structure And On Their Role In Relation To The Neighboring Rural Areas. *Journal of Urban and Regional Analysis*, vol. 8(2), pp. 117—131. [in Eng].
 28. Berdegue J.A., Carriazo F., Jara B., Modrego F., Soloaga I. (2015) Cities, Territories, and Inclusive Growth: Unraveling Urban—Rural Linkages in Chile, Colombia, and Mexico. *World Development*, vol. 73, pp. 56—71. [in Eng].
 29. Chen M., Zhang H., Liu W., Zhang W. (2014) The Global Pattern of Urbanization and Economic Growth: Evidence from the Last Three Decades. *PLoS ONE*, vol. 9(8): e103799, pp. 1—15. [in Eng].
 30. Farrell K. (2017) The Rapid Urban Growth Triad: A New Conceptual Framework for Examining the Urban Transition in Developing Countries. *Sustainability*, vol. 9(8): 1407, pp. 1—19. [in Eng].
 31. Frick S.A., Rodriguez-Pose A. (2018) Big or Small Cities? On city size and economic growth. *Growth and Change*, vol. 49(1), pp. 4—32. [in Eng].
 32. Karanikola P., Panagopoulos T, Tampakis S., Tsantopoulos G. (2018) Cycling as a Smart and Green Mode of Transport in Small Touristic Cities. *Sustainability*, vol. 10, pp. 1—18. [in Eng].
 33. Kwiatek-Sołtys A., Mainet H. (2014) Quality Of Life And Attractiveness Of Small Towns: A Comparison Of France And Poland. *Quaestiones Geographicae.*, vol. 33(2), pp. 103—113. [in Eng].
 34. Lazzeroni M., Piccaluga A. (2015) Beyond 'town and gown': the role of the university in small and medium-sized cities. *Industry & Higher Education*, vol 29(1), pp. 11—23. [in Eng].
 35. Pojani D., Stead D. (2015) Sustainable Urban Transport in the Developing World: Beyond Megacities. *Sustainability*, vol. 7, pp. 7784—7805. [in Eng].
 36. Polska A., Polski J. (2017) Urban Marketing Of Small Cities. *Barometr Regionalny*, vol. 15(2), pp. 129—136. [in Eng].
 37. Russo A. P., Gine D. S., Perez Albert M. Y., Brandajs F. (2017) Identifying And Classifying Small And Medium Sized Towns In Europe. *Tijdschrift voor Economische en Sociale Geografie*, vol. 108(4), pp. 380—402. [in Eng].
 38. Servillo L., Atkinson R., Hamdouch A. (2017) Small And Medium-Sized Towns In Europe: Conceptual, Methodological And Policy Issues. *Tijdschrift voor Economische en Sociale Geografie*, vol. 108(4), pp. 365—379. [in Eng].
 39. Shackleton C.M., Blair A., De Lacy P., Kaoma H., Mugwagwa N., Dalu M.T., Walton W. (2016) How important is green infrastructure in small and medium-sized towns? Lessons from South Africa. *Landscape Urban Plan*. Vol. 180. pp. 273—281. [in Eng].
 40. Steinführer A., Vaishar A., Zapletalová J. (2016) The Small Town In Rural Areas As An Underresearched Type Of Settlement. *Eurp. Countrys*, vol. 4, pp. 322—332. [in Eng].

For citing: Smirnov O.O., Bezverbny V.A.
Potential for developing sectors of the economy
of small cities in Russia: modern trends //
Socium i vlast'. 2022. № 1 (91). P. 62—74.
DOI: 10.22394/1996-0522-2022-1-62-74.

UDC 332.1, 314, 364.122.5

DOI: 10.22394/1996-0522-2022-1-62-74

POTENTIAL FOR DEVELOPING SECTORS OF THE ECONOMY OF SMALL CITIES IN RUSSIA: MODERN TRENDS

Oleg O. Smirnov,

Junior Researcher, Department
of Geourban Studies and Spatial Demography,
Institute for Demographic Research, Russian Academy
of Sciences, a separate subdivision
of the Federal Research Sociological Center
of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia.
E-mail: olegsmirnov54@gmail.com

Vadim A. Bezverbny,

Cand.sc.(Economics), Head of the Department
of Geourban Studies and Spatial Demography of
the Institute for Demographic Research of the Russian
Academy of Sciences — a separate division of
the Federal Research Sociological Center
of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia.
E-mail: vadim_ispr@mail.ru

Abstract

Small cities have a unique socio-economic and cultural potential for developing Russian regions, which is manifested in their unique features: compactness, historical heritage, the existence of rare industries and the local economy. At the same time, today in Russia the realization of their potential is primarily hindered by the existing system of political institutions and practices.

The purpose of the work is to analyze the economic potential of small cities.

The paper explores the potential for the development of small cities in relation to the Russian context. So, the authors consider the features of small cities and highlight their economic, social and political problems. As illustrated by the successful ones, the potential of small cities in various sectors of the economy (primary, secondary and tertiary) is analyzed. The practical significance of the study lies in the possibility of using the studied experience in developing the potential of small cities in various sectors of the economy in the practice of Russian management. As a result, it is concluded that small cities as such can be economically and socially efficient settlements, that is, they can be a completely competitive urbanized unit. However, the tools for the development of such territories should be focused on supporting the promising areas of development, providing an opportunity for independent and responsible development.

Keywords:

small cities,
urbanization,
economic sectors,
development potential,
spatial development

Для цитирования: Фам Тиен Бак. Пути влияния конфуцианской этики на современное вьетнамское общество // Социум и власть. 2022. № 1 (91). С. 75—82. DOI 10.22394/1996-0522-2022-1-75-82.

УДК 172

DOI 10.22394/1996-0522-2022-1-75-82

ПУТИ ВЛИЯНИЯ КОНФУЦИАНСКОЙ ЭТИКИ НА СОВРЕМЕННОЕ ВЬЕТНАМСКОЕ ОБЩЕСТВО

Фам Тиен Бак^{1, 2},

¹ Российский университет дружбы народов, кафедра истории философии, аспирант. Москва, Россия.

² Политическая академия Региона II, преподаватель, Хошимин, Вьетнам. E-mail: tienbacht@gmail.com

Аннотация

Конфуцианство в целом и конфуцианская этика в частности, пришедшие во Вьетнам в первые века нашей эры, были восприняты вьетнамскими феодальными династиями и на протяжении длительного времени выполняли соответствующую идеологическую функцию. Конфуцианская мораль заняла важнейшее место во вьетнамской социальной этике и глубоко укоренилась в традиционной жизни вьетнамцев. Влияние конфуцианской этики на общество Вьетнама не ограничивается прошлым. И сегодня она продолжает оказывать как положительное, так и отрицательное влияние на общественную жизнь. Статья направлена на анализ методов воздействия конфуцианской этики на современное вьетнамское общество и связанных с этим проблем. Отмечена значимость обычаев, традиций и верований, культа поклонения предкам; подчеркивается важность нравственного воспитания в семье; влияние общественного мнения. Рассмотрено влияние конфуцианской этики на вьетнамское общество через систему институтов общинного самоуправления в деревнях и коммунах, а также через осуществляемую государством политику. Отмечены противоречия между некоторыми положениями конфуцианской этики и жизнью современного вьетнамского общества. Дальнейшая модернизация, на взгляд автора, должна осуществляться не путем ломки традиционных ценностей, представленных во вьетнамском обществе взятыми из конфуцианства нормами, а приспособлением их отдельных положений к требованиям сегодняшнего дня.

Ключевые слова:

конфуцианская этика во Вьетнаме, культ поклонения предкам, традиционное общество, деревенские конвенции, институты общинного самоуправления

Конфуцианская этика занимает важнейшее место в истории Вьетнама, оказывая значительное влияние на развитие общества. В то же время она сочетается с развитием национальной культуры, внося тем самым свой вклад в создание опоры духовной культуры вьетнамской нации. История развития многих вьетнамских феодальных династий показывает, что правящий класс не только уважал конфуцианскую этику с целью построения страны, но, более того, использовал ее как для управления государством, так и для просвещения людей. В настоящее время Вьетнам осуществляет процесс индустриализации и модернизации страны, но конфуцианская этика продолжают существовать и влияют на общественную жизнь, как в положительном, так и отрицательном аспектах.

Рассмотрим пути влияния конфуцианской этики на современное вьетнамское общество.

Во-первых, влияние конфуцианской этики на вьетнамское общество осуществляется через обычаи, традиции и верования.

Прежде всего необходимо отметить тесную связь конфуцианства с культом поклонения предкам. Влияние конфуцианской этики на вьетнамское общество сегодня осуществляется не столько через программы в школах и изучение классической литературы и книг, сколько через местные обычаи, традиции и верования, семью, передающиеся из поколения в поколение ценности. Как утверждает Али Форкан, «Конфуцианство больше не существует как государственная идеология, но все еще практикуется в повседневной жизни людей» [16, с. 119]. Обычаи, традиции и верования — это традиционные культурные формы во Вьетнаме, через которые передается содержание конфуцианской этики. Эти этические стандарты глубоко запечатлелись в повседневной жизни вьетнамцев, они влияют на мысли и действия людей, стали, по сути, стереотипами мышления, привычками, привитыми им с незапамятных времен [2, с. 413]. И это не случайно. А. Е. Лукьянов в своем исследовании указывает, что «осуществляя ритуализацию политики, нравственности, экономической жизни, семейных отношений, Кунцзы замечает еще одну силу, способствующую успеху Ритуала — культ предков... Семейные узы самые крепкие среди всех прочих отношений. Кунцзы и здесь стремится осуществить ритуализацию, находя в почитании предков как основы политических устоев, так и морали» [7, с. 141]. Это можно

подтвердить высказыванием из «Лунь юй»: «Если должным образом относиться к похоронам родителей и чтить память предков, то мораль в народе будет все более укрепляться» [4, с. 141]. Эту методику унаследовали и вьетнамские конфуцианцы.

Как отмечает А. Е. Лукьянов, «Конфуций берет на себя обязательства учителя нравственности» [6, с. 281], поэтому конфуцианство можно рассматривать прежде всего, как социально-этическое учение [9, с. 373]. В современном вьетнамском обществе под влиянием конфуцианской этики находятся не только те, кто изучает конфуцианство или жил в еще старом типе общества, но и молодое поколение вьетнамцев. Вот как прокомментировал это профессор Нгуен Тай Тхы: «Сегодня конфуцианская мысль продолжает существовать и оказывать значительное влияние на их жизнь. Конфуцианство существует во Вьетнаме через культурное наследие, сохранившиеся ритуалы и обычаи, пословицы, народные песни, слова, передаваемые из поколения в поколение» [11, с. 22].

В каждой семье отправляются ритуалы, справляются родовые и семейные годовщины, существуют места для поклонения предкам — это способы передачи детям и внукам информации об их корнях, укрепляющей память о предках и их былых заслугах в семье и роде. В каждой деревне существуют исторические и живописные места, фестивали, которые играют важную роль в соединении и укреплении отношений между членами семьи, рода, деревни и общины, способствуя как воспитанию, так и объединению общины. При этом почитаются национальные герои и сохраняются традиции взаимного родства, прилежания, патриотизма и любви к нации. В этой связи необходимо отметить, что «сыновья почитательность» практикуется не только в отношении к родителям, но и в служении предкам. Это наследственная ответственность детей и внуков в строительстве и сохранении родовых храмов для поклонения предкам и передачи информации генеалогического древа. Практически все семьи и дети, независимо от условий и обстоятельств жизни, богатые и бедные, когда их родители умирают, они стараются полностью и наилучшим образом выполнить все погребальные обряды и поклонения. Это не только дань уважение, но также и моральная особенность вьетнамской идеологии «благородного мужа».

После появления конфуцианства во Вьетнаме «трактовка основных нравственных категорий конфуцианства переосмыслива-

лась, и складывалась новая система понятий, которая значительно отличалась от прежней» [10, с. 38]. Содержание конфуцианской этики смешалось, впиталось и стало частью обычаев и верований вьетнамского народа. С тех пор конфуцианская этика сохранилась и передавалась из поколения в поколение, из прошлого в настоящее, становясь традиционной чертой вьетнамской нации. Таким образом, несмотря на то, что во вьетнамском обществе происходят многочисленные и фундаментальные изменения, конфуцианская этика по-прежнему играет немаловажную роль и не теряет своей актуальности по сей день.

Во-вторых, влияние конфуцианской этики на вьетнамское общество осуществляется через нравственное воспитание в семье.

Во Вьетнаме испокон веков высоко ценилось семейное нравственное воспитание, особенно в отношении «от отца к сыну», поэтому в народных песнях и пословицах имеются подобные поговорки: «совершенствование себя начинается с поклонения предкам и почитания родителей». Согласно исследованию Марши Е. Шапиро «важность семьи и общины подчеркивается во вьетнамских традиционных верованиях. Гармония, долг, честь, уважение, образование и верность семье являются одними из его ключевых характеристик, которые включают в себя конфуцианские идеи» [19, с. 1].

В феодальном обществе существовало множество правил конфуцианской этики, которые использовались в качестве основы для построения семейного порядка. Эти правила стали стандартом и основой социальных отношений, с их позиций оценивается поведение членов семьи по отношению друг к другу: между родителями и детьми, мужем и женой, братом и сестрой. За тысячи лет конфуцианская этика вошла в традиционную культуру каждой вьетнамской семьи, стала передаваться из поколения в поколение.

Хотя люди в современном обществе не имеют полного доступа к конфуцианскому образованию и не глубоко понимают содержание конфуцианских этических стандартов, но через семейное воспитание, передаваемое предками и родителями, люди все еще помнят стандарты конфуцианской этики. Бабушки, дедушки и родители по-прежнему учат своих детей и внуков таким моральным стандартам как «сыновья почитательность», «верность», «человечность», «долг», «ритуал». Как и в России, но во Вьетнаме в соответствии с конфуцианской этикой и

традиционным укладом в семье, родители, бабушки и дедушки передают детям примеры почтения, заботы и поддержки. Во вьетнамском обществе сегодня существуют такие социальные движения, как «Счастливая жизнь, здоровая жизнь, полезная жизнь», «Образцовые бабушки и дедушки, почтенные дети». Эти движения позволяют бабушкам и дедушкам, пожилым людям пропагандировать образцовую роль главы семьи по воспитанию и сохранению нравственности, гуманности, гармонии, сыновнего почтения, семейного порядка; призывать своих детей и внуков ценить семейные отношения и вести осмысленный образ жизни в обществе; поощрять и напоминать детям и внукам об особенностях организации похорон, годовщины смерти, свадебных обычаи; позволяют снизить давление необходимости сынобродения для продолжения рода.

Многие семьи и роды, обучая своих детей, всегда поддерживают привязанность к родословной и родству, чтобы укрепить солидарность, любовь и помощь друг другу. Отсюда сформировался семейный образ жизни во Вьетнаме, например, «от отца передается к сыну», «если один из членов семьи станет чиновником, то он поможет всей семье», или «сын короля снова станет королем, а шраманера в пагоде всегда будет подметать листья баньян». Как мы видим, семейное воспитание соответствует конфуцианской этике, отвечает критериям построения культурной семьи во Вьетнаме. Таким образом, непреднамеренно или намеренно, семейное воспитание поддерживает конфуцианскую этику, создает возможности для ее передачи из поколения в поколение.

В-третьих, влияние конфуцианской этики на вьетнамское общество через общественное мнение.

В традиционном вьетнамском обществе конфуцианские этические стандарты использовались в качестве критерия для оценки поведения человека, доброго или злого, правильного или неправильного. Они корректировали поведение и даже мысли людей, с целью соответствия требованию пути «благородного мужа». Действия, нарушающие стандарты конфуцианской этики, такие как верность, сыновнее почтение, гуманность, ритуал, три послушания, четыре добродетели и т. д., не только карались законом, но также осуждались всем обществом, отвергались семьей, родственниками и друзьями: «На Западе вина и стыд — это в первую очередь личные дела; во Вьетнаме преступления одного человека влияют на всю семью в нынешнем поколении, а так-

же на счастье семьи в будущих поколениях. Это... клей, который скрепляет общество (хотя и не единственный)» [20, с. 325]. Даже если эти люди отбыли наказание за совершенные ими преступления, они все равно осуждались обществом и общественным мнением в течение долгого времени, иногда до смерти и даже после смерти. Это отражается в народных песнях и вьетнамских пословицах: «за 100 лет камень сотрётся, за 1000 лет на языке останется», «съешь кусочек, а запомнится на всю жизнь».

Общественное мнение осуждает аморальные действия в понимании конфуцианства не только в прошлом, но и в настоящем. В современном Вьетнаме нередко можно встретить резкое осуждение всего общества через средства массовой информации или в социальных сетях за поведение, которое считается «нарушающим этику», такое как: неуважение, непочтительность и др. Действия, идущие в разрез с моральными устоями вьетнамского народа, всегда осуждались поколениями вьетнамцев. Но иногда не подозревают, что это поведение также нарушает конфуцианские нормы, да и сама оценка, ее мерило — родом из конфуцианства.

В-четвертых, влияние конфуцианской этики на вьетнамское общество через систему институтов общинного самоуправления в деревнях и коммунах.

В традиционном вьетнамском обществе крестьяне трудились не только в своих семьях, но и тесно были связаны с деревнями и коммунами, в которых они родились и выросли. Потому что, как отмечает Л. Бортон, вьетнамское общество придает большое значение общине: «Западная культура отдает предпочтение индивидууму, в то время как вьетнамская культура делает акцент на общине» [15, с. 21]. Люди, живущие в одной деревне, часто следовали общим правилам этой деревни (конвенциям), которые назывались институтом общинного самоуправления. Общей чертой этих институтов являлось отстаивание моральных ценностей, гуманного поведения, а также деревенских правил и положений для создания иерархического порядка. Деревенские институты существовали и исполнялись жителями с древнейших времён, но были записаны с середины XV века (этот период, когда конфуцианство и конфуцианская этика стали занимать исключительное место в идеологии и духовной жизни вьетнамского общества). Деревенские институты составлялись конфуцианцами в деревнях и коммунах на основе моральных и этических основ

классической конфуцианской литературы, таких как Чжоу ли, Ли цзи, Ши цзин, Лунь юй, Да сюэ, Мэнцзы и др. [1, с. 316]. Поэтому большинство деревенских институтов во Вьетнаме в прошлом находились под сильным влиянием конфуцианских моральных концепций. При этом «сложные теоретические темы их особо не интересовали, они придавали большое значение вопросам укрепления нравственных основ общества, развития сельского хозяйства, сплочения семьи, рода, общины, совершенствования системы образования» [12, с. 10].

Многие деревенские институты взимали большие штрафы за непочтительность (пренебрежение родителями, проявление неуважения к ним, травля), при семейном конфликте (обычно в случаях, когда жена проявляет неуважение к мужу или свекрови), при родственном конфликте (конфликты с родственниками), при конфликтных ситуациях с окружающими жителями (обычно конфликты с соседями) [5, с. 363]. Деревенские институты также устанавливают правила как должны относиться между собой члены семьи. Наглядно это можно увидеть в 63-й статье института деревни Куинь Дой, Нгеан: «Наши жители должны уделять первостепенное внимание нравственности, то есть отец должен быть хорошим и подавать пример своим детям, также как и сын уважать и чтить свою маму, если ты старший брат, то прояви терпение к своему младшему брату, а младший брат должен быть почтительным по отношению к старшим братьям и сестрам, жена должна слушать, что муж ей говорит, и если члены семьи не будут относиться друг к другу как положено, они ничем не отличаются от животных. В случае возникновения конфликта членам семьи надо сообщить деревне. Также может сообщить о конфликте посторонний человек, в этом случае община деревни будет решать, кто прав и неправ, и имеет право устанавливать наказание за нарушения» [3, с. 161—162]. В институтах некоторых деревень также имеются отдельные правила для женщин. К примеру 15-я статья института деревни Хоанг, коммуны Ко Мок, округ Нонг Конг, провинция Тханьхоа (1898 г.) гласит: «Если женщина беременна от неизвестного мужчины, если она вступает в связь с женатым мужчиной или с мужчиной, когда у неё сохраняется период траура после смерти мужа, будет наложен штраф в размере 12 монет» [5, с. 363]. В деревенских институтах также оговаривается порядок в соответствии с иерархией, от старшего к младшему, будь то внутри семьи или за ее пределами,

в деревне или вне ее в соответствии с конфуцианской моральной доктриной.

Сегодня в сельских районах Вьетнама и особенно в Северо-Центральном регионе, многие деревни продолжают поддерживать способ регулирования семейных и социальных отношений с помощью деревенских институтов, и даже были составлены новые институты (к примеру, деревенские институты коммуны Йен Со в районе Хоай Дык города Ханоя существуют уже почти 20 лет). Хотя нынешние деревенские институты построены на принципах и политике коммунистической партии и государства, но правила общения, иерархический порядок, ценности конфуцианской этики по-прежнему сохраняются и принимаются жителями. Деревенские институты являются одними из важных каналов проникновения конфуцианства и конфуцианской этики в жизнь вьетнамского народа [5, с. 361—362].

В-пятых, влияние конфуцианской этики на вьетнамское общество через государственную политику.

Опираясь на позитивные и прогрессивные аспекты конфуцианской этики, власти вьетнамских феодальных династий издавали законы для поддержания общественного порядка: «Конфуцианство было важным официальным инструментом в руках наместников, для того, чтобы держать вьетнамцев в повиновении» [14, с. 87]. Ведь «управление на основе конфуцианских идей базируется на уважении к власти правителя, построении и внедрении правовой системы на основе воплощения конфуцианских этических норм в законе» [18, с. 2405]. Легализация семейного нравственного воспитания четко отражена в Законе «Хонг Дык» времен династии Ле (1428—1789). Закон «Хонг Дык» состоит из 6 томов, 13 глав и 722 статей, в которых много говорится о нравственном воспитании. В первой главе «Общий порядок» вторая статья предусматривает десять злодеяний, из которых два являются сыновней непочтительностью и несправедностью: «Сыновняя непочтительность — это когда ты кричишь на родителей, бабушек и дедушек, вопреки родительским учениям; отсутствие заботы за пожилыми людьми, при утрате родителей женятся или выходят замуж, веселятся и едят как обычно; знаешь про траур бабушек, дедушек или родителей, но утаил от всех, ложь о смерти своих родителей, бабушек и дедушек» [8, с. 42]. В законе ясно указано, что ребенок должен быть почтительным по отношению к своим родителям, а когда они стареют, о них нужно заботиться. Ритуалы и похороны

должны быть организованы по уставам «Ли цзи» («Записки о правилах благопристойности», трактат, созданный еще в IV—I вв. до н. э.). В законе также отчетливо прописаны правила отношения в семье: между мужем и женой, братьями и сестрами, отцом и сыном. К примеру, как родитель вы должны знать, как вести себя, чтобы быть честным в семье, учить сыновей разуму, а девочек женским делам. Статья 42 главы «Разборки» четко гласит: «Потомки, которые не следуют учениям и не заботятся о старших, а также при поступлении жалобы должностному лицу от родителей или старших о своей непочтительности, должны быть наказаны и становятся слугами в воинских подразделениях; приемные дети, наследники, при проявлении неуважения к своим родителям, — наказание будет уменьшено на одну ступень, но им не достанется имущество» [8, с. 223].

Сегодня во Вьетнаме ряд партийных постановлений, политика и законы государства также основаны на положительных аспектах конфуцианской этики. Например, постановление № 12 Министерства культуры, спорта и туризма, устанавливает стандарты для «культурных семей», «культурных деревень», «культурных кварталов». В четвертой статье постановления имеются конкретные положения о стандартах «культурной семьи». Чтобы получить почетное звание «культурной семьи», семьи должны соответствовать трем критериям: 1) образцово исполнять указания партии, а также следовать политике и законам государства; активно участвовать в локальных соревновательных и социальных движениях; 2) иметь семейное согласие, счастье, благополучие, взаимную поддержку и оказывать помощь каждому в сообществе; 3) организовывать труд, производство, бизнес, стабильную работу и иметь хорошую учёбу, повышать качество и эффективность в своем деле. Помимо социальных стандартов, постановление сосредоточено на построении культурной семьи, ориентирует на нравственное воспитание в семье: равенство мужа и жены, образцовых бабушек и дедушек, уважительное отношение со стороны детей и внуков. Кроме того, вьетнамское государство также издало ряд документов для распространения семейных ценностей во всем обществе, включая позитивные аспекты конфуцианской этики. Например, 1 октября 2009 г. Министерство культуры, спорта и туризма издало Постановление № 3391, одобряющее «Проект пропаганды нравственного воспитания и

образа жизни во вьетнамских семьях на период 2010—2020 гг.»; Постановление № 279 об утверждении «Проекта по продвижению добрых ценностей семейных отношений и поддержке построения счастливой и устойчивой семьи до 2020 года».

В правовой системе Социалистической Республики Вьетнам гуманистическая и гуманитарная идеологии всегда рассматриваются как основы. Помимо неотъемлемой справедливости и серьезности законов, гуманитарные и гуманные факторы всегда учитываются в механизме обеспечения соблюдения законов с их конкретными положениями. То есть в правовой системе Вьетнама всегда присутствует тесная связь «любви» с «разумом», а также между моралью и законом. Многие наказания установлены со множеством смягчающих обстоятельств, исходя из конкретных условий и обстоятельств. Создавая условия, позволяющие нарушителям иметь возможность заново построить свою жизнь, и самое главное, это не противоречат вьетнамским традиционным моральным ценностям. Более того, принятие законов, основанных на традициях морали и гуманности, которые глубоко укоренились в образе жизни и поведении вьетнамского народа на протяжении многих и многих поколений, также является одной из основ того, чтобы закон легко прижился и был положительно воспринят людьми, являлся более добровольным и самореализующимся, чем насильственным. Например, ст. 389 Гражданского кодекса 2005 г. гласит: «Заключение гражданско-правового договора должно соответствовать следующим принципам: 1. Свобода заключения договора не должна противоречить закону и социальной этике. 2. Необходимы добровольность, равноправие, добрая воля, сотрудничество, честность и порядочность»¹. В третьей статье Уголовного кодекса 1999 г. (Уголовный кодекс с поправками и дополнениями в 2009 г.) гласит: «2. Смягчающее наказание предусмотрено для добровольного сообщения лица о совершенном им преступления, за раскаяние в содеянном, сообщении органам следствия информации, имеющей значение для раскрытия и расследования преступления, добровольное возмещение нанесенного ущерба или компенсацию за причиненный ущерб; 3. Для тех, кто впервые совершил менее серьезные преступления и раскаялся, может быть применено более мягкое

¹ Гражданский кодекс, № 33/2005/QN1. Национальное собрание Социалистической Республики Вьетнам. Ханой, 14 июня 2005 г.

наказание, чем тюремное заключение, и они могут быть переданы в учреждение, организацию или семью для надзора и обучения; 4. Лица, приговоренные к лишению свободы, вынуждены отбывать наказание в тюрьмах, работать и учиться, чтобы стать полезными для общества людьми; если они добьются больших успехов, рассматривается вопрос о сокращении срока наказания; 5. Лицам, отбывшим наказание, могут быть предоставлены благоприятные условия для ведения бизнеса, честной жизни и интеграции в общество, если они полностью соответствуют условиям, установленным законом»¹.

В заключение остановимся на имеющихся или возникающих противоречиях между положениями конфуцианской этики и жизнью современного вьетнамского общества.

Во-первых, всё ещё можно обнаружить рудименты идеологии «уважения к мужчине и презрения к женщине». Некоторые вьетнамцы до сих пор ценят рождение сына больше, чем дочери, так как считают, что мужчина является кормильцем в семье, ответственным за продолжение семейной линии и поклонение предкам. Это также одна из основных причин, ведущих к гендерному дисбалансу в уровне рождаемости во Вьетнаме сегодня. Эта проблема может иметь серьезные социальные последствия в будущем. Во-вторых, некоторые вьетнамцы переоценивают конфуцианскую этику, что приводит к пренебрежению законом. Они привыкли к образу жизни, который придерживается этических стандартов, привычек, традиционных обычаев и правил этикета, пренебрегая соблюдением современных законов государства. Некоторые сельские районы также устанавливают свои собственные правила и нормы, но они не соответствуют и противоречат нынешним законам Вьетнама. Это также одна из причин, почему нарушения закона все еще довольно распространены во Вьетнаме и даже могут иметь тенденцию к увеличению. В-третьих, во вьетнамских государственных учреждениях все еще можно встретить патриархальные отношения и недостаток демократичности. Некоторые чиновники осуществляют администрирование авторитарными методами, распоряжаются и решают самостоятельно вопросы, требующие коллективности. В-четвертых, имеется тенденция смотреть на молодёжь свысока и ценить опытных

людей больше, чем молодых. Это приводит к тому, что вклад и роль молодого поколения занижаются. В результате этого сейчас в некоторых организациях политического аппарата Вьетнама наблюдается недостаток в ротации кадров, обнаруживается пробел между поколениями. Уход на пенсию пожилых чиновников не всегда восполняется молодыми кадрами.

Таким образом, конфуцианские моральные нормы в некоторых отношениях продолжают существовать и оказывать влияние на вьетнамское общество как в положительном, так и в отрицательном отношении. Следовательно, необходимо преодолеть негативное влияние отдельных норм конфуцианской этики. Как утверждает Кирстен Эндрес, «все “устаревшие обычаи”, которые не направлены на обычное воспитание, нравственность и чувство собственного достоинства, должны быть устранены» [17, с. 309], сохраняя ее позитивную основу, чтобы способствовать дальнейшему развитию страны, чтобы «любая культура, любые идеи извне не могли вытеснить собственную культуру, а всегда были вынуждены приспособляться к ней» [13, с. 57]. Дальнейшая модернизация, на наш взгляд, должна осуществляться не путем ломки традиционных ценностей, представленных во вьетнамском обществе конфуцианской этикой, а приспособлением ее отдельных положений к требованиям сегодняшнего дня.

Статья поступила в редакцию 29.12.2021

1. Ву Дуй Мен. Древние ароматы древних деревень в Северной дельте. Ханой : Государственная политика, 2010. 924 с. (Vũ Duy Mên. Hương ước cổ làng xã đồng bằng Bắc Bộ. Hà Nội: Nxb Chính trị quốc gia, 2010. 924 trang).

2. Ву Кхиеу. Конфуцианство в древности и наши дни. Ханой : Общественные науки, 1991. 348 с. (Vũ Khiêu. Nho giáo xưa và nay. Hà Nội: Nxb Khoa học Xã hội, 1991. 348 trang).

3. Ву Тронг Дунг. Марксистско-ленинская этика. Ханой : Государственная политика, 2006. 318 с. (Vũ Trọng Dung. Đạo đức học Mác-Lênin. Hà Nội: Nxb Chính trị quốc gia, 2006. 318 trang).

4. Древнекитайская философия: в 2 т. Т. 1. М. : ПринТ, 1994. 364 с.

5. Конфуцианство во Вьетнаме : труды междунар. конф. / Институт исследований Хан Нома — Гарвардский институт — Йен-чинг (США). Ханой : Изд-во социальных наук,

¹ Уголовный кодекс, № 15/1999/QN10, статья 3. Национальное собрание Социалистической Республики Вьетнам. Ханой, 21 декабря 1999 г.

2006. 527 с. (Nho giáo ở Việt Nam, Kỷ yếu hội thảo quốc tế. Viện Nghiên cứu Hán Nôm — Viện Harvard — Yenching (Hoa Kỳ). Hà Nội: Nxb Khoa học xã hội, 2006. 527 trang).

6. Лукьянов А. Е. Лао-цзы и Конфуций: философия Дао. М. : Издательская фирма Восточная литература РАН, 2000. 384 с.

7. Лукьянов А. Е. Становление философии на Востоке (Древний Китай и Индия). М. : Изд-во УДН, 1989. 188 с.

8. Национальный суд по уголовным делам. Институт истории. Ханой : Судебная практика, 2013. 358 с. (Quốc triều hình luật. Viện Sử học. Hà Nội: Nxb Tư pháp, 2013. 358 trang).

9. Нижников С. А. Духовное познание в философии Востока и Запада : монография. М. : РУДН, 2009. 432 с.

10. Зоан Тъинь, Нгуен Шинь Ке. О проникновении конфуцианства во Вьетнам // Философский журнал. 2004. № 9. С. 31—39. (Doãn Chính, Nguyễn Sinh Kế. Về sự xâm nhập của Nho giáo vào Việt Nam // Tạp chí Triết học, số 9, 2004. Tr 31—39).

11. Нгуен Тай Тхы. Влияние идеологии и религии на вьетнамский народ сегодня. Ханой : Государственная политика, 1997. 284 с. (Nguyễn Tài Thư. Ảnh hưởng của các hệ tư tưởng và tôn giáo đối với con người Việt Nam hiện nay. Hà Nội: Nxb Chính trị quốc gia, 1997. 284 trang).

12. Фан Дай Зоан. О некоторых проблемах вьетнамского конфуцианства. Ханой : Государственная политика, 1998. 293 с. (Phan Đại Doãn. Một số vấn đề Nho giáo ở Việt Nam. Hà Nội: Nxb Chính trị quốc gia, 1998. 293 trang).

13. Чан Ван Зяу. Развитие вьетнамской мысли с XIX века до Августовской революции. Хошимин : Город Хошимин, 1993. Т. 1. 560 с. (Trần Văn Giàu. Sự phát triển của tư tưởng Việt Nam từ thế kỷ XIX đến Cách mạng tháng Tám. Thành phố Hồ Chí Minh: Nxb Thành phố Hồ Chí Minh, 1993. Tập 1. 560 trang).

14. Чан Ван Зяу. Традиционные ценности вьетнамского народа. Ханой : Общественные науки, 1990. 354 с. (Trần Văn Giàu. Giá trị truyền thống của dân tộc Việt Nam. Hà Nội: Nxb Khoa học xã hội, 1990. 354 trang).

15. Borton L. Working in a Vietnamese voice // Academic of Management Executive. 2000. Vol. 14, no. 4. P. 20—31.

16. Forkan Ali. The Origins of Contemporary Moral Education and Political Ideology in Confucian-Marxist Hồ Chí Minh's Vietnam // Asian Studies VIII (XXIV). 2020. Vol. 2. P. 115—134.

17. Kirsten W. Endres. Beautiful Customs, Worthy Traditions: Changing State Discourse on the Role of Vietnamese Culture // Interna-

tionales Asienforum. 2002. Vol. 33, no. 3—4. P. 303—322.

18. Lan P. T. The role of confucianism in sociopolitics of the Nguyen dynasty in the first half of the 19th century// Linguistics and Culture Review. 2021. Vol. 5, № 4. P. 2403—2412.

19. Marsha E. Shapiro. Asian Culture Brief: Vietnam.// Research Information and Exchange. 2003. Vol. 2, Issue 5. URL: <http://www.ntac.hawaii.edu/downloads/products/briefs/culture/pdf/ACB-Vol2-Iss5-Vietnam.pdf> (дата обращения: 12.02.2022).

20. Slote W. H. Destiny and Determination: Psychocultural reinforcement in Vietnam. New York : State University of New York Press, 1998. 391 p.

References

1. Vu Duy Men. (2010) Drevniye aromaty drevnikh dereven' v Severnoy del'te. HaNoi, Izd-vo Gosudarstvennaya politika [Fragrance of Ancient Villages in the Northern Delta]. HaNoi, Izd-vo Gosudarstvennaya politika. 924 p. [in Viet].

2. Vu Khieu. (1991) Konfutsianstvo v drevnosti i nashi dni [Confucian past and present]. HaNoi, Izd-vo Obshchestvennyye nauki. 348 p. [in Viet].

3. Vu Trong Dung. (2006) Marksistsko-leninskaya etika. [Marxist-Leninist Ethics]. HaNoi, Izd-vo Gosudarstvennaya politika. 318 p. [in Viet].

4. (1994) Drevnekitayskaya filosofiya [Ancient Chinese philosophy]. Vol 1-2. Vol. 1. Moscow, PrinT. 364 p. [in Rus].

5. Institute of Han Nom Studies — Harvard Institute — Yenching (USA). (2006) Konfutsianstvo vo V'yetname, Trudy mezhdunarodnoy konferentsii [Confucianism in Vietnam — Proceedings of international conferences]. HaNoi, Izd-vo Sotsi-al'nykh nauki. 527 p. [in Viet].

6. Lukyanov A.E. (2000) Lao-tszy i Konfutsiy: Filosofiya Dao [Lao Tzu and Confucius: The Philosophy of Tao]. Moscow Izdatel'skaya firma Vostochnaya literatura RAN, 384 p. [in Rus].

7. Lukyanov A.E. (1989) Stanovleniye filosofii na Vostoke (Drevniy Kitay i Indiya) [The Formation of Philosophy in the East (Ancient China and India)]. Moscow, Izdatel'stvo UDN, 188 p. [in Rus].

8. Institute of History. (2013) Natsional'nyy sud po ugovolnym delam [National Court of Criminal Law]. HaNoi, Izd-vo Sudebnaya praktika, 358 p. [in Rus].

9. Nizhnikov S.A. (2009) Dukhovnoye poznaniye v filosofii Vostoka i Zapada: Monografiya [Spiritual Cognition in the Philosophy

of East and West: Monograph]. Moscow RUDN University, 432 p. [in Rus].

10. Doan Chinh, Nguyen Sinh Ke. (2004) *Filosofskiy zhurnal*, no 9, pp. 31—39. [in Viet].

11. Nguyen Tai Thu. (1997) *Vliyaniye ideologii i religii na v'yetnamskiy narod segodnya* [The influence of ideology and religion on Vietnamese people today]. HaNoi, Izdatel'stvo Gosudarstvennaya politika, 284 p. [in Viet].

12. Phan Dai Doan. (1998) *O nekotorykh problemakh v'yetnamskogo konfutsianstva* [Some of the problems relating Confucianism in Vietnam]. HaNoi, Izdatel'stvo Gosudarstvennaya politika, 293 p. [in Viet].

13. Tran Van Giau. (1993) *Razvitiye v'yetnamskoy mysli s KHIKH veka do Avgustovskoy revolyutsii* [The development of Vietnamese thought from the nineteenth century to the August Revolution]. Vol 1. HoChiMinh: Izd-vo Gorod Khoshimin, 560 p. [in Viet].

14. Tran Van Giau. (1990) *Traditsionnyye tsennosti v'yetnamskogo naroda* [Traditional values of the Vietnamese]. HaNoi, Izd-vo Obshchestvennyye nauki, 354 p. [in Viet].

15. Borton. L. (2000) *Academic of Management Executive*, vol. 14, no. 4, pp. 20—31. [in Eng].

16. Forkan ALI. (2020) *Asian Studies VIII (XXIV)*, vol. 2, pp.115—134. [in Eng].

17. Kirsten W Endres. (2002) *Internationales Asienforum*, vol. 33, no. 3—4, pp. 303—322. [in Eng].

18. Lan, P. T. (2021). *Linguistics and Culture Review*, vol. 5, no. 4, pp. 2403—2412. [in Eng].

19. Marsha E. Shapiro. (2003) *Research Information and Exchange*, vol. 2, issue 5, available at: <http://www.ntac.hawaii.edu/downloads/products/briefs/culture/pdf/ACB-Vol2-Iss5-Vietnam.pdf>. (accessed 22.02.2022 [in Eng].

20. Slote W.H. (1998) *Destiny and Determination: Psychocultural reinforcement in Vietnam*. New York, State University of New York Press, 391p. [in Eng].

For citing: Pham Tien Bac. Ways of influencing Confucian ethics in modern Vietnam society // *Socium i vlast'*. 2022. № 1 (91). P. 75—82. DOI: 10.22394/1996-0522-2022-1-75-82.

UDC 172

DOI: 10.22394/1996-0522-2022-1-75-82

WAYS OF INFLUENCING CONFUCIAN ETHICS IN MODERN VIETNAM SOCIETY

Pham Tien Bac^{1, 2},

¹ RUDN University (Peoples' Friendship University of Russia), Moscow, Russia

² Academy of Politics Region II, Ho Chi Minh, Viet Nam
E-mail: tienbacht@gmail.com

Abstract

Confucianism in general, and Confucian ideals in particular, which arrived in Vietnam in the first centuries of our era, were accepted by our Vietnamese dynasties and have served as ideological functions for a long time. Furthermore, Confucian morality has played a significant role in Vietnamese traditional life. Additionally, Confucian virtues have had a long-standing influence on Vietnamese society. It has had a beneficial and detrimental impact on public life since its inception.

The purpose of the article is to examine the tactics of Confucian politics' influence on modern Vietnamese society and our societal problems. The relevance of customs, traditions, and beliefs, as well as the cult of ancestor worship, is highlighted; the value of moral education in the family is emphasized; and the influence of public opinion is being highly considered. Along with that, the impact of Confucian principles on Vietnamese society is examined, both through the institutions of communal self-government in villages and communes and through policy implementation. The author points out various inconsistencies between Confucian principles and modern Vietnamese society. Further modernization, according to the author, should be accomplished not by shattering the ideals embodied in Vietnamese society or by Confucianism's standards, but by adapting their individual provisions to the needs of the present.

Keywords:

Confucian ethics in Vietnam,
ancestor worship,
traditional society,
village conventions,
local government institutions

Для цитирования: Камалиева И. Р.
Философские основания
медикализации культуры //
Социум и власть. 2022. № 1 (91). С. 83—89.
DOI 10.22394/1996-0522-2022-1-83-89.

УДК 130.2

DOI 10.22394/1996-0522-2022-1-83-89

ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ МЕДИКАЛИЗАЦИИ КУЛЬТУРЫ

Камалиева Ирина Ринатовна,

Южно-Уральский государственный университет
(НИУ), старший научный сотрудник
научно-образовательного центра
практической и прикладной философии,
кандидат философских наук.
Челябинск, Россия.
E-mail: irina.kamalieva@yandex.ru

Аннотация

Введение. Возрастающее опосредование жизни человека медициной с необходимостью ставит вопрос о философском осмыслении феномена медикализации культуры, поскольку сегодня явно обозначился вектор роста властного влияния медицины на формирование социокультурных процессов. Наряду с положительными явлениями медикализации жизни нарастает объем «избыточных» явлений ее медикализации.

Цель. Прояснение философских оснований прогрессирующей медикализации современной культуры.

Методы. Методологическую основу исследования составили диалектический, гносеологический, аксиологический, философско-антропологический, социально-философский подходы. В основу исследования легли трансцендентальная философия Э. Кассирера, феноменологический трансцендентализм Э. Гуссерля; концепция В. С. Степина о системе информационных социальных кодов; концепция П. Д. Тищенко о трансформации био-власти в современной культуре.

Научная новизна исследования. Определены фундаментальные основания медикализации современной культуры как результата взаимообразных процессов трансформации био-власти и прогресса биомедицинских наук.

Результаты. Развертываясь, культура компенсировала телесную слабость человека силой его технических изобретений, однако на сегодняшний день они превзошли интеллектуальные возможности своего творца — индивиду приходится перманентно адаптироваться под нарастающий объем массовых техногенных инноваций. Подавляется исторически сформировавшаяся потребность человека в освоении мира через его «очеловечивание», и, как следствие, актуализируется проблема запроса современного индивида на самореализацию через творческое преобразование социальной среды. В этой связи одним из философско-антропологических оснований современной культуры можно признать техногенно детерминированное стремление человека к преобразованию собственной телесности, направленной на расширение возможностей природного человека. Медико-биологические науки в результате биотехнологического прогресса оказались именно той социально-научной сферой, которая, выстраивая практическую деятельность в рамках института здравоохранения, полагает самого человека и субъектом, и объектом востребованной культурной эволюцией биосоциальной трансформации.

Выводы. Процесс медикализации культуры происходит на основе двух взаимообразных фундаментальных процессов: во-первых, укрепления принципов био-власти как «заботы обо всех формах жизни»; во-вторых, прогресса и технологизации научной медицины, обеспечивающей на практике социокультурный запрос на современного благополучного индивида.

Ключевые слова:

философские основания,
современная культура,
медикализация,
био-власть,
социальная норма

Введение

Возрастающее опосредование жизни человека медициной с необходимостью ставит вопрос о философском осмыслении феномена медиализации культуры, поскольку сегодня явно обозначился вектор роста властного влияния медицины на формирование социокультурных процессов. Наряду с положительными явлениями медиализации жизни, такими как родовспоможение и реанимация при терминальных состояниях в условиях клиники, анальгезия всех видов боли, профилактика возможных заболеваний и мода на здоровый образ жизни, нарастает объем «негативных» явлений медиализации [15]. К ним можно отнести, например, ограничивающую права и свободы человека, социальную стигматизацию при наличии у него тех или иных отклонений от медицинской нормы. Чрезмерным расширением сферы влияния медицины на жизнедеятельность человека можно обозначить искусственное создание спроса на медицинские товары и услуги через медиализацию непатологических особенностей индивида, таких, например, как умеренная социофобия или нестандартная внешность. Указанные социокультурные механизмы регуляции общественного сознания медициной вызывают возрастающее в течение более чем полувека противодействие и недоверие к ней как со стороны пациентских сообществ, так и наименее образованной части социума [12]. Учитывая прогресс медицинских наук, влияющий на увеличение продолжительности жизни индивида и повышение ее качества, расширение воздействия медицины на формирование способов бытия человека не вызывает сомнений. В связи с этим необходимо прояснить фундаментальные основания прогрессирующей медиализации современной культуры, в контексте которой сегодня существует человек.

Философские основания культуры

Культурой традиционно признают результат материальной и духовной деятельности человека [1]. Э. Кассирер, рассматривая бытие человека в культуре, обозначил «его специфику в качестве “символического животного”, поскольку только человеческое сознание помещает между собой и реальностью особое “символическое пространство”» [6, с. 212]. В отличие от животного, которое просто живет в мире, человек «создает особое познавательное пространство, которое

можно назвать трансцендентальной реальностью, и познает его естественнонаучным (“физическим”), математическим и философским (метафизическим) способами» [6, с. 240]. Э. Гуссерль в рамках своей концепции «феноменологического трансцендентализма» трактовал этот «пространственный слой в качестве интенциональной реальности» [3, с. 94]. В аналитической традиции современных трансценденталистов оно определяется уже как «пространство нашего языка/культуры» [7, с. 132], обуславливающее характер научного познания и знания.

Исследование онтологических оснований культуры выводит к метафизике ее единого сущего, стремящегося к «производству культураносной предметности через разрешение противоречий между своими противоположными началами: идеальным и реальным, материальным и процессуальным, упорядоченностью и хаосом, субъектом и объектом, ничто и нечто» [10, с. 90]. Идеальное, обозначенное человеком в ходе практической деятельности, предполагает его взаимообусловленность с реальным, осуществленным, сотворенным. Ориентир на идеал приводит к возникновению должностования в процессе создания культурных объектов — через стремление к нему субъект нравственно трансформирует реальность, но неизменно отталкиваясь от уже преобразованного им бытия. Что, в свою очередь порождает обновленные образования идеального. Таким образом, субъекты практической деятельности, посредством взаимного обогащения реального и идеального обеспечивают действие принципа воспроизводства культуры. В отличие от культуры предыдущих эпох, когда воспроизводство реальной действительности было продиктовано необходимостью удовлетворения основных жизненных потребностей человека за счет освоения природы, субстанциональным основанием культуры в XXI веке можно обозначить волю к самореализации через творчество, направленное на преобразование окружающей социальной среды, разворачивающуюся «в пространстве противоречия между идеальным и реальным» [7, с. 140], в котором бытие — это реальное, осуществленное, а идеальное — заданный волей к творчеству способ его осуществления через идеи, замыслы, формирование методов их достижения, социальное проектирование и т. д.

Идеальное в виде многообразных (этических, экономических и т. д.) регулятивов направляет волю человека к творчеству, становясь духовным средством культурного

формообразования, позволяющим получать результаты материального и духовного производства «в виде форм, представляющих ценность для человека и обеспечивающих наращивание и разнообразие сущего» [4, с. 25]. Особенностью современного цивилизованного субъекта является его стремление противопоставить культуру хаосу и, тем самым, «закладывать в нее социальные коды форм-результатов, ориентирующие человека уже к социально детерминированной норме, а не к индивидуально заданному идеалу» [18]. В. С. Степин определяет культуру «как систему информационных кодов, закрепляющих исторически накапливаемый социальный опыт, который выступает по отношению к различным видам деятельности, поведения и общения (а значит, и ко всем порождаемым ими структурам и состояниям социальной жизни) как их надбиологические программы» [14, с. 63]. В условиях развитой цивилизации культурогенные социальные коды начинают выполнять роль упорядочивающей, организующей, структурирующей силы в ситуации хаотического нарастания объема знания и преобразующей деятельности человека. В результате, общественная жизнь «нормируется» через институализацию, возникают все более сложные и упорядоченные структуры регуляции жизнедеятельности человека. Унифицируясь через социальное кодирование, культура становится массовой и уже субъектно формирует себя и способы бытия человека.

Зачаточные (относительно современности) явления массовизации культуры в истории развития европейской цивилизации наблюдались, как правило, в эпохи пика упорядоченности социальной жизни, будь то установившаяся на тот момент античная государственность, или религиозная институализация Средневековья. Именно в такие социокультурные периоды в результате тщательного многовекового ценностного отбора были сформированы стабильные аксиологические основания культурного производства. В результате переставало воспроизводиться культурное многообразие, поскольку устанавливалась относительная тождественность между идеальным и реальным в индивидуальном сознании, стремление к которой ранее обеспечивала интенциональность воли человека к уникальному творчеству. При массовизации культуры и стагнации социокультурного развития происходила кардинальная девальвация и переоценка ценностей под влиянием изменения способов познания мира наиболее

прогрессивными индивидами. Их спорадические духовные и материальные творения способствовали возникновению новых ценностных ориентиров в процессе развития культуры, обеспечивая, тем самым, эволюционное многообразие социокультурных процессов.

Воспроизводство культуры фундируется на совокупности знаний, накопленных человечеством, которая, в свою очередь, формируется в зависимости от способов познания и постижения сущего. Соотношение рационального и иррационального, разумного и интуитивного в процессе получения знаний влияет на окончательные формы практической деятельности — очевидно, что богословские тексты и иконы Средневековья стали результатом стремления постигнуть тайны мироздания через познание Бога, портретная живопись эпохи Возрождения возникла под влиянием антропоцентризма как мировоззрения, а современная научная картина мира сложилась как следствие естественнонаучного интереса к его устройству. Развитие культуры предполагает и формирование способов познания самих культурных творений, осознания и постижения их значений и смыслов, которое приводит к гносеологизации оснований культуры. «При этом выявляется обусловленность признания существующими определенных нечто их достаточной степенью познанности, то есть гносеологизация составляет одно из непременных условий онтологизации сущего» [13, с. 110]. Можно утверждать о том, что одним из конечных результатов бытия культуры становится конкретная явленность мира через способы его постижения.

Современное закрепление естественнонаучного способа познания мира как основного повлекло обесценивание роли личности в формировании культуры, поскольку научно-технический прогресс детерминировал стремительное массовое производство даже в искусстве. К концу XX века к человеку пришло осознание того, что развитие технотехники и современная специфика массовизации культуры, трансформировавшая принципы социальной коммуникации, способствовали возникновению социогенных угроз для благополучия индивида, и уже сам человек, в связи с этим, как объект культурной деятельности нуждается в биосоциальном преобразовании. По мнению ряда исследователей, объем знаний и технологий достиг такого уровня, что природный человек не в состоянии ими управлять в силу ограниченности своих телесных и духовных возможностей [17]. Хотя

развертываясь, культура и компенсировала телесную слабость человека силой его технических изобретений, однако на сегодняшний день они превзошли интеллектуальные возможности своего творца — индивиду приходится перманентно адаптироваться под нарастающий объем массовых технологических инноваций. Подавляется исторически сформировавшаяся потребность человека в освоении мира через его «человечивание» и актуализируется отмеченный ранее запрос индивида на самореализацию через творческое преобразование социальной среды. Поэтому сегодня актуальными философско-антропологическими основаниями культуры можно считать уже не только волю индивида к творческому труду, направленному на создание культурной предметности и собственное духовное созидание, но и техногенно детерминированное стремление к преобразованию своей телесности. По мнению исследователей проблемы, существует два сценария развития ситуации — замедление прогрессивного внедрения инновационных технологий в повседневную жизнь или «улучшение» природного человека на генетическом уровне [17]. Очевидно, что остановить прогресс не представляется возможным, и первый путь решения проблемы сложно рассматривать всерьез. Также является очевидным фактом и недостаточное на сегодняшний день развитие генетики и биотехнологий для осуществления даже промежуточных целей проекта «Геном человека», предложенного мировым медицинским сообществом еще в 90-е годы XX века [16]. Однако нацеленность на расширение телесных и интеллектуально-духовных возможностей природного индивида задает вектор развития естественных наук в ближайшем обозримом будущем и определяет человека как основного объекта культурного преобразования. Учитывая биосоциальную природу человеческого существа, в ситуации возможного изменения телесности актуализируется вопрос предела допустимых вмешательств в организм индивида, не влекущих биотехногенных угроз его сущности, константой которой мыслителями признается человеческое достоинство, обеспечивающее единство многоликости и противоречивости современного индивида. Поэтому в ситуации попыток изменения природы человека как культурной предметности, то есть «возделанности по человеческим меркам», возникают сомнения в «человечности» конечного результата творений гипотетически возможного неприродного человека.

В этой связи «философией осознаны не только позитивные, но и негативные родовые качества человека, она предупреждает о потенциальной возможности самоуничтожения людей, и с ходом общественной истории все большее развитие получает комплексная культура защитного характера» [8, с. 70]. Еще во второй половине XX века под влиянием пережитых человечеством войн и социогенных катастроф начал формироваться институт прав человека, благодаря которому возник новый принцип производства современной культуры — «сознательное подчинение деятельности ее субъектов “человеческому измерению” и придание гуманистической ориентированности экономике и политике» [19, с. 27]. Основопологающим критерием цивилизованности и культурности страны сегодня становятся качество жизни населения, то есть благополучие нации, и положение личности в обществе. Указанные человекоориентированные тенденции привели к трансформации властных оснований социальных-политических отношений: традиционная авторитарная «суверенная» власть диффузно пронизывается принципами либерально ориентированной био-власти, призванной «управлять жизнью как таковой», и направляющей практическую деятельность социальных институтов, опосредующих жизнь современного индивида, на обеспечение гарантий благополучного существования человека [20]. «Общество — образование естественно-искусственное, в некоторой мере творимое. Оно — и субстрат культуры и в этом смысле ее основание и объект культурированного возделывания» [2, с. 20]. Поэтому (возникший в результате трансформации властных оснований управления обществом) «комплекс социальных гарантий современных цивилизованных стран включает в себя продуманные средства обеспечения защиты не только личности, но и общества» [9, с. 84] путем укрепления социальных норм [11].

Для выявления предпосылок медиализации современной культуры мы кратко рассмотрели ее онтологические, гносеологические, аксиологические, социально-философские и философско-антропологические основания. Проведенный анализ позволяет заключить, что развитие общества, науки и технологий детерминировало фундаментальный сдвиг в культуре от ориентированности созидательной деятельности субъекта на формирующиеся естественным образом идеалы к стремлению в творчестве к искусственно сформировавшимся социальным нормам.

В результате доминирования науки, техники и технологий возникла комплексная культура защиты личности и общества от угроз результатов их собственной деятельности. Ценностными основаниями и объектом познания культуры защиты, сформировавшейся в ответ на нарастающий объем социогенных и техногенных угроз, являются человек и общество. Несмотря на свою массовость, технологическую унифицированность и стандартизированную институциональность, современная культура, тем не менее, стремится обеспечить собственную человекоориентированность через систему социальных гарантий.

Прогресс медико-биологических наук

Медико-биологические науки в результате биотехнологического прогресса оказались именно той социально-научной сферой, которая, выстраивая практическую деятельность в рамках института здравоохранения, полагает самого человека и как субъекта, и как объекта востребованной культурной эволюцией биосоциальной трансформации.

Историю развития медицины как практической деятельности, направленной на исцеление человека, можно разделить на два эпохальных периода. Первый, доинституциональный, при котором лечение больного происходило на дому, характеризуется стремлением привести телесное здоровье человека к заданной природой его организму индивидуальной норме. Второй, институциональный, характеризующийся возникновением многочисленных медицинских клиник и специализированных учреждений здравоохранения, напрямую связан с прогрессом естественных наук, секуляризацией общества и массовизацией, в том числе и медицинской культуры за счет формирования института образования врачей. Научная медицина детерминирует рост продолжительности жизни человека и повышение ее качества за счет повышения работоспособности индивида.

В результате развития фармакологии, иммунологии и генетики современная медицина из терапевтической и хирургической стала превентивной и профилактической, что привело к расширению понятия здоровья с «нормального функционирования организма» до трактовки его как «состояния полного физического, душевного и социального благополучия» [5, с. 8]. В связи с этим, научная медицина сегодня способствует встраиванию общечеловеческой потреб-

ности в сохранении жизни и здоровья в систему социальных отношений. Указанный процесс сопровождается возникновением понятия социального здоровья и отрасли социальной медицины. В результате, институт здравоохранения (в рамках которого функционирует научная биомедицина), определяющий биосоциальную основу понятия здоровья как благополучия, становится одним из самых влиятельных регуляторов социокультурных процессов современности.

Со второй половины XX века биомедицинская наука за счет собственной прогрессирующей биотехнологизации обрела возможность влиять на процессы зачатия, рождения и смерти человека, а посредством генной инженерии, пластической хирургии и психофармакологии стала моделировать его по социокультурным запросам. В этой связи, индустриальная медицина, в отличие от доинституциональной, стремится обеспечить здоровье уже не природного, а «улучшенного» по социокультурным запросам человека — вместо приведения здоровья человека к природной индивидуальной норме, она способствует достижению пациентом биосоциальной целостности через достижение социально заданной телесной нормы.

Заключение

Таким образом, процесс медиализации культуры происходит на основе двух взаимообразных фундаментальных процессов: во-первых, укрепления принципов био-власти как «заботы обо всех формах жизни» [17, с. 101] и способа управления государством посредством «технологии защиты жизни населения» [20, с. 38], диффузно пронизывающих всю систему социальных отношений, обеспечивающих безопасность деятельности человека и гарантирующих «благополучие нации»; во-вторых, прогресса и технологизации научной медицины, на практике обеспечивающей социокультурный запрос на современного благополучного индивида.

Статья поступила в редакцию 13.11.2021

1. Антропова А. П., Пятилетова Л. В. Метафизика культуры: «генеральные» функции культуры в свете основных подходов к определению феномена «культура» // Современные научные исследования и инновации. 2018. № 1 (81). С. 112.

2. Выжлецов Г. П. Аксиология культуры на рубежах веков / *Axiology of Culture at the Turn of the*

Centuries // Международный журнал исследований культуры. 2016. № 2 (23). С. 15—26.

3. Гуссерль Э. Избранные работы. М. : Издательский дом «Территория будущего», 2005. 464 с.

4. Зенкин С. Н. Культурный релятивизм: к истории идеи // Французский романтизм и идея культуры. М. : РГГУ, 2001. С. 21—31.

5. Калью П. И. Сущностная характеристика понятия «здоровье». М. : ВНИИМИ, 1988. 220 с.

6. Кассирер Э. Философия символических форм : в 3 т. / пер. с нем. С. А. Ромашко. Т. 3. СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 2015. 510 с.

7. Катречко С. Л. Современный трансцендентализм как теория человеческого опыта (знания) // Метафизика. 2012. Т. 5, № 3. С. 130—150.

8. Келле В. Ж. Процессы глобализации и динамика культуры // Знание. Понимание. Умение. 2005. № 1. С. 69—70.

9. Колин К. К. Неоглобализм и культура: новые угрозы для национальной безопасности (окончание) // Знание. Понимание. Умение. 2005. № 3. С. 80—87.

10. Лапина Т. С. Философия культуры: вариант понимания // Философия и общество. Вып. № 1(42). 2016. С. 80—97.

11. Любимов Ю. В. Культура — политика — культура // Труды Института востоковедения РАН. 2017. № 3. С. 11—19.

12. Михель Д. В. История болезни в социокультурном контексте: философское осмысление медико-антропологических исследований пациентского опыта // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Философия. Филология». 2016. № 2(20). С. 88—109.

13. Порус В. Н. Так что же такое “гносеология культуры”? (размышления над книгой). Вопросы философии. 2017. № 4. С. 105—115.

14. Степин В.С. Культура // Вопросы философии. 1999. № 8. С. 61—71.

15. Талантов П. В. Доказательная медицина от магии до поисков бессмертия. М. : АСТ : CORPUS, 2019. 560 с.

16. Тищенко П. Д. Био-власть в эпоху биотехнологий. М. : ИФРАН, 2001. 178 с.

17. Тищенко П. Д., Юдин Б. Г. Социогуманитарное сопровождение инновационных биотехнологических проектов // Биоэтика и биотехнологии: пределы улучшения человека : сб. науч. ст. К 70-летию П. Д. Тищенко. М. : Изд-во МосГУ, 2017. С. 209—237.

18. Флиер А. Я. Современная культура как тенденция // Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». 2012. № 1. URL: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2012/1/Flier_Contemporary-Culture/ (дата обращения: 23.09.2021).

19. Ячин С. Е. Смысл и ценности. К критике теории ценности в современной философии / Sense and Values. On the Criticism of the Theory of Values in Modern Philosophy // Международный журнал исследований культуры. 2016. № 2 (23). С. 27—39.

20. Foucault M. Society Must Be Defended: Lectures at the Collège de France, 1975—1976. New York : St. Martin's Press, 1997. 242 p.

References

1. Antropova A.P., Pyatiletova L.V. (2018) *Sovremennye nauchnye issledovaniya i innovacii*, no. 1 (81), p. 112 [in Rus].

2. Vyzhlecov G.P. (2016) *Mezhdunarodnyj zhurnal issledovanij kul'tury*, no. 2 (23), pp. 15—26. [in Rus].

3. Gusserl' E. (2005) *Izbrannye raboty [Selected Works]*. Moscow, Izdatel'skij dom «Territoriya budushchego», 464 p. [in Rus].

4. Zenkin S.N. (2001) *Kul'turnyj relyativizm: k istorii idei. Francuzskij romantizm i ideya kul'tury [Cultural Relativism: Towards the History of the Idea. French Romanticism and the Idea of Culture]*. Moscow, RGGU, pp. 21—31 [in Rus].

5. Kal'ju P.I. (1988) *Sushhnostnaja karakteristika ponjatija «zdorov'e» [Essential Characteristics of the Concept of «Health»]*. Moscow, VNIIMI, 220 p. [in Rus].

6. Kassirer E. (2015) *Filosofiya simvolicheskikh form [Philosophy of Symbolic Forms]*, vol. 3. St. Petersburg, Centr gumanitarnyh iniciativ, 510 p. [in Rus].

7. Katrechko S.L. (2012) *Metafizika*, vol. 5, no. 3, pp. 130-150 [in Rus].

8. Kelle V.Zh. (2005) *Znanie. Ponimanie. Umenie*, no. 1, pp. 69—70 [in Rus].

9. Kolin K.K. (2005) *Znanie. Ponimanie. Umenie*, no. 3, pp. 80—87. [in Rus].

10. Lapina T.S. (2016) *Filosofiya i obshchestvo*, no. 1 (42), pp. 80—97 [in Rus].

11. Lyubimov Yu.V. (2017) *Trudy Instituta vostokovedeniya RAN*, no. 3, pp. 11—19. [in Rus].

12. Mihel' D.V. (2016) *Vestnik Samarskoj gumanitarnoj akademii*, no. 2 (20), pp. 88—109 [In Rus].

13. Porus V.N. (2017) *Voprosy filosofii*, no. 4, pp. 105—115. [in Rus].

14. Stepin V.S. (1999) *Voprosy filosofii*, no. 8, pp. 61—71. [in Rus].

15. Talantov P.V. (2019) *Dokazatel'naya medicina ot magii do poiskov bessmertiya [Evidence-based Medicine from Magic to the Quest for Immortality]*. Moscow, AST: CORPUS, 560 p. [in Rus].

16. Tishchenko P.D. (2001) *Bio-vlast' v jepohu biotehnologij [Bio-power in the Age of Biotechnology]*. Moscow, IFRAN, 178 p. [In Rus].

17. Tishchenko P.D., Yudin B.G. (2017) *Sociogumanitarnoe soprovozhdenie innovacionnyh biotekhnologicheskikh proektov. Bioetika i biotekhnologii: predely uluchsheniya cheloveka [Socio-humanitarian Support of Innovative Biotechnological Projects. Bioethics and Biotechnology]*. Moscow, MosGU, pp. 209—237 [In Rus].

18. Flier A.Ya. (2012) *Znanie. Ponimanie. Umenie*, no. 1. Available at: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2012/1/Flier_Contemporary-Culture/ (accessed 23.09.2021) [In Rus].

19. Yachin S.E. (2016) *Mezhdunarodnyj zhurnal issledovanij kul'tury*, no. 2 (23), pp. 27—39 [In Rus].

20. Foucault M. (1997). *Society Must Be Defended: Lectures at the Collège de France, 1975—1976*. New York, St. Martin's Press. 242 p. [In Eng].

For citing: Kamaliev I.R. Philosophical foundations of culture medicalization // *Socium i vlast'*. 2022. № 1 (91). P. 83—89. DOI: 10.22394/1996-0522-2022-1-83-89.

UDC 130.2

DOI: 10.22394/1996-0522-2022-1-83-89

PHILOSOPHICAL FOUNDATIONS OF CULTURE MEDICALIZATION

Irina R. Kamaliev,

South Ural State University (NRU),
Senior Researcher of the Scientific
and Educational Center of Practical
and Applied Philosophy, Cand. Sc. (Philosophy).
Chelyabinsk, Russia.
E-mail: irina.kamaliev@yandex.ru

Abstract

Introduction. The increasing mediation of human life by medicine necessarily raises the question of philosophical understanding the phenomenon of culture medicalization, since today the vector of growing powerful influence of medicine on forming sociocultural processes has clearly emerged. Along with the positive phenomena of the medicalization of life, the volume of “excessive” phenomena of its medicalization is growing.

The purpose of the article is to clarify the philosophical foundations of the progressive medicalization of modern culture.

Methods. The methodological basis of the study is presented by dialectical, epistemological, axiological, philosophical-anthropological, and socio-philosophical approaches. The study is based on E. Cassirer's transcendental philosophy, the phenomenological transcendentalism of E. Husserl; V.S. Stepin's concept about the system of informational social codes; and P.D. Tishchenko's concept on the transformation of bio-power in modern culture.

Scientific novelty of the research. The author outlines fundamental foundations of modern culture medicalization as a result of mutually similar processes of transforming bio-power and the progress of biomedical sciences.

Results. Unfolding, culture compensated for the bodily weakness of a person with the power of his technical inventions, but today they have surpassed the intellectual capabilities of their creator - the individual has to permanently adapt to the growing volume of mass technogenic innovations. The historically formed human need to master the world through its “humanization” is suppressed, and, as a result, the problem of a modern individual's request for self-realization through the creative transformation of the social environment is actualized. In this regard, one of the philosophical and anthropological foundations of modern culture can be recognized as a technogenically determined desire of a person to transform his own corporeality, aimed at expanding the capabilities of a natural person. Biomedical sciences, as a result of biotechnological progress, turned out to be exactly the social and scientific sphere, which, building up practical activities within the framework of healthcare, considers the person to be both the subject and the object of the biosocial transformation demanded by cultural evolution.

Conclusions. The process of medicalization of culture occurs on the basis of two reciprocal fundamental processes: first, the strengthening of the principles of bio-power as “care for all forms of life”; secondly, the progress and technologization of scientific medicine, which in practice provides a socio-cultural demand for a modern prosperous individual.

Keywords:

philosophical foundations,
modern culture,
medicalization,
bio power,
social norm

Для цитирования: Богданова В.О.
 Методологические основы применения
 герменевтического подхода
 в преподавании гуманитарных дисциплин.
 Часть 2. Техника понимания визуального текста
 на примере анализа произведения
 изобразительного искусства
 (Р. Магритт «Песня любви») //
 Социум и власть. 2022. № 1 (91). С. 90—101.
 DOI 10.22394/1996-0522-2022-1-90-101.

УДК 140.8

DOI 10.22394/1996-0522-2022-1-90-101

**МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ
 ОСНОВЫ ПРИМЕНЕНИЯ
 ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКОГО
 ПОДХОДА В ПРЕПОДАВАНИИ
 ГУМАНИТАРНЫХ
 ДИСЦИПЛИН.
 ЧАСТЬ 2. ТЕХНИКА
 ПОНИМАНИЯ ВИЗУАЛЬНОГО
 ТЕКСТА НА ПРИМЕРЕ
 АНАЛИЗА ПРОИЗВЕДЕНИЯ
 ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОГО
 ИСКУССТВА (Р. МАГРИТТ
 «ПЕСНЯ ЛЮБВИ»)¹**

Богданова Вероника Олеговна^{1, 2},

¹ Южно-Уральский государственный
 гуманитарно-педагогический университет,
 доцент кафедры философии и культурологии,

² Южно-Уральский государственный
 университет,
 старший научный сотрудник
 научно-образовательного центра
 практической и прикладной философии,
 кандидат философских наук,
 Челябинск, Россия.
 E-mail: verovictory@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена применению герменевтического подхода на занятиях по философии. Автор предлагает технику понимания визуального текста, позволяющую перейти от образного восприятия произведения искусства на концептуально-структурный уровень. В своем исследовании автор описывает опыт применения данной техники в процессе интерпретации картины Р. Магритта «Песня любви». В результате проведенного анализа групповой и индивидуальной работы студентов автор приходит к выводу, что данная техника способствует не только открытию субъективного смысла художественного произведения, но эффективна для процесса самопознания.

Ключевые слова:

герменевтика,
 грамматическая интерпретация,
 психологическая интерпретация,
 техника понимания,
 герменевтический круг,
 визуальный текст

¹ Окончание. Начало статьи: Социум и власть. 2021. № 4 (90). С. 120—127.

В предыдущей статье «Методологические основы применения герменевтического подхода в преподавании гуманитарных дисциплин. Часть 1. Основные принципы герменевтики» были освещены основные принципы герменевтического подхода, следование которым позволяет более глубоко раскрыть содержание текста (принцип герменевтического круга, обращения к культурной традиции, погружения в индивидуальный мир конкретного автора, диалогичность, множественность интерпретаций, герменевтическая открытость, выявление актуальности текста). Герменевтические принципы не только помогают лучше понять произведение искусства, но и позволяют настроиться на восприятие собственных переживаний и осмысление жизненного опыта. В данной статье будет показано, как это можно реализовать в практической деятельности на примере анализе произведения изобразительного искусства (Р. Магритт «Песня любви»). На основе описанных принципов будет показана техника понимания, которая может быть применима для интерпретации визуальных текстов. Использование данной техники требует большого терпения, поскольку ее применение предполагает медленное и глубокое осмысление визуального текста в ходе групповой и индивидуальной работы обучающихся. Преподаватель здесь выполняет роль фасилитатора, который организует процесс и создает необходимые условия для продуктивной исследовательской деятельности студентов. Данная техника не приемлет пассивной установки на простое «потребление» информации, содержащейся в теоретических рассуждениях преподавателя. Ее эффективное использование возможно только в том случае, если преподаватель, не пытаясь экономить свое учебное время за счет студента, предоставит студентам возможность самостоятельно проводить интерпретацию. Данная техника понимания прошла апробацию на занятиях по философии во время знакомства с герменевтикой как философским направлением.

Техника понимания визуального текста

В результате анализа философской литературы и результатов интерпретационной работы студентов было выделено девять этапов, которые позволяют полнее понять и описать произведение искусства.

Первый этап: установление сенсорного контакта с произведением искусства. Совре-

менному человеку сложно сосредоточиться на восприятии произведения искусства, поскольку он живет в эпоху массового потребления визуального и вербального текста. Сама среда требует от человека быстрого реагирования внутри непрерывного потока информации, поэтому человек обращает внимание на то, что бросается в глаза, упуская при этом важные детали. Данная специфика мышления современного человека сказывается на понимании произведения искусства, поэтому необходимо настроить студентов на сосредоточенное восприятие и глубокое осмысление, для этого можно использовать следующее упражнение. Перед студентами ставится задача внимательно рассмотреть произведение изобразительного искусства, а затем с закрытыми глазами называть все детали увиденного. Перечисление, как правило, начинается с обнаружения главных визуальных образов картины и заканчивается описанием второстепенных элементов.

Вот какое описание картины Р. Магритта «Песня любви» было дано студентами: «На переднем плане картины можно увидеть зооморфных существ с телами людей и головами рыб (русалки наоборот). Существа сидят на каменистом берегу на большом сером камне. Они прижимаются друг к другу. Их рыьи головы при этом устремлены вверх, к небу. У существ хорошо прорисованы ноги и животы. Они имеют неестественный серый цвет. Можно сказать, что их цвет совпадает с цветом камня. На заднем плане в море можно увидеть двухмачтовый корабль с парусами, который сливается с морем. Он как будто является его продолжением. На переднем плане картины можно увидеть, как на берег наступает волна, но на заднем плане, наоборот, море спокойное. Небо покрыто кучевыми облаками, которые не предвещают непогоды».

Второй этап: эмоциональная настройка на пред-понимание. Пред-понимание — это то, что предшествует пониманию, направляет на поиск смысла. Прежде чем переходить к интерпретации картины зритель должен эмоционально настроиться на восприятие произведения искусства от этого зависит дальнейшая готовность вступить во взаимодействие с произведением. Л. Толстой в статье «Что такое искусство» отмечает, что эмоции, чувства является связующим звеном между зрителем и художником. Искусство состоит в том, что один человек внешними знаками передает другим испытываемые им чувства, а другие люди заражаются этими чувствами и переживают их [6].

Чувства помогают эмоционально настроиться на произведение искусства, а уже потом размышлять над ним. Чувства направляют внимание воспринимающего на содержание картины, подключают личный опыт интерпретатора. Процесс интерпретации запускается после настройки человека на сопереживание. Чувства и эмоций устанавливают необходимую связь между визуальными образами и понятиями, суждениями.

Эмоциональную настройку на пред-понимание можно проводить с помощью постановки следующих вопросов: «Какие чувства вызывает данное произведение?», «Почему именно эти чувства вы испытываете?». С одной стороны, вопросы помогают понять переданное художником настроение, предположить, что испытывал автор, создавая картину, какими чувствами он хотел поделиться со зрителями. С другой стороны, они помогают понять собственное отношение к содержанию картины. Обращение к чувствам делает человека экзистенциально открытым для восприятия, так как он познает объекты действительности, не теряя связи с самим собой. При эмоциональном восприятии произведения искусства субъект одновременно держит фокус внимания на собственном сознании и на изучаемом объекте. В этом отношении произведение искусства может расширить границы восприятия субъекта и способствовать обнаружению скрытых смыслов в как в самом произведении, так и в собственных мировоззренческих установках.

При восприятии картины студенты испытывали разные, зачастую противоречивые эмоции. Их можно было объединить в следующие группы. У ряда студентов картина вызвала чувства грусти, тревоги, беспокойства и страха. Свои переживания они объяснили тем, что, скорее всего, образы картины передают приближение беды. Существа обречены на плохой исход. Они не принадлежат не одной из сред, полностью отчуждены от окружающего мира. Несмотря на то что «на заднем фоне картины мирная обстановка, голубое небо, пушистые облака, спокойное море, сами серые фигуры этих существ омрачают безмятежный пейзаж картины. На них как будто бы наложена печать злого рока». Это песня любви может оказаться для них последней. «Картина кажется мрачной, так как цвета, которые использует художник для изображения существ, символизируют потерю, утрату».

У некоторых студентов картина вызвала ощущения таинственности, загадочности, непонимания, удивления, которые не свя-

заны с негативными чувствами. Картина казалась странной из-за образов «русалок наоборот», поскольку это выходит за границы стереотипного восприятия. «Эти фигуры непривычны нашему восприятию, они кажутся странными. Глядя на них непонятно, что художник хотел сказать, рисуя такие образы человекоподобных».

У других студентов картина вызвала ощущение спокойствия, умиротворения и блаженства. «Главные герои картины сидят на камне, нежно прижавшись друг к другу. Их тела расслаблены. Они наслаждаются близостью, им приятно находиться рядом друг с другом». «Представленная картина вызывает у них лишь положительные эмоции. Смотря на главных героев картины, хочется улыбаться, а также радоваться их счастью. Они влюблены и наслаждаются присутствием друг друга». «Им хорошо вдвоем они никуда не спешат». «По позам влюбленных видно, что они чувствуют себя в безопасности и им легко: от шума моря, от волн, которые бьются о камни. Они испытывают умиротворение».

У некоторых студентов возникли смешанные чувства: с одной стороны, от главных героев исходит умиротворение и спокойствие, с другой стороны картина вызывает ощущение безысходности и глубокой печали. Одна студентка объяснила двойственность чувств контрастностью цвета переднего и заднего плана. «Задний план светлый, и он вселяет надежду, в отличие от темного переднего плана, который создает трагическое ощущение». «Картина передает печаль. Хочется проявить сочувствие к главным героям, хотя не понятно, нуждаются ли они в нем. Печаль за их судьбу сменяется восхищением их чувствами. Несмотря ни на что, им удалось выразить свою любовь в прекрасной песне».

Третий этап: пред-понимание. Вхождение интерпретатора в текст происходит через пред-понимание, которое представляет собой «минимальное пред-знание». При рассмотрении произведения изобразительного искусства у реципиента появляется первое впечатление от него, в результате которого интерпретатор может «погрузиться» в анализ произведения или же оставаться на дистанции. Это зависит от того, насколько близок опыт интерпретатора и автора, насколько толкователь восприимчив к культурному контексту произведения [3, с. 125]. Для работы с картиной под пред-пониманием подразумевается обозначение главной темы или основной идеи картины. На этом этапе перед студентами можно по-

ставить вопрос: «Какая главная идея заключена в картине?». В дальнейшем ответ на этот вопрос может пересматриваться в ходе интерпретации.

Большинство студентов сошлись на мысли, что картина о любви. Однако в суждениях студентов отразились разные аспекты любви. Одни студенты описывали любовь как слияние двух существ, в котором обретается полнота и глубина, открывается смысл жизни: «Две влюбленные души слились в одну прекрасную песню, которая наполнила существование смыслом, теперь они поют эту песню не для себя, а друг для друга». Некоторые студенты отметили, что любовь настолько сильное чувство, что «захватывает человека полностью» и заставляет отвлечься от всего незначительного во внешнем мире: «как певец поглощен своим пением, так и влюбленные поглощены только чувствами друг друга, все остальное для них неважно», «все внешнее теряет значение, смысл жизни составляет только любимый и совместная песня любви, которая льется из глубины души».

Студентами было отмечено, что любящий человек выходит за пределы обыденного мира, он освобождается от принуждающей власти социального, общественного. Любовь духовно возвышает, она дает свободу и возможность творить новые смыслы и целые миры: «поглощенность собственными чувствами заставляет влюбленных застыть как статуи и целую вечность быть вдвоем в своем прекрасном мире».

Некоторые студенты посчитали, что художник показал только временное воссоединение существ, которые принадлежат к разным средам. «Благодаря любви они стали похожими друг на друга. Они стали близкими и понятными друг другу. Страсть стерла различия между ними. Это единство будет проявляться пока звучит песня любви, но, когда эта песня закончится, этот союз распадется. Каждый вернется в свою среду обитания».

Некоторые студенты пришли к мысли, наподобие идеи Эриксимаха в платоновском «Пире», что любовь имеет универсальный характер, она растворена во всем сущем. На понятном для всех языке любви разговаривает вся живая природа: «картина передает настоящую любовь, которая доступна всем независимо от их облика», «любовь — чувство, которое присутствует у всех живых существ, будь то человек или животное. Показанный в образах влюбленных синтез людей и рыб как раз об этом говорит».

Прозвучало много мыслей о том, что любовь нередко сталкивается с противостоянием обезличенных социальных сил. Проявление искренних чувств в обществе часто становится подвигом, граничащим с выбором между жизнью и смертью. Как написала одна студентка «существа на картине совершили подвиг любви: они осознают свою скорую гибель, но проявляют преданность и мужество — остаются вместе до конца, допевая свою последнюю песню любви».

Была предложена мысль, созвучная философским идеям Н. А. Бердяева, что любовь не вмещается в объективированный мир [1], она из него исторгается: «Любовь не всегда может прижиться в этом мире. Влюбленные, изображенные в виде “человеко-рыб” как раз выбиваются из привычных представлений о том, как должны выглядеть люди и как нужно вести себя в обществе. Влюбленные за их искренность и открытость могут оказаться изгнанными из общества. Они будут вдали от всех допевать свою песнь любви в окружении волн и скал».

Прозвучала версия, что художник изобразил не любовь, а лишь ее обманчивую иллюзию, которая возникает, когда люди объединяются друг с другом, чтобы не чувствовать одиночества. Их чувства — это самовнушение. На самом деле они испытывают страх перед внешним миром — это видно потому как они прижимаются друг к другу. «Чтобы убежать от страха, они создают ложные представления о том, что все хорошо, что они сделали правильный выбор в отношении своего спутника жизни. В представленных образах не любовь, а бегство от страшного мира в грезы и мечты».

Следует отметить, что высказанные идеи студентов о первоначальном понимании картины, в ходе интерпретации как дополнялись, так и полностью пересматривались. В процессе обсуждения намного проще отказаться от стереотипных суждений, поскольку другой человек помогает критически взглянуть на свое пред-понимание или предложить более сильные аргументы. По мысли Х.-Г. Гадамера, пред-понимание является необходимым условием для любого понимания. Сознание, которое очищено от предварительных мнений на самом деле ничего не сможет понять [2, с. 169]. Однако важно прислушиваться к мнению других, преодолевая догматизм. Совместная интерпретационная работа как раз развивает способность открываться новым идеям, новому опыту.

Четвертый этап: обнаружение «темных мест» (странных мест). «Темное место» — это

непонятная, неразгаданная часть текста, которая может быть выражена отдельным словом, словосочетанием или целой фразой. В изобразительном искусстве «темное место» представлено в виде визуального образа, который нуждается в пояснении (см. табл. 1—3.).

Пятый этап: формулировка вопросов, относящихся к «темным местам». На данном этапе следует обратиться к «темным местам», непонятным деталям картины. Интерпретация является коммуникативным актом, связывающим текст и его толкователя, интерпретатор вступает в диалог с произведением. С одной стороны, толкователь задает вопросы произведению, с другой стороны, произведение своим содержанием инициирует акты вопрошания у интерпретатора [2, с. 435—436]. На этом этапе преподаватель ставит перед студентами задачу, исходя из содержания картины, сформулировать вопросы относительно выявленных «темных мест» (см. табл. 1—3).

Шестой этап: поиск ответов на поставленные вопросы. Найденные ответы будут являться результатом истолкования визуальных образов. При ответе на вопросы можно ограничиться только художественным «текстом» картины. В этом случае толкователь проводит грамматическую интерпретацию, не обращая внимания на «жизненный контекст», выходящий за рамки визуальных образов. Если есть возможность, то для более глубокого осмысления можно использовать дополнительный материал, в виде литературных источников, которые описывают предысторию и историю создания картины, события, положенные в основу сюжета картины, культурно-исторические условия жизни самого художника, волнующие его проблемы, отношение художника к своему творчеству и многое другое. В этом случае реципиент проводит психологическую интерпретацию, обращаясь к личности автора (художника) и его жизни в определенное историческое время [7, с. 178]. С одной стороны, он обращает внимание на особенность духовной жизни автора, с другой, — рассматривает визуальные образы в рамках определенного культурного контекста.

На этом этапе истолкования используется метод герменевтического круга. Согласно этому методу часть объясняется исходя из содержания целого и наоборот [7, с. 67]. В качестве частей берутся отдельные сюжетные элементы произведения или отдельные визуальные образы картины, к которым адресованы вопросы. В качестве

целого — выявленный на этапе пред-понимания контекст произведения. Идеи, которые открылись интерпретатору во время ответов на вопросы по отдельным визуальным образам, сопоставляются с главной мыслью произведения. При этом общий контекст произведения может дополняться и видоизменяться при анализе отдельных частей произведения. Таким образом, при ответах на вопросы необходимо обращать внимание на то, насколько они согласуются с общим контекстом произведения. Если обнаружено противоречие необходимо либо изменить понимание целого контекста, либо пересмотреть интерпретации отдельных элементов. Ниже в табл. 1—3 приведены некоторые примеры ответов на вопросы по «темным местам» картины с опорой на пред-понимание.

Использовать метод герменевтического круга можно для прояснения места произведения искусства в творчестве автора или художника. В качестве элемента в данном случае выступает само произведение искусства, в качестве целого — все творчество автора (художника). Перед изучением отдельного произведения для его лучшего понимания необходимо выявить некие символы (основные идеи, принципы), которые встречаются во многих произведениях автора. Затем дать интерпретацию этого произведения искусства, исходя из сложившегося общего понимания творчества автора. Однако само произведение может открыть нам новые смыслы. Обращаясь к картине Р. Магритта, студенты отметили повторяющийся в творчестве художника образ корабля, который как будто сливается с морем («Песня любви», «Соблазнитель») и образ «русалок наоборот» («Коллективное изобретение», «Найденные дети», «Песня любви»). Более простым образом является корабль, который представляет собой фрагмент моря. На двух картинах корабль отсылает к воображаемому, к тому, о чем мечтается. Название картины «Соблазнитель» раскрывает желание соблазниться и последовать за своей мечтой. Сама фантазия раскрывает суть того, о чем мечтают, поэтому корабль и есть манящее море.

Образ «русалки наоборот» более сложен. Для его понимания нужно обратиться к психоаналитической традиции. В психоанализе обычная русалка выступает как проявление автономной феминности. Это символ невозможности подавления мужским началом женской природы (об этом намекает хвост русалки) и в то же время холодная красота русалок является символом освобождения

Таблица 1

**Поиск ответов на вопросы по поводу «темного места»:
«странные существа с телами людей и головами рыб»**

Вопросы к темному месту	Примеры вариантов ответа на вопрос	Выявленный на этапе пред-понимания контекст и его дополнение
1. Что хотел сказать художник, изобразив существ с телами людей и головами рыб?	<p>«Художник на своей картине изобразил влюбленных с головами рыб, которые поют песню любви. Пение рыб невозможно услышать другим существам. Песня любви звучит только для того, для кого она поется. О любви обычно не говорят, ее может воспринять только любящий человек с открытым сердцем».</p> <p>«Влюбленные изображены с головами рыб для того, чтобы показать, что их песня любви слышна только им самим. Ведь любовь — это дело двоих. Настоящие чувства не выносятся на публику, поэтому влюбленные вышли из моря, чтобы побыть наедине, подальше от чужих глаз»</p>	Любовь. Интимность, проявление чувств
	<p>«Изобразив людей с головами рыб, художник хотел показать силу человеческих чувств. Чувства, особенно любовь, намного сильнее, чем слова. Любовь не нуждается в словах (в словах она может исчезнуть), поэтому песню любви поют существа с головами немых рыб».</p> <p>«Существа изображены с головами рыб, потому что они настолько любят друг друга, что не могут передать глубину и силу своих чувств с помощью слов, поэтому художник наделил существ немymi головами»</p>	Любовь. Любовь невыразима в словах и не нуждается в них
	<p>«Художник нарисовал людей с головами рыб, потому что они не способны мыслить ясно. Они живут в своих грезах. При этом их чувства поверхностные, а не глубокие».</p> <p>«Я думаю, что у людей на картине головы рыб, потому что они всецело погружены в поток жизни, без сопротивления плывут по течению, бездумно отдают на волю своим чувствам. Каждый из них чувствует сильную любовь внутри себя. Эта любовь их связывает друг с другом»</p>	Чувства подавляют деятельность разума. Любовь иррациональна и спонтанна
	<p>«Художник этими образами показал метаморфозы природы, связанные с желанием воссоединиться. Возможно, эти существа изначально принадлежали к разным средам обитания, но затем у одного появились ноги, у другого — голова рыбы. В данном случае, это метафора преодоления трудностей ради любимого. Теперь у этих существ есть возможность быть вместе всегда. Они могут выбираться на сушу или погружаться в море. Любовь преодолевает любые препятствия»</p>	Любовь как подвиг, преодоление себя
	<p>«Образ человеко-рыб — это метафора, которая показывает сущность любви. Двое влюбленных погружены в свой собственный мир, который отличается от внешней среды. Этим образом художник показывает конфликт между действительностью и чувственным миром влюбленных, который наполнен мечтами и иллюзиями».</p> <p>«Художник хотел показать этим беспомощность данных существ, ведь рыбы не умеют защищаться от факторов неестественной для них среды. Им этого не дано. Также влюбленным с нежными душами сложно защититься от жестокого мира»</p>	Любовь. Конфликт между реальностью и миром грез

Вопросы к темному месту	Примеры вариантов ответа на вопрос	Выявленный на этапе пред-понимания контекст и его дополнение
	<p>«Изобразив людей с головами рыб, художник подчеркнул невозможность в полной мере выразить свои чувства по отношению друг другу. Они немые и не могут спеть свою песню любви в силу каких-то обстоятельств, препятствующих их союзу. Именно поэтому они молча сидят на берегу. Художник сатирически назвал проявление их чувств песней».</p> <p>«Данные существа напоминают призраков, которые вернулись завершить свои незаконченные дела. В мире незаконченным делом стало выражение своих чувств. Хотя теперь слова любви уже не имеют смысла. Вероятно, поэтому верхние части тел напоминают рыбы головы. Они безмолвны и неспособны подарить друг другу тепло. Такими они останутся, поскольку не осмелились проявить любовь в жизни. И теперь их наказанием и наградой стала сама возможность находиться рядом друг с другом и немymi касаниями доносить свое желание любить»</p>	<p>Любовь. Бессилие влюбленных в невозможности выразить чувства в силу обстоятельств</p>
	<p>«Художник хотел показать, что влюбленные не принадлежат этому привычному миру, для влюбленных он не имеет значения, они живут в своей фантастической реальности. Видеть настоящую любовь в этом мире подобно волшебству, сами влюбленные подобны мифическим существам»</p>	<p>Любовь. Любовь создает новые миры</p>
2. Что хотел сказать художник, изобразив существ с обнаженными телами?	<p>«Обнаженное тело — символ открытости, искренности и доверия влюбленных друг другу».</p> <p>«Эти существа голые, они полностью обнажены, как обнажены их души перед друг другом. Думаю, эта метафора честности и абсолютной искренности перед друг другом и перед всем миром»</p>	<p>Любовь. Открытость, искренность и доверие.</p>
	<p>«Обнаженные тела говорят о незащищенности влюбленных»</p>	<p>Любовь. Беззащитность влюбленных</p>
	<p>«Эти существа без одежды, потому что они свободны от всего, они думают только о своей любви и о своей мечте»</p>	<p>Любовь и свобода</p>
3. Данные существа живые или они вытесаны из камня?	<p>«Данные существа вышли на берег очень давно. Если раньше они и были живыми, то теперь в неестественной среде окаменели. Они вышли на берег, чтобы уединиться, оградить себя от враждебного мира»</p>	<p>Любовь. Беззащитность влюбленных перед миром</p>
	<p>«Художник изобразил главных героев как будто они из камня, чтобы показать какие тяжелые испытания проходят эти влюбленные. Кажется, что еще один вдох воздуха в неестественной среде, и они окаменеют окончательно. С каждым разом дышать им становятся все труднее и труднее»</p>	<p>Любовь. Преодоление испытаний</p>
	<p>«Данные существа живые. Они застыли, как каменные изваяния, от ощущения блаженства. Им по душе это место, где они смогли найти уединение».</p> <p>«Главные герои, как будто созданы из камня, но на самом деле это живые существа. Художник изобразил их в таком цвете для того, чтобы показать, что время для них остановилось. Они застыли в своем мире, где звучит песня любви» (Угрюмова Мария, 1 курс, факультет учителей начальных классов)</p>	<p>Любовь. Проживание любви</p>

Окончание табл. 1

Вопросы к темному месту	Примеры вариантов ответа на вопрос	Выявленный на этапе пред-понимания контекст и его дополнение
	«На картине мы видим неживых существ, это скульптура двух влюбленных, которая сделана из камня. Твердость камня по сравнению с быстротечностью жизни человека, предстает как символ вечности. Этим художник хотел показать, что их любовь вечна, несмотря на страдания, которые им пришлось перенести»	Подвиг любви. Вечная любовь
	«Эти существа неживые, эта скульптуры из камня. Таким способом художник хотел показать несокрушимость любви, которая может пережить все невзгоды»	Подвиг любви. Несокрушимость любви

Таблица 2

Поиск ответов на вопросы по поводу «темного места»: «поза данных существ»

Вопросы к темному месту	Примеры вариантов ответа на вопрос	Выявленный на этапе пред-понимания контекст и его дополнение
1. Почему главные герои картины прижимаются друг к другу?	«Они прижимаются друг к другу, так как любят друг друга. Между ними близкие отношения». «Поза говорит о доверии и близких отношениях»	Любовь. Близость. Проявление чувств
2. Почему рыбы головы существ обращены к небу?	«Небо — символ лучшей жизни, о которой они мечтают». «Их взгляды направлены на голубое небо, которое символизирует совместные планы на будущее и мечты»	Любовь. Мечты о лучшем будущем
	«Влюбленные смотрят на небо и поют небу свою песню любви. Кажется, что они просят у неба помощи и благословения на любовь». «Взгляды существ направлены на небо, потому что именно там они надеются найти свое спасение. Они влюблены друг в друга, но попали в какое-то бедственное положение, из которого они хотят выйти. Возможно, их любовь незаконна в глазах общества и вызывает осуждение»	Любовь. Бессилие влюбленных. Просьба о помощи
	«Когда человек поет и наслаждается песней, он слегка отклоняет голову назад для лучшей подачи звука, точно так же и эти существа поют песню любви и наслаждаются ее звучанием, поэтому их головы направлены вверх»	Любовь. Захваченность чувствами. Блаженство

Таблица 3

Поиск ответов на вопросы по поводу «темного места»: «корабль»

Вопросы к темному месту	Примеры вариантов ответа на вопрос	Выявленный на этапе пред-понимания контекст и его дополнение
1. Что олицетворяет корабль на заднем плане картины?	«Корабль — это символ повседневности с его пустыми заботами и бессмысленными делами. Повседневный мир не интересует влюбленных, он как корабль проносится по волнам мимо них. Влюбленных интересует только чувства друг к другу и их совместная песня любви». «Корабль на заднем фоне символизирует внешний мир, который влюбленные не замечают, поскольку они сосредоточены друг на друге. Море со своим течением является отражением времени. На палубе судна находятся люди, которые плывут на корабле по морю. Люди на корабле подчиняются движению»	Любовь. Освобождение от власти социального и повседневного

	времени и замечают изменения, происходящие вокруг. Влюбленные, наоборот, настолько захвачены своими чувствами, что потеряли счет времени. Не случайно художник изобразил данных существ на берегу. Скорее всего, раньше они тоже были пассажирами корабля, но решили покинуть его и создать свой собственный мир, в котором время застыло. В нем никого нет кроме них и их песни любви»	
	«Это не реальный корабль, а проекция мечты. Изобразив движение корабля, художник хотел отразить стремление влюбленных к исполнению задуманного, поэтому корабль сливается с морем и небом, не имеет четких очертаний. Может быть, корабль символизирует дом, который они хотят обрести». «Мне кажется, что корабль на самом деле мираж, который олицетворяет путь к своей мечте, к любви, которая может свободно проявиться в мире или остаться миражом»	Любовь. Мечты о лучшем будущем.
	«Корабль на заднем плане олицетворяет спокойствие и умиротворение, поэтому художник изобразил его такого же цвета, что и море»	Любовь. Умиротворение.
	«Корабль символизирует течение жизни или быстротечный ход времени. Время как призрак незаметно ускользает, когда влюбленные находятся рядом друг с другом». «Корабль напоминает корабль-призрак, он символизирует прошлое существ, которые сидят на берегу. В их прошлом была история любви, она получила свое воплощение в камне. Таким образом, фигуры на берегу — это скульптура, которая создана для сохранения романтической истории. Надо обладать восприимчивой душой, чтобы услышать песню любви, которая застыла в каменной вечности. Таким образом, Магритт снова напоминает зрителю о том, что образ предмета — не сам предмет»	Любовь и время.
	«Корабль, сливаясь с морем, создает ощущение бесконечности времени и пространства. Мир расширил свои границы, когда влюбленные открыли в себе это прекрасное, настоящее чувство»	Любовь. Расширение границ
	«Уходящий корабль — упущенные возможности. Влюбленные осуществили выбор, который предопределил их судьбу. Повернуть время вспять они уже не могут, поэтому они вместе расплавляются за свое решение». «Корабля на самом деле не существует, это мираж. Он символизирует будущее, которого нет для этих влюбленных». «Корабль на заднем плане символизируют уходящие надежды двух влюбленных, обреченных на одиночество и непонимание со стороны окружающих людей»	Любовь. Упущенные возможности, неопределенность будущего для влюбленных
	«Корабль не настоящий, он является символом иллюзии любви, которые создают эти два существа. Чтобы не быть одинокими, они всеми силами держатся друг за друга»	Иллюзия любви

от власти плотского начала и родовой функции [5, с. 130]. Образ русалки у Магритта существенно отличается по внешнему виду от традиционного изображения и несет в себе нечто протиположное. Эта не русалка с открытой грудью и рыбьим хвостом, которая только соблазняет мужчин и увлекает их на дно. Магриттовский образ «русалки

наоборот» показывает порабощение женской сексуальности («Коллективное изобретение», «Найденные дети») и в тоже время демонстрирует торжество плоти человека над его личностью, индивидуальностью. Закрытая рыбьей головой верхняя часть тела человека отвергается, остается лишь плоть для удовлетворения сексуального желания

и осуществления детородных функций. Р. Магритт, описывая «русалку наоборот», отмечает, что это существо «наделено всеми женскими атрибутами, а вот голова как у немой, слепой и глухой рыбы. У этой русалки есть только плотское начало. Ее деградировали до предмета сексуального желания. Лишили души и воли» [4]. В этих картинах образ женщины с головой рыбы показывает патриархальное видение женской природы, где телесный низ является апогеем объективированного, обезличенного «женского бытия». Картина с названием «Коллективное изобретение» отсылает к психоаналитическому термину «коллективное бессознательное». Художник намекает на сформированный утилитарный образ женщины, который в сознании людей становится архетипическим, поскольку хранится и воспроизводится с древних времен. Однако, на картине «Песня любви» представлены «русалки наоборот» двух полов. Скорее всего здесь обыгрывается идея подавления плотью личностного (разумного) начала. Существа, изображенные на картине, подчинены природной необходимости, они находятся во власти любовных страстей. Реципиент видит вместо лиц влюбленных рыбы головы. Этим приемом художник стремится показать, как влечение полов делает их невосприимчивыми к познанию целостности личности. Личность полностью растворяется в природной стихии.

Позиция автора (фрагмент целого) не может быть оторвана от культурно-исторического контекста (целое), поэтому подсказку можно найти в культуре той эпохи. Например, в фольклоре образ русалки связан со смертью, русалки являются предвестницами смерти для моряков. Также в произведениях искусства образ русалки интерпретируется как не упокоенный дух утопленницы (данная интерпретация, характерная для славянской мифологии, с которой художник возможно был знаком). Искусствоведы проводят параллель между образом русалки и трагедией детства художника. Считается, что в образе русалки он изобразил свою мать, которая покончила собой, утопившись в реке, когда Рене Магритт был ребенком. Пугающий вид утопленницы художник перенес на серию картин. Однако он сам отрицал данное истолкование образа русалки.

Седьмой этап: установление смысловых связей между фрагментами текста или элементами картины. На данном этапе осуществляется проверка согласованности визуальных образов. Если есть противоречия, то они выявляются и разрешаются пу-

тем поиска других, более точных ответов. Необходимо подвергнуть анализу каждый элемент, поскольку разные элементы могут передавать разные смыслы. Все произведение представляет собой совокупность смыслов отдельных элементов, а также дополнительных смыслов, которые обнаружены в процессе интерпретации. Рене Магритт считал, что значение каждого образа и картины в целом можно интерпретировать в соответствии с техникой ее создания. Для этого выбирается произвольный предмет или тема, вызывающая интерес, а затем осуществляется поиск другого объекта, который мог бы служить этому интересу. «Чтобы стать кандидатом на ответ, этот искомый объект должен быть связан с объектом-вопросом множеством тайных связей. Если ответ напрашивается во всей ясности, то связь между двумя предметами налаживается» [4]. Таким образом, смысл картины приоткрывается, когда наблюдатель обращает внимание на странное сочетание визуальных образов картины, что служит пищей для мышления. В этом сочетании раскрывается тайный смысл произведения искусства.

На этом этапе студенту нужно понять взаимосвязь всех образов картины, объединенных общим контекстом. Приведем несколько примеров, отражающих смысловые связи между визуальными образами и контекстом.

Пример 1. Художник изобразил на картине чувственное проявление любви (контекст). Люди с головами рыб испытывают друг к другу влечение. Их песня бессловесна, поскольку художник хотел отразить не духовное единство двух людей, а природное выражение любви. По тому, как они прижимаются друг к другу, видно, что они испытывают страсть, находятся в состоянии эйфории. Корабль, сливающийся с морем, показывает, насколько сильно охвачены влюбленные своими чувствами.

Пример 2. Любовь — это таинство, в которое посвящены только те, кто умеет любить (контекст). Существа поют песню любви, которую могут услышать только такие же, как они — влюбленные. Поза влюбленных является одним из выражений нежных чувств. Образ корабля раскрывает мечты влюбленных, связанных со светлым будущим.

Пример 3. Художник показывает возможные метаморфозы, которые могут происходить с влюбленными, которые оказались во враждебной для себя среде. Они способны изменять себя ради того, чтобы быть друг с другом. Им тяжело, но они рядом и нежно

поддерживают друг друга, их соприкасающиеся тела указывают на это. Корабль на заднем плане — это их мечта о том, что когда-нибудь вместе они преодолеют все трудности и препятствия.

Пример 4. Художник противопоставляет мир влюбленных реальному миру (контекст). Поза влюбленных раскрывает их чувства. Любовь — редкое явление, поэтому влюбленные выглядят как фантастические существа, которые здесь случайно. Они живут в своем иррациональном мире, наполненном мечтами и иллюзиями. Их символом является корабль. Еще чуть-чуть и он сольется с морем, т. е. их волшебный мир в любой момент может исчезнуть.

Пример 5. Художник показал трагедию любви, обреченность влюбленных на смерть (контекст). Влюбленные чувствуют себя как рыбы на суше, но прижимаясь друг к другу, поют до конца свою песню любви. Корабль, сливающийся с морем, показывает тщетность надежды на happy end.

Восьмой этап: осознание ценности приобретенного опыта понимания. На этом этапе студенты пытаются ответить на вопрос: Что лично мне может дать этот опыт осмысления картины? Основная функция искусства заключается в том, что оно помогает человеку понять себя. Оно служит зеркалом, глядясь в которое человек сможет объяснить собственные чувства и переживания. Наблюдая за собой, человек начинает анализировать свой эмоциональный опыт и свои мировоззренческие установки, на которые воздействовать, чтобы жить лучшей жизнью. В ходе осмысления картины студенты пришли к разным истинам о жизни. Приведу некоторые из них:

1. «Чувственная любовь обманчива, поэтому следует понимать свои эмоции. При построении отношений нужно стремиться лучше понять личность своего возлюбленного, только в этом случае можно полюбить по-настоящему».

2. «Каждый человек должен стремиться стать единым целым с близким человеком. В любви и в построении гармоничных отношениях заключается смысл жизни. Только чувствуя любовь и признание других людей можно стать счастливым. Некоторые люди упускают эту возможность и страдают от непроявленных чувств и ощущения бессмысленности жизни».

3. «Если любишь, то сможешь преодолеть любые препятствия. Любовь дает надежду на светлое будущее. Иногда одной этой надежды достаточно для счастья. Любовь и надежда должны быть сильнее вре-

мени. Картина художника прекрасна, она пробуждает веру в настоящие чувства».

4. «Нелегко правильно выражать свои чувства, а еще труднее хранить им верность и любить вопреки обстоятельствам. Картина поставила важный для меня вопрос: “Смогу ли я бороться с обстоятельствами ради своей любви?”».

Девятый этап: обобщение высказанных мыслей о произведении в виде мини-эссе, которое будет итогом работы всех предыдущих этапов.

Заключение

Работа с интерпретацией вербального и визуального текста направлена на понимание заложенного в нем смысла. Во время интерпретации произведения искусства неизбежно сопоставляешь себя с автором. Можно представить себе мир человека, который создал это произведение, вообразить себя на его месте и попытаться понять, какие переживания он мог бы испытать. Это позволяет обогатить собственное мировоззрение новыми личностными смыслами, расширить ассоциативно-смысловые связи с миром. По мере углубления понимания появляются другие вопросы. Этой ситуации не следует избегать, она неизбежна, поскольку интерпретация есть непрерывный поиск ответов на постоянно возникающие вопросы. Однако необходимо помнить, что способность человека эмоционально понять Другого хотя и лежит в основе искусства, не позволяет отождествлять наши чувства с чувствами автора. Если даже человек всецело проникнется временем и личностью автора, он все равно не сможет «выскочить» из пространства своего жизненного опыта. Полное понимание Другого невозможно, поскольку человеку дано понять только самого себя. Интерпретируя Другого, мы остаемся собой.

Произведение искусства дает возможность интерпретатору лучше понять самого себя, попробовать вжиться в произведение. Работа по интерпретации его содержания позволяет сопоставить результаты этой работы с собственным жизненным опытом. Ценность использования герменевтического метода заключается в том, что человек не только учится аргументировать и делать выводы, но и развивает способность соизмерять жизненные проблемы с собственным жизненным опытом. Философия с ее методами, прежде всего, должна служить инструментом для самопознания, прояснения экзистенциальной ситуации человека в мире,

расширяющей горизонты бытия. Материалом для самопознания может быть любой текст, который пробуждает мысль. В нашем примере — это картина Р. Магритта «Песня любви». Сам Магритт определял цель творчества в том, чтобы заставить зрителя задуматься о смысле жизни, поэтому картины художника напоминают ребусы, которые, как и жизнь, разгадать до конца невозможно. В жизни есть загадки, которые не имеют решения, или лучше сказать, для решения которых недостаточно лишь одного понимания жизни. Поэтому жизнь располагает, а мы лишь предполагаем, и в любом замысле художника мы глубже познаем самих себя.

Статья поступила в редакцию 26.08.2021

1. Бердяев Н. А. Эрос и личность. М. : Азбука-классика, 2013. 224 с.
2. Гадамер Х.-Г. Истина и метод: основы философии герменевтики. М. : Прогресс, 1988. 704 с.
3. Кармин А. С. Основы культурологии. Морфология культуры. СПб. : Лань, 1997. 512 с.
4. Паке Марсель. Магритт. М. : Арт-родник, 2013. 96 с.
5. Самохвалов В. П. Психоаналитический словарь и работа с символами сновидений и фантазий. Симферополь : СОНАТ, 1999. 184 с.
6. Толстой Л. Н. Что такое искусство? М. : Государственное издательство художественной литературы, 1951. URL: <http://tolstoy.ru/online/online-publicism/chto-takoe-iskusstvo/index.xhtml> (дата обращения: 26.07.2021).
7. Шлейермахер Ф. Герменевтика. СПб. : Европейский Дом, 2004. 242 с.

References

1. Berdyaev N.A. (2013) *Eros i lichnost'*. Moscow, Azbuka-klassika, 224 p. [in Rus].
2. Gadamer H.-G. (1988) *Istina i metod: Osnovy filosof. Germenevtiki*. Moscow, Progress, 704 p. [in Rus].
3. Karmin A.S. (1997) *Osnovy kul'turologii. Morfologiya kul'tury*. St. Petersburg, Lan', 512 p. [in Rus].
4. Pake Marsel' (2013). *Magritt*. Moscow, Art-rodnik, 96 p. [in Rus].
5. Samohvalov V.P. (1999) *Psihoanaliticheskij slovar' i rabota s simbolami snovidenij i fantazij*. Simferopol', SONAT, 184 p. [in Rus].
6. Tolstoj L.N. (1951) *Chto takoe iskusstvo?* Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo hudozhestvennoj literatury. Available at: <http://tolstoy.ru/online/online-publicism/chto-takoe-iskusstvo/index.xhtml> (accessed 26.07.2021) [in Rus].
7. Shleiermaher F. (2004) *Germenevtika*. St. Petersburg, Evropejskij Dom, 242 p. [in Rus].

For citing: Bogdanova V.O. Methodological foundations for applying the hermeneutic approach when teaching the humanities. Part 2. Technique for understanding a visual text as exemplified by analyzing a work of fine art (R. Magritte "Song of Love") // *Socium i vlast'*. 2022. № 1 (91). P. 90—101. DOI: 10.22394/1996-0522-2022-1-90-101.

UDC 140.8

DOI: 10.22394/1996-0522-2022-1-90-101

METHODOLOGICAL FOUNDATIONS FOR APPLYING THE HERMENEUTIC APPROACH WHEN TEACHING THE HUMANITIES. PART 2. TECHNIQUE FOR UNDERSTANDING A VISUAL TEXT AS EXEMPLIFIED BY ANALYZING A WORK OF FINE ART (R. MAGRITTE "SONG OF LOVE")

Veronika O. Bogdanova^{1, 2},

¹ South Ural State Humanitarian Pedagogical University, Associate Professor of the Department Chair of Philosophy and Cultural Studies, ² South Ural State University, Senior Researcher, Scientific and Educational Center for Practical and Applied Philosophy, Cand. Sc. (Philosophy). Chelyabinsk, Russia. E-mail: verovictory@mail.ru

Abstract

The article is devoted to the application of the hermeneutic approach in philosophy classes. The author proposes a technique for understanding a visual text, which allows one to move from the figurative perception of a work of art to the conceptual and structural level. In her study, the author describes the experience of using this technique while interpreting R. Magritte's painting "Song of Love". As a result of analyzing the group and individual work of students, the author comes to the conclusion that the technique does not only contribute to the discovery of the subjective meaning of a work of art, but is effective for the process of self-knowledge.

Keywords:

hermeneutics, grammatical interpretation, psychological interpretation, comprehension technique, hermeneutic circle, visual text

Для цитирования: Борисов С. В. Философские истории для детей и взрослых: заметки о книгах: Tillmanns, Maria daVenza. (2020—2021). *Why We Are in Need of Tales*, Toronto, Iguana Books, Part I. 61 p., Part II. 59 p. // Социум и власть. 2022. № 1 (91). С. 102—107. DOI 10.22394/1996-0522-2022-1-102-107.

УДК 101.1-3

DOI 10.22394/1996-0522-2022-1-102-107

**ФИЛОСОФСКИЕ ИСТОРИИ
ДЛЯ ДЕТЕЙ И ВЗРОСЛЫХ:
ЗАМЕТКИ О КНИГАХ:
TILLMANNS, MARIA daVENZA.
(2020—2021). WHY WE ARE IN
NEED OF TALES, TORONTO,
IGUANA BOOKS, PART I. 61 P.,
PART II. 59 P.**

Борисов Сергей Валентинович^{1, 2},

¹ Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет,

² Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет), доктор философских наук, профессор, Челябинск, Россия
E-mail: borisovsv69@mail.ru

Аннотация

Статья представляет собой развернутую рецензию на книги Марии даВенза Тиллманнс «Почему нам нужны сказки» (Toronto, Iguana Books, 2020—2021). Данные книги — результат многолетнего опыта автора по проведению философских классов с детьми (уровень начальной школы). Книги написаны в форме диалога, который создает эффект присутствия читателя в сюжетах сказочных историй, стимулирующий к размышлениям над их философским содержанием. Автор статьи рассматривает данные сюжеты с позиции некоторых ключевых идей мировой философской мысли.

Ключевые слова:
философская практика,
философия для детей,
философствование с детьми,
преподавание философии

Читателей ожидает новая встреча с историями, объединенными общим названием «Почему нам нужны сказки» (*Why We Are in Need of Tales*) [16; 17]. Напомню вам, что эти глубокие по содержанию философские книги написаны Марией даВенза Тиллманнс — профессиональным философом, посвятившим себя исследованию философствования с детьми, которая накопила ценный опыт работы в этой области. Книги Марии написаны в «соавторстве» с ее учениками школы El Toyon Elementary School (Калифорния, США), с которым Мария проводила классы философии для детей на протяжении трех лет. «После того, как я читала небольшой рассказ из книжки с картинками, дети начинали философствовать по поводу тех вопросов, которые вызывал у них прочитанный рассказ», — пишет Мария [16, р. 59]. Также дети предоставили свои рисунки, которые используются в качестве иллюстраций к сюжетам книг. Философствование с детьми — это особый мир интеллектуальных открытий, который совершают дети как бы играя и шутя, но это не умаляет значение этих открытий. Глубина этих открытий обусловлена особым состоянием мышления детей, воспринимающих мир впервые. К сожалению, эти прекрасные озарения, неожиданные повороты мысли впоследствии забываются в рутине повседневности. Мышление ребенка постепенно обретает стандартизированную форму, что позволяет ему успешно ориентироваться в культурной среде, однако «расплатой» за этот «успех» является «полоса забвения», стирающая воспоминания об этих интеллектуальных открытиях и прозрениях. Эта «полоса забвения» простирается на то важное и великое (полный контакт с бытием, бытие-присутствие, отношение «Я-Ты»), что, по сути, формирует дальнейшую взрослую жизнь человека. Этот неповторимый опыт есть самое первое и глубокое знание о мире и о своем месте в нем, которое всегда отзывается в сердце тоской по бытию, тоской по утраченному счастью и единству с миром.

Автору этих прекрасных книг удалось найти для описания такого уникального состояния подходящие образы. Прежде всего, это образы главных рассказчиков этих книг Хака и Така. Дело в том, что книги написаны в диалоге, поэтому читатель сразу погружается в атмосферу живой беседы. Диалог не только обостряет внимание, но и приглашает самого читателя участвовать в беседе. Так читатель становится в то же время слушателем. Итак, Хак и Так — странные существа, которых связывает крепкая

дружба, которая всегда ощущается и сохраняется с помощью ... хвостов [1; 9; 10]. Действительно, это очень удобно, потому что, когда ты связан с Другим хвостом, то во всем остальном твое тело может делать все, что ему нужно. Однако ты всегда чувствуешь связь с другом, это всегда тебе помогает, а иногда, может быть, даже тебя спасет. Дружба — это прочные узы-хвосты, которые связывают людей. Эти связи, хотя и крепкие, никогда не сковывают, потому что они естественные, а не искусственные. Как жаль, что у нас нет того волшебного «хвоста», которым мы всегда можем дотянуться до друга и через который мы всегда можем почувствовать его присутствие в нашей жизни, даже если мы при этом заняты своими повседневными делами.

Поскольку эволюция распорядилась так, что мы — обычные люди — живем без хвостов, нам трудно передать Другому всю глубину наших чувств и мыслей. Мы можем быть рядом, но при этом нам всегда чего-то не хватает. Нам не чем друг за друга «зацепиться», мы чувствуем свою оторванность, отдаленность от Другого. Но автор этих волшебных книг, похоже, знает средство, чтобы это исправить. Нам на помощь приходят иносказания, метафоры, образы, т. е. все то, что несут в себе волшебные сказки. И понимание становится возможным. Иносказание, образное видение — это то, что связывает нас невидимыми хвостами с нашими общими невидимыми корнями. Через эту тонкую подсознательную связь мы чувствуем единство друг с другом, потому что этими хвостами-сказками мы все укоренены в культуре.

В первой и второй части книг *Why We Are in Need of Tales* Хак и Так рассказывают нам волшебные истории по сюжетам сказок Лео Лионни и Арнольда Лобеля [11—15]. Волшебство этих историй не только в том, что их героями являются животные, ведь для сказок это нормально. Подлинное волшебство в том, что эти истории открывают нам путь к самопознанию. В этом сила волшебной сказки, в этом сила глубоких метафор, которые в ней содержатся. Метафора — это путь в неизвестное, новое. Метафора буквально «открывает нам глаза», поскольку в ее свете мы отчетливо видим то, что было скрыто от нас в тени повседневности. При этом новой является не сама мысль, которую мы уловили в сюжете, а я сам как мыслящий. Я обнаруживаю в себе какое-то новое состояние, которое становится мне понятным в свете этой мысли. Возможно, я открываю в себе какое-то новое качество, которое долго оставалось для меня не-

заметным. Возможно, метафора выводит меня на новое видение моих поступков, на новое понимание моих суждений о мире и на новое понимание моих отношений с другими людьми. Истина всегда нова, это всегда открытие. Новизна любой философской истины в том, что она открывает мне меня самого. Я застываю перед истиной как перед зеркалом и внимательно вглядываюсь в открывающиеся мне черты, которые я раньше не замечал (или старался не замечать). Как говорит Мартин Хайдеггер в своих размышлениях об истине, «сущность истины есть истина сущности» [7, с. 103], намекая на то, что истина не столько открывается мне, сколько открывает меня самого. К чему ведет меня это открытие? К необходимости что-то менять — в себе, в жизни, в своем отношении к миру и другим людям. Это путь самотрансформации. Идти по этому пути — цель философии и философствования.

Рассмотрим несколько сюжетов из этих книг, которые пробуждают философские размышления. Кого нам напоминают герои этих волшебных историй? Да ведь это мы сами! Иногда мы можем напоминать себе тех трех сварливых лягушек, героев одной из историй первой части, которые решили, что единый и доступный для всех глобальный мир можно поделить на части и считать эти части своей собственностью. Эти правители маленькой лужицы провозгласили себя: одна — властительницей воздуха, вторая — воды, а третья — земли. Но когда проливной дождь рассеял их манию величия и терпя бедствие они нашли прибежище на маленьком острове, оказалось, что это вовсе не остров, а большая жаба, которая помогла им выкарабкаться из затруднительной ситуации. Действительно, разве то, чем мы владеем, реально принадлежит нам? А принадлежать — это значит владеть единолично или делить это с другими, обмениваясь, сотрудничая, помогая? Неужели чтобы понять это нам обязательно нужно пережить какое-то бедствие (большое или малое), чтобы затем прийти к мысли, что, если я делюсь тем, что имею, я в итоге получу гораздо больше, чем если бы распорядился этим единолично? Если нам что-то нравится, например, мы обожаем свежесть утра и все мы члены «Клуба любителей утра», означает ли это, что доступ в наш клуб закрыт для тех, кто любит не только утро, но и день, а также ночь? Есть над чем подумать...

Иногда бывает, что нам трудно избавиться от наших привычных представлений, например, мнений о том или ином

человеке. Люди меняются, но наши мнения о них зачастую остаются прежними. Ведь мы привыкли судить о людях только на основании того, что нам близко и понятно. Эти суждения исходят от «идолов рода», которые живут в нас и которые, согласно Фрэнсису Бэкону, заставляют нас наши родовые предрассудки считать всеобщими принципами [2, с. 18—19]. Как объяснить рыбе, которая уверена, что настоящие (полноценные) живые существа — это только рыбы, что есть еще множество других живых существ с такими же равными правами на полноценную жизнь. Это лягушки, коровы, птицы, имеющие свои особенности, а, следовательно, живущие в своем особом (феноменальном) мире. Разве можно открыть для себя мир Другого? Или другие самим фактом своей «другости» всегда будут для нас адом, как утверждает Жан-Поль Сартр [4]. Но может быть выход из этого «ада других» в том, чтобы перестать сравнивать и тогда инаковость Другого не будет создавать искусственных препятствий для общения и понимания. «Это так интересно, — сказал Хак, — представьте себе все эти миры, о которых мы ничего не знаем, и сколько мы можем узнать о них, если перестанем их сравнивать с тем, что нам известно» [16, р. 14]. Все ли правила, которыми мы руководствуемся в жизни существуют для всех и для каждого? Может быть кому-то эти правила не подходят. Тем не менее мы можем оказать уважение этим правилам, пойти на компромисс, сохраняя при этом верность своим собственным целям. Например, если существует правило, что лодочник-комар переправляет всех через лужицу на своей утлой лодочке, то как поступить кузнечнику, которому проще перепрыгнуть через эту лужицу? «Кузнечик решил оказать уважение правилам Комара, да и самому Комару, даже если эти правила к нему неприменимы. Поэтому он перенес лодку вместе с Комаром вместо того, чтобы просто перепрыгнуть через озеро-лужу, и даже поблагодарил Комара за то, что он благополучно перевез его через озеро» [16, р. 41] Как вам такое решение?

Мир отнесится к каждому из нас по-разному. Бедного мышонка Александра никто не любит в том доме, где он живет в своей укромной норке за плинтусом. Зато почему-то все обожают заводного игрушечного мышонка Вилли. И хотя Александр и Вилли смогли подружиться несмотря на то, что они такие разные, Александр готов был расстаться со своей ненавистной жизнью, в которой его никто не любит, чтобы стать заводной игрушкой только ради того, чтобы

его любили. Но однажды Вилли оказался в коробке для мусора, куда попадали другие игрушки, к которым у детей пропал интерес. И тогда у Александра изменилось отношение к жизни. «Хак и Так были поражены всеми теми причинами и поводами, по которым быть настоящей мышью намного лучше, чем игрушечной» [16, р. 22]. Свободная воля — вот то, что отличает нас от заводных игрушек и «социальных зомби». Это то, что дает нам выбор, а если есть выбор, значит есть надежда, что мое желание совпадет с реальностью. Самое важное, чтобы, как рассуждает Эпиктет, мое желание было о том, что есть, а не о том, чего не может быть [8, с. 208—209]. Только тогда оно обретает силу, и моя воля и мой разум помогают мне найти то счастье, к которому я предопределен своей судьбой.

Но как быть с теми желаниями, которые возникают у меня вопреки существующим правилам? Я могу оказаться перед выбором: или соблюдать эти правила, или нарушить их? Что мне придет на помощь: внешний запрет или сила воли? Лягушка и Жаба лакомятся вкусным печеньем из коробки пока не остается самая последняя (а потому и самая желанная). Как быть, ведь они условились, что если такое произойдет, они прекратят есть, даже если очень хочется? Жаба предлагает прикрыть коробку ракушкой, но ведь все равно это не избавит от соблазна нарушить правило и съесть последнее желанное печенье. «Но тут Лягушке пришла в голову блестящая идея. Она выставила коробку на всеобщее обозрение и громко крикнула: “Эй, птички, вот печенье для вас!”» [16, р. 49]. Неплохое решение. Но как быть с силой воли? Может это просто самообман, как и предложение Жабы прикрыть коробку ракушкой. «Хак и Так сошлись во мнении, что уйти от проблемы не означает решить ее» [16, р. 51]. Невозможно избежать проблемы выбора по поводу того, соблюдать или не соблюдать принятые обязательства. Обязательства так же суровы и неумолимы, как сама судьба. Миф об Эдипе учит нас, что любые попытки уйти от судьбы ведут к ее исполнению. Поэтому, чтобы чувствовать себя хозяевами своей судьбы, мы должны понять, что мы абсолютно свободны. Да, мы обречены быть свободными, также как обречены отвечать за свои поступки, утверждает Жан-Поль Сартр [5, с. 324]. Поэтому у нас всегда есть выбор как этой свободой распорядиться. Но нужно помнить, что наша свободная воля является источником не только наших прав, но и наших обязанностей.

Во второй части *Why We Are in Need of Tales* Хак и Так обсуждают еще один важный аспект нашей жизни, который раскрывают нам последующие волшебные истории, — это наши мечты. Казалось бы, нет ничего более призрачного и далекого от реальности, чем мир наших грез и фантазий. Но наша жизнь — это не только повседневная рутина, наша жизнь — это творческий акт. В своем предисловии ко второй части *Why We Are in Need of Tales*, которое называется «Почему мечты так важны», Мария даВенза Тиллманнс пишет: «Смотрите, ведь мечты могут пробудить наше любопытство (представлениями о том, что находится по ту сторону известного), пробудить нашу фантазию (представлениями о том, что поднимает нам настроение), пробудить наше творчество (представлениями о красоте, выраженной в произведениях искусства)» [17, р. viii]. Самое важное и значимое, что мы творим в меру своих способностей, это самих себя. От качества нашего творчества зависит качество нашей жизни. Уже самим фактом существования, фактом своего появления на свет мы становимся главными героями жизненной драмы. Об этом замечательно пишет Хосе Ортега-и-Гассет, отмечая, что «жизнь есть то, что мы делаем, и то, что с нами происходит, начиная от мысли, мечты или переживания и кончая игрой на бирже или сражением на поле брани» [3, с. 39]. Эта драма отношений происходит либо в реальности, либо во сне, либо в том состоянии, когда мы не видим различия между сном и явью, когда мы как бы переносимся в реальность другого человека и исчезаем для себя самого, как это случилось с Жабой и ее другом Лягушкой в истории «Почему нам нужны сны». Иногда мы явственно осознаем необходимость присутствия Другого в нашей жизни только тогда, когда его нет рядом. Мы бываем настолько поглощены собой, своей игрой на сцене жизни, что Другой просто исчезает для нас, но сразу после его исчезновения мы чувствуем острую тоску по нему, тоску по нашей былой дружбе.

Хосе Ортега-и-Гассет отмечает, что «наша жизнь начинается с вечного сюрприза существования: без нашего предварительного согласия она погружает нас в пучину мира, о которой нам заранее ничего не известно. Жизнь нам не дана, мы открываем ее, причем это происходит тогда, когда мы открываем самих себя» [3, с. 43]. Мы открываем себя через познание всего неизвестного, что таится в мире. Неизвестное всегда желанно, именно потому что оно сокрыто. Тайна неизвестного всегда манит

и побуждает нас действовать. Мышонок Тилли столкнулась с громадной каменной стеной у подножия холма. Что находится за этой стеной, что представляет собой этот загадочный мир по ту сторону стены, как преодолеть эту стену, чтобы оказаться там? Стоит однажды подобным мыслям прийти в голову, от них уже не будет покоя. А если так, у нас появляется самое главное дело в жизни — оказаться по ту сторону этой громадной стены. Много попыток предпринимала Тилли, чтобы преодолеть эту стену, пока однажды ее не осенила блестящая мысль — сделать подкоп. «Она вырыла под стеной длинный и глубокий тоннель. Было темно и очень страшно, ведь она понятия не имела, куда он ее выведет» [17, р. 4]. Как бы вторят усилиям этой отважной мышки слова Хосе Ортега-и-Гассета: «Жизнь продуцирует много дел. Самое главное — это выбрать в данное мгновение то, что мы будем делать в следующее. Поэтому я утверждаю, что жизни свойственна способность принимать решения. Жизнь — это решение» [3, с. 57]. Это решение принять неизвестное и, преодолевая страх и сомнение, верить, что «по-ту-сторону-стены» нас ждет нечто новое, важное и значительное. Что же то удивительное, что встретила Тилли по ту сторону стены? Не будем раскрывать карты, сохраним интригу, пусть читатель сам почувствует тягу к неизвестному, силу мечты узнать об этом и сам сделает это открытие, прочитав данный сюжет [17].

А вот еще один странный персонаж — крокодил Корнелиус, который в отличие от обычных крокодилов научился ходить на задних лапах и более того, с помощью своего приятеля Обезьяны, он также научился стоять на голове и даже висеть на собственном хвосте. Правда, эти экстраординарные способности не встретили понимания у обычных крокодилов. Означает ли это, что нужно отказаться от своей «необычности» только ради того, чтобы быть как все? Как оказалось, экстравагантное поведение Корнелиуса имело неожиданные последствия: его младшие братья и сестры стали ему подражать, по крайней мере, они не считали Корнелиуса каким-то «ненормальным». «Иногда мы не хотим пробовать что-то новое только потому, что боимся, что не можем этого сделать» [17, р. 16]. Стоит поучиться у Корнелиуса, который вовсе не чувствовал себя дураком, потому что научился видеть мир в такой перспективе, которая никогда не открывалась другим крокодилам потому что они были такие как все. Таким же необычным был мышонок Фредерик,

который вместо того, чтобы суетиться, как другие мыши, собирая запасы на зиму, подолгу сидел задумчиво на своем камне и «собирал теплые солнечные лучи для холодных темных зимних ночей, или собирал яркие цвета для серых и унылых зимних дней, или собирал нужные слова для тех случаев, когда нечего будет сказать в течение долгой холодной зимы» [17, р. 28—29]. В результате это стало той духовной пищей для его товарищей, что помогло им пережить долгое зимнее оцепенение, что пробуждало их воображение благодаря тем воспоминаниям, которое сохранил Фредерик и щедро делился с ними.

Необычность каждого из нас открывает нам новые возможности, которые подолгу дремлют в нашей душе, но рано и поздно они проявят себя, стоит только дать им шанс. Это в полной мере относится к истории мышонка-художника Меттью и мышонка-музыканта Джеральдин из двух других диалогов Хака и Така. Нужно только иметь «мужество быть», как это определяет Пауль Тиллих, быть таким, какой ты есть, несмотря на страх одиночества и непонимания. «Мужество — это готовность принять на себя отрицания, о которых предупреждает страх, во имя более полного утверждения» [6]. Ведь «мужество быть», по словам Пауля Тиллиха, — это функция витальности, а витальность — это сила, позволяющая человеку творить за пределами самого себя, не утрачивая при этом самого себя [6]. Чем большей творческой силой обладает живое существо, тем больше его витальность. Отзвуки слов этого философа мы отчетливо чувствуем в заключительном диалоге Хака и Така: «Мечты дают нам смелость идти на риск, упорствовать и не бояться, они вдохновляют выйти за рамки привычного и путешествовать в мирах, созданных нашим воображением. Мечты помогают нам *оживать!*» [17, р. 53].

Следует сказать в заключение, что именно занятие философией с детьми вдохновили Марию даВенза Тиллманнс на написание этих причудливых историй, содержащих глубокие философские идеи, помогающие наладить общение по многим жизненным проблемам, как юным, так и не очень юным читателям. Поэтому данные книги могут быть рекомендованы не только для индивидуального чтения, но и для коллективного чтения в группах, а также они могут быть учебным, практическим пособием для занятия философией с детьми, да и не только с детьми.

Статья поступила в редакцию 15.01.2022

1. Борисов С. В. Эссе о хвостах, соединяющих нас с миром и друг с другом: большая философия в одном маленьком рассказе (под впечатлением и по мотивам книги: Tillmanns, M. (2019). *Why We Are in Need of Tails*, ill. by B. Thornley. Toronto, Iguana Books, 35 p.) // Социум и власть. 2020. № 2 (82). С. 102—106.

2. Бэкон Ф. Новый Органон // Сочинения : в 2 т. Т. 2. М. : Мысль, 1978.

3. Ортега-и-Гассет Х. Лекции по метафизике. Екатеринбург : Изд-во Уральского университета, 2000. 152 с.

4. Сартр Ж.-П. За закрытыми дверями // Экзистенциальный театр. М. : АСТ, 2010.

5. Сартр Ж.-П. Экзистенциализм — это гуманизм // Сумерки богов. М. : Политиздат, 1990.

6. Тиллих П. Мужество быть // П. Тиллих. Избранное. М. : Юрист, 1995. URL: <http://psylib.org.ua/books/tillp01/index.htm> (дата обращения: 15.01.2022).

7. Хайдеггер М. О сущности истины // Философские науки. 1989. № 4. С. 96—104.

8. Эпиктет. В чем наше благо? // Римские стоики: Сенека. Эпиктет. Марк Аврелий. М. : Республика, 1995.

9. Borisov S. Book Review: Maria daVenza Tillmann's "Why We Are in Need of Tails" // Analytic Teaching and Philosophical Praxis. 2020. Vol. 40, iss. 2. Pp. 97—100.

10. Borisov S. Book Review: Why We Are in Need of Tails by Maria daVenza Tillmanns // Philosophy Now: A Magazine of Ideas. 2021. Iss. 142: February/March. Pp. 44—45.

11. Leonna L. Alexander and the Wind-Up Mouse. New York : Dragonfly Books, 1969.

12. Leonna L. Fish is Fish. New York : Dragonfly Books, 1970.

13. Leonna L. It's Mine. New York : Dragonfly Books, 1985.

14. Lobel A. Frog and Toad Together. New York : Harper & Row, Publishers, 1972.

15. Lobel A. Grasshopper on the Road. New York : Harper & Row, Publishers, 1978.

16. Tillmanns Maria daVenza. *Why We Are in Need of Tales*, Toronto : Iguana Books, 2020. Part I. 61 p.

17. Tillmanns Maria daVenza. *Why We Are in Need of Tales*, Toronto : Iguana Books, 2021. Part II. 59 p.

References

1. Borisov S.V. (2020) Jesse o hvostah, soedinjajushih nas s mirom i drug s drugom: bol'shaja filosofija v odnom malen'kom rasskaze (pod vpechatleniem i po motivam knigi: Tillmanns, M. (2019). *Why We Are in Need of Tails*, ill. by B. Thornley. Toronto, Iguana Books, 35 p.). *Socium i vlast'*, no. 2 (82), pp. 102—106 [in Rus].

2. Bjekon F. (1978) *Novyj Organon*. Bjekon F. *Sochinenija*: v 2 t. Moscow, Mysl', T. 2 [in Rus].

3. Ortega-i-Gasset H. (2000) *Lekcii po metafizike*. Ekaterinburg, Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, 152 p. [in Rus].

4. Sartr Zh.-P. (2010) Za zakrytymi dverjami. Sartr Zh.-P. Jekzistencial'nyj teatr. Moscow, AST [in Rus].

5. Sartr Zh.-P. (1990) Jekzistencializm — jeto gumanizm / Sumerki bogov. Moscow, Politizdat [in Rus].

6. Tillih P. (1995) Muzhestvo byt'. Tillih P. Izbrannoe. Moscow, Jurist. Available at: <http://psylib.org.ua/books/tillp01/index.htm> (accessed 15.01.2022) [in Rus].

7. Hajdegger M. (1989) O sushhnosti istiny. *Filosofskie nauki*, no. 4, pp. 96-104 [in Rus].

8. Jepiktet (1995). V chem nashe blago? / Rimskie stoiki: Seneka. Jepiktet. Mark Avrelij. Moscow, Respublika [in Rus].

9. Borisov S. (2020). Book Review: Maria daVenza Tillman's "Why We Are in Need of Tails", *Analytic Teaching and Philosophical Praxis*, Vol. 40, Issue 2, pp. 97—100 [in Eng].

10. Borisov S. (2021). Book Review: Why We Are in Need of Tails by Maria daVenza Tillmanns, *Philosophy Now: A Magazine of Ideas*, Issue 142: February/March, pp. 44—45 [in Eng].

11. Leonna L. (1969). *Alexander and the Wind-Up Mouse*. New York, Dragonfly Books [in Eng].

12. Leonna L. (1970). *Fish is Fish*. New York, Dragonfly Books [in Eng].

13. Leonna L. (1985). *It's Mine*. New York, Dragonfly Books [in Eng].

14. Lobel A. (1972). *Frog and Toad Together*. New York, Harper & Row, Publishers [in Eng].

15. Lobel A. (1978). *Grasshopper on the Road*. New York, Harper & Row, Publishers [in Eng].

16. Tillmanns Maria daVenza. (2020). *Why We Are in Need of Tales*, Toronto, Iguana Books, Part I. 61 p. [in Eng].

17. Tillmanns Maria daVenza. (2021). *Why We Are in Need of Tales*, Toronto, Iguana Books, Part II. 59 p. [in Eng].

For citing: Borisov S.V. Philosophical stories for children and adults: review of the books by Maria daVenza Tillmanns (2020—2021) "Why We Are in Need of Tales", Toronto, Iguana Books, Part I. 61 p., Part II. 59 p. // *Socium i vlast'*. 2022. № 1 (91). P. 102—107. DOI: 10.22394/1996-0522-2022-1-102-107.

UDC 101.1-3

DOI: 10.22394/1996-0522-2022-1-102-107

**PHILOSOPHICAL STORIES
FOR CHILDREN AND ADULTS:
REVIEW OF THE BOOKS
BY MARIA daVENZA TILLMANNS
(2020—2021)
"WHY WE ARE IN NEED
OF TALES", TORONTO,
IGUANA BOOKS, PART I. 61 P.,
PART II. 59 P.**

Sergey V. Borisov^{1, 2}

¹ South Ural State Humanitarian Pedagogical University,

² South Ural State University (National Research University), Doctor of Philosophy, Professor. Chelyabinsk, Russia
E-mail: borisovsv69@mail.ru

Abstract

The article is a detailed review of the books by Maria daVenza Tillmanns "Why We Are in Need of Tales" (Toronto, Iguana Books, 2020—2021). The books appeared as a result of the author's many years' experience in conducting philosophy classes with children (elementary school level). The books are written in the form of a dialogue, which creates the effect of the reader's presence in the fairy tales plots, stimulating reflection on their philosophical content. The author of the article examines the plots from the standpoint of some key ideas of the world philosophical thought.

Keywords:

philosophical practice,
philosophy for children,
philosophy with children,
teaching philosophy

**Требования к оформлению статей
и сообщений, представляемых в редакцию
научного журнала «Социум и власть»**

1. Автор направляет рукопись по электронной почте.
2. Текст статьи представляется на русском языке объемом 40 000 знаков, включая сноски. Файл должен читаться в формате Word. Шрифт Times New Roman Cyr, № 14 (включая название). Межстрочный интервал — одинарный. Поле со всех сторон 20 мм. Текст следует отформатировать по ширине, без переносов. Текст статьи (включая название) оформляется строчными буквами с абзацным отступом 1,25 см с помощью компьютерной программы (не вручную).
3. В тексте шрифтовые выделения производятся светлым курсивом. Заголовки и подзаголовки набираются полужирным шрифтом.
4. Иллюстративные материалы (рисунки, чертежи, графики, диаграммы, схемы) выполняются с помощью графических электронных редакторов. Все рисунки должны иметь последовательную нумерацию.
5. Цифровые данные оформляются в таблицу. Каждая таблица должна иметь порядковый номер и название. Нумерация таблиц — сквозная. Сокращения слов в таблицах не допускаются, за исключением единиц измерения. Электронный вариант каждой таблицы и рисунка записывается также в отдельный файл.
6. Название статьи набирается 14 кеглем, только первая буква в названии статьи прописная, остальные — строчные. Под названием статьи указываются фамилия, имя и отчество автора, место работы (учебы), занимаемая должность, ученая степень и звание (если имеются), адрес места работы. Ниже приводятся аннотация и ключевые понятия.
7. Ссылки на научную литературу оформляются по тексту в квадратных скобках (например, [7, с. 27]), в конце статьи — библиографический список в алфавитном порядке.
Количество источников не менее 20. Самоцитирование — не более 2-х источников.
8. Ссылки оформляются в соответствии с требованиями ГОСТ 7.0.5—2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления».
9. На источники ненаучного характера (статистика, аналитика, учебные издания, нормативно-правовые акты и др.) оформляются сноски с помощью автоматической цифры.
10. Статья должна быть классифицирована — иметь УДК.
11. Автор указывает профиль статьи, представляемой к публикации.
12. Помимо текста статьи, автором представляются отдельные файлы в электронном виде на русском и английском языках:
 - а) аннотация;
 - б) ключевые понятия (не более пяти);
 - в) сведения об авторе — Ф.И.О. (полностью), должность и место работы (учебы), ученая степень, ученое звание, контактная информация (почтовый адрес с индексом, адрес электронной почты, контактный телефон);
 - г) шифр и название специальности, которой соответствует статья.Статьи, не отвечающие данным требованиям, к рецензированию не принимаются.
Решение о публикации направленных в журнал статей принимается в течение шести месяцев со дня поступления рукописи в редакцию.
В случае отклонения материалов в соответствии с замечаниями эксперта новый вариант статьи регистрируется вновь.
Статьи подлежат рецензированию членами редакционной коллегии журнала.
Статьи проходят проверку по системе «Антиплагиат».
Представляя в редакцию рукопись статьи, автор берет на себя обязательство до публикации рукописи в журнале «Социум и власть» не публиковать ее ни полностью, ни частично в ином издании без согласия редакции.
Образец оформления, а также рекомендации по подготовке статьи представлены на сайте журнала.
Плата за публикацию рукописей не взимается.
Контактная информация автора (адрес электронной почты, почтовый адрес) в журнале указывается обязательно.
Авторские экземпляры вышедшего номера высылаются наложенным платежом в количестве, указанном в письменной заявке.
Адрес редакции: 454077, г. Челябинск, ул. Комарова, 26, к. 308. Тел. 8(351) 771-42-30.
Адрес в сети Интернет: siv74.ru
E-mail: siv_jurnal@mail.ru

**Requirements for the articles and memos
presented for publication in the
«Socium i vlast'» journal**

1. The author is to send one copy of the typescript by e-mail.
2. The article is presented in Russian. The article should be 40,000 characters, including bibliography.* The file should be in Microsoft Word format. The font should be Times New Roman Cyr size 14 including the title. The line spacing is 1.0. The margins at all sides should be 20 mm. The text should be formatted breadthways and hyphenless justified. The text of the article or memo (including the title) should be done in lowercase letters with paragraph indent of 1.25 cm by software means, i.e. not by hand.
3. All font highlighting should be done in light italics. All titles and subtitles should be done in semi-bold.
4. All graphic materials (drawings, pictures, diagrams, graphs, schemes) should be done in image editing software. All images must be numbered sequentially.
5. All numerical data should be done in tables. Each table should have its number and name. The numbering of the tables is continuous. The tables should not have shortenings except for the units of measurement. E-versions of each table and image should be also done in separate files.
6. The title of the article should be done in size 14 font, the first letter is uppercase, and the rest are lowercase. The last name, first name and patronymic of the author, his place of work (study) and position, academic degree and rank (if applicable), place of work address should be given under the article title. Annotation and Key words are given below.
7. Scientific literature references should be done in square brackets (e.g. [7, p. 27]), and an alphabetized bibliography list is given at the end of the article. There should not be less than 20 reference sources. Self-citation should not be more than 2 reference sources.
8. The references should be done in compliance with GOST 7.0.5-2008 requirements under «Bibliography reference. General requirements and rules».
9. Unscientific reference sources (statistics, analytics, educational publications, regulatory legal acts and others) are referred to with the help of reference numbering.
10. The article must be classified and have the UDC (Universal Decimal Classification).
11. The author should note the agenda (specialization) of the article presented for publication.
12. In addition to the text of the article the author should also present the following positions in a separate e-file in Russian and English:
 - a. annotation.
 - b. Key words (up to 5).
 - c. Information about the author — Name, Patronymic, Last name (full), position and place of work (study), degree, academic rank, contact information (mailing address with ZIP code, e-mail, phone number).
 - d. course code and subject area to which the article corresponds to.The articles or memos not complying with the above mentioned requirements will not be reviewed and/or published.
The publication of the received articles will be approved or declined within 6 months from the date of receiving the manuscript by the editor. In case the article is declined for publication due to the expert opinion, any corrected version of the article has to be registered again.
The articles are to be reviewed by the journal editorial board.
The articles are to be run through the «Antiplagiat» system.
By presenting the typescript of the article to the editorial board, the author agrees not to publish the same article without consent of the editorial board fully or in part in any other media prior to its publication at the «SOCIMUM AND POWER» journal.
Article submission example and recommendations on preparing an article are presented on the journal site.
No charge is collected for reviewing and publishing of the articles.
The contact information of the author (e-mail, postal address) will be necessarily quoted in the journal.
The author's copies of the journal will be sent by mail order in the number specified in the application.
Editorial address: 454077, Chelyabinsk, Komarova st., 26, room 308.
Tel. 8(351) 771-42-30
Website: siv74.ru
E-mail: siv_jurnal@mail.ru

